ДБ-300
М-44
Мезиер, А.
Отечеств. война
Спб., 1912.

СПБ-СКОЕ ОБЩЕСТВО ГРАМОТНОСТИ

1812—1912.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

въ художественныхъ произведеніяхъ, запискахъ, письмахъ и воспоминаніяхъ современниковъ.

Съ вступительной статьей, календаремъ событій 12 года и иллюстраціями.

Сост. А. В. МЕЗІЕРЪ.

1912

Изданія С.-Петербургскаго Общества Грамотности.

С.-Петербургъ, Театральная ул., 5.—Телефонъ 95-78.

Разсказы, сказки, былины, стихотворенія.

Гоголь, Н. В. *Женитьба.* 69 стр. . . . . 4 к.
— *Коляска.* 18 стр. . . . . 2 „
— *Майская ночь или утопленница.* 43 стр. . . . . 3 „
— *Носъ.* 36 стр. . . . . 3 „
— *Ночь передъ Рождествомъ.* Съ рис. Д. М. Гаврильцева. 72 стр. 8 „
— *Пропавшая грамота.* 18 стр. . . . . 2 „
— *Сорочинская ярмарка.* Съ рис. Герардова. 48 стр. . . . . 10 „
— *Старосвѣтскіе помѣщики.* 34 стр. . . . . 2 „
— *Страшная месть.* 66 стр. . . . . 4 „
— *Шинель.* 44 стр. . . . . 3 „
— *Заколдованное мѣсто.* Съ рис. А. И. Романъ. 20 стр. . . . 3 „
— *Вечеръ наканунѣ Ивана Купала.* Съ рис. Н. Н. Герардова. 32 стр. 5 „
— *Вій.* 52 стр. . . . . 6 „
— *Художеств. юбилейн. сборн. рисунк.* къ произвед. Н. В. Гоголя художн. Пастернака, Герардова, Кустодіева и др. 71 стр. . . 30 „
Жуковскій, В. А. *Графъ Габсбургскій.— Кубокъ.* 15 стр. . . . . 3 „
— *Избранныя стихотворенія.* 16 стр. . . . . 3 „
— *Іосифъ Прекрасный.—Капитанъ Боппъ.—Выборъ Креста.* 27 стр. . . . . 5 „
— *Котъ въ сапогахъ.—Овсяный кисель.—Свѣтлана.* 26 стр. . 5 „
— *Сказка о Иванѣ-Царевичѣ и сѣромъ волкѣ.* 40 стр. . . . . 5 „
— *Сказка о царѣ Берендеѣ.* 24 стр. . . . . 3 „
— *Сказка о спящей царевнѣ.* 16 стр. . . . . 3 „
Толстой, Л. Н. *Три разсказа.* Упустишь огонь, не потушишь.—
— Свѣчка.—Какъ чертенокъ краюшку выкупалъ. Съ рис. С. М. Зейденберга и Б. М. Кустодіева. 48 стран. . . . . 15 „
— *Чѣмъ люди живы.* Съ рис. Пастернака. 32 стран. . . . . 5 „
— *Хозяинъ и работникъ.* Съ порт. авт. 56 стр. . . . . 10 „
Лермонтовъ, М. Ю. *Пѣсня про ц[illegible] Калашникова* *). Съ рис. Б. М. К[illegible] „
Пушкинъ, А. С. *Избранныя соч[illegible]* „
— *Полтава,* поэма *). Рис. Н[illegible] „
— *Метель,* повѣсть. Рис. А. І[illegible] „
— *Гробовщикъ,* повѣсть. Рис. К. С[illegible] „
— *Дубровскій.* Рис. Г. М. Манизеръ. 99 стр. . . . . 5 „
— *Мѣдный всадникъ.* Рис. А. Бенуа. 32 стр. . . . . 4 „
Кольцовъ, А. В. *Стихотворенія,* съ біографіей и нотами. 179 стр. 35 „
Крыловъ, И. А. *Басни.* Полное собраніе, съ біографіей и отдѣльной иллюстраціей къ каждой баснѣ. 4-е изд. 365 стр. . . . . 45 „
Былина о Добрынѣ Никитичѣ. Рис. И. Я. Билибина. 18 стр. . . 5 „
Былина о Вольгѣ и Микулѣ. Рис. В. В. Владимірова. 16 стр. . . . 5 „
Былина объ Ильѣ Муромцѣ. Рисунки И. Я. Билибина. 19 стр. . . 7 „
Былина о Соловьѣ Будимировичѣ. Рис. А. И. Вахрамѣева. 20 стр. 7 „
Былина о Василіи Буслаевичѣ. Рис. Г. М. Манизера. 34 стр. . . 7 „
Приключенія Робинзона Крузе. Сост. А. Н. Яхонтовъ. 7-е изд. съ рис. К. А. Газенкампфа и І. П. Кондратенко. 104 стр. . . . . 10 „
Максимовъ, К. Народные разсказы. 76 стр. . . . . 10 „
Соловьева, Л. Два сосѣда. 40 стр. . . . . 6 „
Морозовъ, П. Лѣсовикъ. 16 стр. . . . . 3 „
Герасимовъ, П. Скользкія дорожки. 72 стр. . . . . 10 „
— Не по судебному рѣшенію, а по Божьему велѣнію. 50 стр. . 10 „

*) Къ брошюрамъ, помѣченнымъ *, имѣются въ складѣ О-ва Грамотности соотвѣтственныя картины для волшебнаго фонаря.

ДБ
300
М44

1812—1912.

Отечественная Война

въ художественныхъ произведеніяхъ, запискахъ, письмахъ и воспоминаніяхъ современниковъ.

Съ вступительной статьей, календаремъ событій 1812 года и 18 иллюстраціями.

Сост. А. В. МЕЗІЕРЪ.

Изданіе
С.-Петербургскаго Общества Грамотности.

№ 80. Цѣна 30 коп.

СПБ. 1912.

Типографія «Родникъ», Спб., Невскій, 88.

Государственная публичная
БИБЛИОТЕКА
470228
Историческая

470228

Оглавленіе.

Вступленіе.

СТР.

I. Почему возникла Отечественная война. А. Мезіеръ . 1—14
II. Календарь событій 12-го года . . . . . 14—18

ЧАСТЬ I. **Передъ войной и въ началѣ войны.**

1. Первые слухи о войнѣ (Изъ „Рославлева“ А. С. Пушкина, изъ „Разсказовъ бабушки“ А. Благово, изъ „Записокъ“ Ѳ. В. Растопчина) . . . . . 19—25
2. Пріѣздъ государя въ Москву (Изъ воспоминаній А. Хомутова, изъ ром. Л. Н. Толстого „Война и миръ“ и изъ „Записокъ“ Ѳ. В. Растопчина) . . . . . 25—31
3. Въ Москвѣ послѣ отъѣзда государя. (Изъ ром. „Война и миръ“) . . . . . 31—33

ЧАСТЬ II. **Война:—Отъ Нѣмана до Смоленска.**

1. Два великана (Стих. М. Ю. Лермонтова) 34
2. Переходъ черезъ Нѣманъ (Стих. Я. Полонскаго) . . . 35
3. „Непріятель вступилъ въ Россію!“ (Изъ ром. Л. Н. Толстого „Война и миръ“) . . . . . 36—37
4. Воззваніе Наполеона къ арміи 10 іюня 1812 г. . . . 37—38
5. Манифестъ о всеобщемъ ополченіи и воззваніе Государя (Александра I-го) къ Москвѣ. . . . . 38—39
6. Каково было настроеніе въ русской и французской арміяхъ въ началѣ войны. (Изъ ром. „Война и миръ“ Л. Н. Толстого и изъ „Воспоминаній врача франц. арміи“ де-Ла-Флиза) . . . . . 39—41
7. Въ осажденномъ Смоленскѣ (Изъ ром. „Война и миръ“) . . . . . 41—48

СТР.

8. Полководецъ (Стих. А. С. Пушкина). . . . . 48—51
9. Настроенія деревни въ первую половину вйны:
1. Разсказъ смоленскаго дьякона (Изъ „Рус. Архива“ 1881 г., кн. 3). . . . . 51—53
2. Отъѣздъ изъ Богучарова (Изъ ром. „Война и миръ“). . . . . 53—61
3. Партизанъ Давыдовъ о настроеніи крестьянъ (Изъ „Дневника партизанскихъ дѣйствій“) . 61—62
10. Въ Москвѣ послѣ взятія Смоленска (Изъ „Записокъ“ Ѳ. В. Растопчина, изъ ром. Г. Данилевскаго „Сожженная Москва“, изъ „Писемъ М. А. Волковой къ В. И. Ланской) . . . . . 62—69

ЧАСТЬ III. **Бородинскій бой.**

1. Молебенъ наканунѣ Бородинскаго боя (Изъ ром. „Война и миръ“). . . . . 70—72
2. Бородино (Стих. М. Ю. Лермонтова). . . . . 72—74
3. На редутѣ Раевскаго. (Изъ ром. „Война и миръ“) . 75—85
4. Наполеонъ на Бородинскомъ полѣ (Изъ ром. „Война и миръ“) . . . . . 85—89
5. Совѣтъ въ Филяхъ (Изъ ром. „Война и миръ“). 89—93
6. Кто побѣдилъ въ Бородинскомъ бою? (Изъ „Ист. обзоръ Отеч. войны и ея причинъ“. Изд. Тамб. учен. Комиссіи 93

ЧАСТЬ IV. **Пожаръ Москвы.**

1. Великая панихида (Стих. Н. Щербина) . . . . . 95—97
2. Наполеонъ вступаетъ въ Москву (Изъ „Воспоминаній“ гр. де-Сегюра) . . . . . 97—101
3. Сквозь дымъ пожара (Изъ „Воспоминаній“ гр. де-Сегюра) 101—105
4. „Вотъ, окруженъ своей дубравой Петровскій замокъ“... (Стих. А. С. Пушкина) 105
5. Полковникъ Мишо оповѣщаетъ государя объ оставленіи Москвы непріятелю (Изъ писемъ гр. Мишо къ Михайловскому-Данилевскому) . . . . . 106—107
6. Предана на разграбленіе (Изъ „Записокъ“ польскаго офицера Генриха Брандта) . . . . . 108—109
7. Какъ бѣдствовали въ разоренной Москвѣ ея оставшіеся жители (Изъ „Былого и Думъ“ А. И. Герцена, изъ „Дневника анонимнаго московскаго обывателя“ и изъ „Разсказовъ дворовой женщины)“ . . . . . 110—129
8. Ворона и курица (Басня И. А. Крылова) 129

ЧАСТЬ V. Народная война и партизаны.

СТР.

1. Народная пѣсня о двѣнадцатомъ годѣ 130
2. „Вся Россія въ походъ пошла“ (Изъ „Записокъ“ И. Д. Якушкина) 131
3. О партизанскихъ дѣйствіяхъ. (Изъ „Дневника партизанскихъ дѣйствій Дениса Давыдова, изъ „Исторіи“ Михайловскаго-Данилевскаго, изъ стих. В. А. Жуковскаго „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“) . . . . . 131—137
4. Наказъ партизана. (Изъ „Дневника партизанскихъ дѣйствій“ Д. Давыдова) . . . . . 137—138
5. Рюховскій дьячокъ Вас. Григ. Рагозинъ (Изъ кн. С. Князькова „Священной памяти 12-го года“) 139
6. Два типа партизановъ. (Изъ „Дневника партизанскихъ дѣйствій“ Д. Давыдова) . . . . . 139—141
7. Какъ расправлялись крестьяне съ французами. (Михайловскій-Данилевскій, изъ „Воспоминаній“ кн. А. А. Шаховского, изъ разсказа И. С. Тургенева „Однодворецъ Овсяниковъ“, изъ „Разсказа дворовой женщины о 1812 годѣ“) . 141—147

ЧАСТЬ VI. Отступленіе французовъ.

1. Волкъ на псарнѣ (Басня И. А. Крылова) . . . . . 148—151
2. Не „Великая армія“, а орда кочевниковъ. (Изъ „Воспоминаній“ гр. де-Сегюра) . . . . . 151—154
3. Вѣсть о выходѣ французовъ изъ Москвы (Изъ ром. „Война и миръ“). . . . . 154—156
4. Къ тѣни полководца (Стих. А. С. Пушкина). 156
5. Выигрышъ равный проигрышу. (По де-Сегюру). . . . 157—158
6. Наполеонъ чуть не попадаетъ въ руки казаковъ (По де-Сегюру). . . . . 158—160
7. Ничего не осталось кромѣ отступленія. (Изъ „Воспоминаній“ гр. де-Сегюра). . . . . 160—162
8. Ужасы отступленія:
    1. Изъ Стих. Ап. Майкова „Сказаніе о 12-мъ годѣ“. 162—163
    2. Изъ писемъ французовъ на родину. . . . . 163—164
    3. Изъ воспоминаній сержанта Бургоня. . . . . 164—166
    4. Изъ „Записокъ“ Н. Муравьева . . . . . 166—171
9. Вѣдомость о числѣ истребленныхъ человѣческихъ и скотскихъ труповъ по изгнаніи непріятеля изъ Россіи . 171
10. Встрѣча партизановъ со старой Наполеоновской гвардіей (Изъ „Воспоминаній“ Д. Давыдова) . . . . . 172—173

стр.

11. Послѣ сраженія подъ Краснымъ (Изъ ром. „Война и Миръ“) . . . . . 173—176
12. Отступленіе Нея (Изъ „Воспоминаній“ де-Сегюра) . 176—183
13. Черезъ Березину (По „Воспоминаніямъ“ де-Сегюра, стих. И. Крылова „Щука и Котъ“, по разсказамъ изъ „Отеч. войны“ Любецкаго и др.). . . . . 183—191
14. Обратно черезъ Нѣманъ (Изъ „Воспоминаній“ де-Сегюра) . . . . . 191—193
15. Легенды о Наполеонѣ:
I. Гренадеры (стих. Г. Гейне въ перев. Михайловскаго). 193—194
II. Воздушный корабль (стих. М. Ю. Лермонтова). 194—196
III. Наполеонъ (стих. А. С. Пушкина). . . . . 196—198

Заключеніе.

1. Послѣ войны (Изъ „Писемъ М. А. Волковой къ В. И. Ланской, изъ ст. якад. Н. Дубровина „Послѣ Отечественной войны“, изъ манифеста имп. Александра I-го) . 199—204

Рисунки.

1. Видъ Москвы до пожара 1812 г. Съ современной гравюры . . . . . стр. 19.
2. Портретъ Александра I-го . . . . . „ 26.
3. „ Наполеона. Съ карт. *Де-Лароша* . . . . . „ 33.
4. Пожаръ Смоленска. Рис. съ натуры офицера франц. арміи *Фаберъ-дю-Фора* . . . . . „ 47.
5. Портретъ М. Б. Барклая-де-Толли. Съ карт. *Доу* . „ 49.
6. „ М. И. Кутузова. Съ гравюры *Гопвуда* . . „ 63.
7. Бородинское поле 15 сент. 1812 г. Съ карт. *Фаберъ-дю-Фора* . . . . . „ 95
8. Наполеонъ подъ Москвой. Съ карт. *В. Верещагина* . „ 99.
9. Сквозь пожаръ. Съ карт. *В. Верещагина* . . . . . „ 103
10. Французы въ Москвѣ. Съ современ. литографіи . . „ 109.
11. Поджигатели. Съ карт. *В. Верещагина* . . . . . „ 123.
12. Извѣстный партизанъ Давыдовъ. Съ соврем. гравюры „ 133.
13. „Съ оружіемъ въ рукахъ? Разстрѣлять!". Съ карт. *В. Верещагина* . . . . . „ 135.
14. Плѣнные французы. Съ карт. *В. Верещагина* . . . „ 143.
15. Наполеонъ. Съ карт. *В. Верещагина* . . . . . „ 149.
16. Выступленіе французовъ изъ Москвы. Рис. *Фаберъ-дю-Фора* . . . . . „ 152.
17. Ночной привалъ Великой арміи. Съ карт. *В. Верещагина* . . . . . „ 166.
18. Отступленіе Великой арміи. Съ карт. *В. Верещагина* „ 185.
19. Медаль въ память Отечественной войны . . . . . „ 204.

Замѣченныя опечатки.

Напечатано:	*Надо читать:*
Стр. 19, въ заголовкѣ . вначалѣ	въ началѣ
„ 31, 17 строка св. . Ф. В. Растопчина .	Ѳ. В. Растопчина
„ 199, 6 „ сн. . М. И. Ланской . .	В. И. Ланской

Вступленіе.

I Почему возникла „Отечественная война“.

Сто лѣтъ тому назадъ Россія пережила тяжкое вражеское нашествіе: въ ночь съ 11-го на 12-е іюня 1812 года императоръ французовъ, Наполеонъ Бонапартъ, во главѣ огромной разноплеменной арміи [1]) вторгся въ предѣлы нашей родины. Тѣсня передъ собой русскія войска, онъ быстрыми переходами двинулся въ сердце Россіи, къ первопрестольной Москвѣ.

Много войнъ вела Россія—и турецкія, и польскія, и шведскія, и нѣмецкія,—но почти всѣ онѣ проходили внѣ ея предѣловъ или шли по ея окраинамъ. До народа доносилась темная молва о событіяхъ, оставалось нѣкоторое сознаніе силы русскаго государства, но вообіце народъ былъ чуждъ этимъ войнамъ: причины ихъ оставались ему непонятны, только ихъ тяжесть чувствовалъ онъ на своихъ плечахъ.

Не то было въ 1812 году. Волна чужеземнаго нашествія прокатилась по самой русской землѣ—отъ западной границы, черезъ литовскія губерніи и Смоленскъ, до Москвы. Разрушеніе городовъ, страшное истребленіе людей, занятіе Москвы, пожаръ первопрестольной—все это производило потрясающее дѣйствіе, давало войнѣ страшный видъ борьбы за существованіе. Наполеонъ пришелъ съ арміей,

---

[1]) Кромѣ французовъ, въ армію входили почти всѣ народности Евроны: австрійцы, итальянцы, нѣмцы, поляки, также португальцы, датчане, швейцарцы и пр. Всѣ эти народности были сведены въ отдѣльные корпуса и имѣли своихъ національныхъ корпусныхъ командировъ. Такъ, австрійцы были подъ начальствомъ австрійца же Шварценберга, пруссаки—нѣмца Макдональда, итальянцы—своего вице-короля принца Евгенія, пасынка Наполеона, поляки—Понятовскаго и т. д.

которая уже одной своей громадностью — около 600 тысячъ человѣкъ [1])—наводила на мысль, что дѣло идетъ о покореніи Россіи или, по крайней мѣрѣ, о намѣреніи отнять у нея многое. Поневолѣ приходилось каждому русскому человѣку такъ или иначе откликаться на событіе.

Населеніе тѣхъ мѣстъ, по которымъ проходилъ непріятель, особенно живо и больно почувствовало вражеское нашествіе, когда солдаты непріятельской арміи стали *мародерствовать*, т. е. отбирать у крестьянъ хлѣбъ, всякую живность, сѣно, солому, овесъ и другое крестьянское добро. А развилось мародерство потому, что съ углубленіемъ внутрь враждебной страны стало трудно запасаться провіантомъ и фуражомъ. Вотъ это-то превращеніе солдатъ Великой Арміи [2]) въ грабителей крестьянскаго добра и достатка и отразилось очень значительно на отношеніи русскаго крестьянина къ французу-врагу. И война двѣнадцатаго года стала войной народной, захватила всѣ слои населенія.

По полученіи извѣстія о переходѣ Наполеона съ арміей черезъ нашу пограничную рѣку Нѣманъ, императоръ Александръ приказалъ своему секретарю, Шишкову, соста-

---

[1]) Наполеонъ во всѣхъ подвластныхъ ему земляхъ Европы располагалъ арміей, доходящей до 1 милліона чел. Изъ этого количества онъ двинулъ на Россію около 600 тысячъ, считая въ томъ числѣ гарнизонныя и этапныя войска. Что касается дѣйствующей арміи, то она имѣла въ своемъ составѣ 12 пѣхотныхъ корпусовъ съ полагающейся при нихъ кавалеріей и артиллеріей (1372 полевыхъ и осадныхъ орудія). Численность этихъ пѣхотныхъ корпусовъ была различна, но всего приблизительно 370 тысячъ. Кромѣ того, въ дѣйствующую армію входили 4 резервныхъ кавалерійскихъ корпуса, подъ общимъ начальствомъ Неаполитанскаго короля Мюрата, численностью до 40.000. Ко всѣмъ этимъ войскамъ надо добавить маршевые батальоны, всего около 80 тысячъ человѣкъ, поступившіе на укомплектованіе дѣйствующей арміи. Такова была эта Великая армія. (О численности русской арміи см. свѣдѣнія въ примѣчаніяхъ къ гл. 3-ей части II, „Война“).

[2]) Такъ называли Наполеоновскую армію.

вить манифестъ, и 13-го іюня вся Россія читала обѣтъ государя: *„Я не положу оружія доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ!“*

Но почему же Наполеонъ вторгся въ Россію? Что побудило его начать съ нами эту войну? Да и имъ ли была она начата?

Началась война двѣнадцатаго года, дѣйствительно, сейчасъ же вслѣдъ за вторженіемъ Наполеона въ предѣлы Россіи. Но подготовлялась она цѣлымъ рядомъ предшествовавшихъ событій. Чтобъ уяснить себѣ причины этой войны, огляпемся назадъ, къ временамъ царствованія бабки Александра I, Екатерины Великой.

Въ эту пору въ Европѣ произошли событія громадной важности: во Франціи вспыхнула революція, и прежній порядокъ управленія былъ замѣненъ тамъ республикой; единоличная власть короля смѣнилась властью народа и его выборныхъ представителей.

Испуганные этими событіями европейскіе государи рѣшили соединиться и силою союзнаго оружія заставить мятежную Францію успокоиться и вернуться къ старому порядку. Но французы встали на защиту своей свободы и своихъ новыхъ порядковъ, сами перешли въ наступленіе и съ успѣхомъ отразили непріятельское нашествіе [1]). Мало того: отразивъ врага, французская революціонная армія понесла „права человѣка и гражданина“ къ сосѣднимъ народамъ-братьямъ, предлагая свою помощь для завоеванія свободы. Ея шествіе было побѣдно. И за время съ 1795 по 1799 г. въ Европѣ, съ помощью французовъ, возникло нѣсколько республикъ.

Шли годы, а война слѣдовала за войной, держала французскихъ солдатъ вдали отъ родины и въ сторонѣ отъ совершавшихся въ ней событій. Вѣчные походы превращали солдатъ изъ гражданъ-патріотовъ въ профессіо-

---

[1]) Объ этихъ событіяхъ интересно разсказано въ книгѣ *Эркмана-Шатріана* „Исторія крестьянина“.

наловъ [1]), жившихъ войной, потерявшихъ связь съ обществомъ тамъ, на родинѣ. Естественно, что французскіе солдаты захотѣли имѣть отъ своей профессіи то, что теряли дома. Уже не мысль о народахъ-братьяхъ волновала ихъ, а военная слава и возможность обогащенія. Имъ нуженъ былъ вождь, который открылъ бы имъ путь къ славѣ и обогащенію, заставилъ бы говорить міръ о ихъ подвигахъ. Такого вождя кочевавшая по Европѣ французская армія обрѣла въ Наполеонѣ Бонапартѣ.

Возвысился Наполеонъ необычайно быстро и стремительно. Изъ безвѣстнаго артиллерійскаго поручика онъ какъ-то сразу превратился въ славнаго генерала Бонапарта. Отъ полководца онъ такъ же быстро шагаетъ къ первому консулу [2]) республики, а изъ консула республики превращается въ императора Франціи. И все это на протяженіи какихъ-нибудь восьми лѣтъ (1796—1804). И черезъ всѣ эти годы идутъ оглушительные военные подвиги, тѣ „побѣдные громы“, отъ которыхъ, по выраженію поэта [3]), „нашъ шаръ земной“

Колыхался и дрожалъ,
И народъ въ смятеньи,
Ницъ упавши, ожидалъ
Міра разрушенья...

Наполеонъ опьянилъ свою армію побѣдами, громкой славой, богатствами. Онъ привязалъ къ себѣ солдатъ своими необыкновенными военными талантами, изумительнымъ хладнокровіемъ, находчивостью, храбростью, быстротою своихъ ударовъ въ битвахъ, наконецъ, своею близостью и доступностью солдату, своимъ знаніемъ его нуждъ. Немудрено, что армія боготворила своего вождя; она бы-

---

[1]) Т. е. людей, для которыхъ званіе солдата стало ремесломъ.

[2]) Первымъ консуломъ республики называлось лицо, ставшее во главѣ республики послѣ переворота и облеченное правительственною властью; первымъ назывался онъ потому, что было еще два консула, его помощника.

[3]) Д. Давыдовъ.

ла готова для него на все. И когда насталъ день, гдѣ солдатамъ пришлось показать на дѣлѣ эту готовность, они показали ее. „Солдаты,—сказалъ Бонапартъ,—я велъ васъ къ побѣдамъ, могу ли разсчитывать на васъ?“ —„Да, да! да здравствуетъ генералъ!“ И онъ совершаетъ съ ихъ помощью задуманный имъ государственный переворотъ и захватываетъ верховную власть...

Захвативъ верховную власть и сокрушивъ революцію въ самой Франціи, Наполеонъ, силою обстоятельствъ, становится продолжателемъ дѣла революціи въ Европѣ. Такъ, создавая троны для своихъ родныхъ въ нѣмецкихъ княжествахъ, онъ долженъ былъ волей-неволей, при преобразованіи этихъ княжествъ на французскій ладъ, уничтожать въ нихъ крѣпостное состояніе крестьянъ и вводить французскіе гражданскіе законы—знаменитый кодексъ [1]) Наполеона; въ основѣ его лежало гражданское равноправіе и безсословность, завоеванные для Франціи до Наполеона революціей. Вводя свой кодексъ, Наполеонъ такимъ образомъ вводилъ равноправіе и безсословность и въ обиходъ той побѣжденной страны, гдѣ до сихъ поръ этими благами не пользовались.

Въ Россіи давно съ большимъ неудовольствіемъ слѣдили за всѣмъ тѣмъ, что совершалось въ самой Франціи и что дѣлалось французами въ Европѣ. Еще Екатерина, возмущенная успѣхами французскаго революціоннаго оружія, собиралась помогать государямъ Европы посылкой русскихъ войскъ подъ начальствомъ Суворова. Но она умерла среди приготовленій къ этому походу. Смѣнившему императрицу сыну ея, Павлу I, пришлось имѣть дѣло уже съ Наполеономъ. Павелъ послалъ противъ Наполеона старика Суворова помочь Австріи, боровшейся тогда съ Франціей изъ-за Италіи, но не помогъ ей [2]). Наконецъ, и Александръ I заключилъ противъ Наполеона

---

[1]) Кодексъ—сводъ законовъ.

[2]) Впослѣдствіи Павелъ, не отличавшійся устойчивостью въ международной политикѣ, сталъ союзникомъ Наполеона.

союзъ съ австрійскимъ и прусскимъ государями и неоднократно въ теченіе 1805—1807 годовъ посылалъ русскія войска въ Европу на помощь Австріи и Пруссіи противъ Наполеона. Но и это участіе русскихъ войскъ не спасло Австрію и Пруссію отъ разгрома. Обѣ сосѣдки Россіи должны были признать въ концѣ концовъ первенство Наполеона въ Европѣ и подчиниться его волѣ. Это произошло послѣ того, какъ Вѣна, столица Австріи, и Берлинъ, столица Пруссіи, покорно склонили голову передъ побѣдителемъ и съ поклономъ вручили ему ключи отъ своихъ воротъ.

Войны 1805—1807 годовъ украсили Наполеона новыми военными лаврами и утвердили за нимъ прозвище „непобѣдимаго“. Аустерлицъ, Іена, Фридландъ—вотъ тѣ мѣста, гдѣ союзныя австро-прусско-русскія войска потерпѣли жестокія пораженія отъ Наполеона,—пораженія, которыя привели Россію къ Тильзитскому миру (1807 г.).

Въ Тильзитѣ императоръ Александръ долженъ былъ принять тѣ условія мира, какія Наполеону угодно было продиктовать ему. А условія онъ продиктовалъ такія: императоръ Александръ вступаетъ съ нимъ, Наполеономъ, въ союзъ и отказывается отъ всякихъ торговыхъ сношеній съ Англіей, потому что отнынѣ враги Франціи должны стать и врагами Россіи.

Это послѣднее условіе соглашенія было главнымъ козыремъ для Наполеона, а для Россіи—мертвой петлей.

Дѣло въ томъ, что условія экономическаго—хозяйственнаго—развитія Россіи требовали тогда, чтобы Россія дружила съ Англіей, а условія экономическаго развитія Франціи, наоборотъ, уже очень давно, гораздо раньше Наполеона, постоянно вовлекали Францію въ борьбу съ Англіей. Борьба между Англіей и Франціей заполняетъ западно-европейскую исторію въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Причиной тому была противоположность хозяйственныхъ интересовъ этихъ двухъ странъ.

Хозяйство должно доставлять народу средства для его существованія и для его дальнѣйшаго развитія. Чѣмъ

прибыльнѣе хозяйство, тѣмъ больше и возможность политическаго процвѣтанія страны. Другими словами, политическое могущество не у того государства, у котораго войска больше, а у того, у котораго хозяйство благоустроеннѣе и прибыльнѣе. Поэтому каждое государство принимаетъ тѣ мѣры, которыя, по его разумѣнію, должны какъ можно выгоднѣе повліять на развитіе его промышленности и его торговли съ другими странами. Эти мѣры, въ ихъ совокупности, составляютъ то, что принято называть *„торговой политикой“* государства. Цѣль торговой политики того или иного государства—обезпечить *своимъ* продуктамъ наивозможно выгодный сбытъ на міровомъ международномъ торговомъ рынкѣ. А для этого требуется либо совершенно устранить съ рынка то государство, которое сможетъ стать или уже стало торговымъ соперникомъ (конкурентомъ), либо обезвредить его.

Торговое соперничество Англіи и Франціи стало рѣзко обозначаться уже въ 17-мъ столѣтіи, т. е. лѣтъ за 200 до описываемаго времени. Англія и Франція уже тогда боролись другъ съ другомъ и не только въ Европѣ, но и въ Сѣв. Америкѣ, гдѣ и у французовъ, и у англичанъ были свои владѣнія, и въ Азіи. Когда англійскія колоніи въ Америкѣ отдѣлились отъ Англіи и начали борьбу за свою независимость, Франція усердно помогала имъ въ этой борьбѣ—вѣдь отпаденіе этихъ колоній подрывало могущество Англіи. Когда французская революція заставила перепуганныхъ европейскихъ государей образовать противъ Франціи наступательный союзъ, Англія не просто примкнула къ этому союзу, а стала душою его. Она помогала союзникамъ деньгами и пыталась всячески внести разстройство въ промышленныя и торговыя дѣла Франціи. Англія, владычествуя на моряхъ, на разные лады мѣшала сношеніямъ Франціи даже съ ея собственными колоніями, тормозила всячески ея торговлю и промышленность. Напримѣръ, перехватывая направляющіеся изъ колоній во Францію корабли съ хлопкомъ, она останавливала работу француз-

скихъ бумагопрядиленъ; или тормозила работу заведеній, изготовляющихъ сельскія орудія, и оружейныхъ заводовъ, задерживая сталь, шедшую во Францію тоже моремъ изъ Швеціи. И указанныя промышленныя заведенія, несмотря на спросъ на продукты ихъ производства, закрывались вслѣдствіе недостатка сырого матеріала для обработки.

Когда Наполеонъ сталъ у власти, ему, какъ и его предшественникамъ королямъ, какъ и революціонному правительству Франціи, пришлось считаться съ тѣмъ же опаснымъ торговымъ конкурентомъ—Англіей. Вся предшествовавшая исторія показывала ему, что пока этотъ конкурентъ не сломленъ, вопросъ о первенствѣ Франціи въ Европѣ не можетъ быть рѣшенъ, хотя бы всѣ остальныя государства и положили оружіе передъ Франціей, подчинились ея волѣ.

Наполеонъ былъ не только геніальный воинъ, полководецъ. Этотъ человѣкъ обладалъ какимъ-то всеобъемлющимъ умомъ. Находясь въ расцвѣтѣ умственныхъ и физическихъ силъ, способный работать по 18 часовъ въ сутки, онъ, ставъ у власти, быстро разобрался въ сложныхъ политическихъ и экономическихъ отношеніяхъ того времени. Онъ понималъ, что не военной грозой можно сломить Англію—отъ нея ее спасало островное положеніе и первый въ мірѣ флотъ,—а лишь нанесеніемъ ей непоправимаго хозяйственнаго разоренія.Но въ одиночку Франція не могла этого сдѣлать: такъ показывалъ вѣковой опытъ. Нужны были союзники и притомъ союзники надежные. И такимъ союзникомъ для нея могла-бы быть прежде всего Россія.

Первую попытку къ союзу съ Россіей Наполеонъ дѣлаетъ еще при Павлѣ I, и не безъ успѣха. Но Павелъ внезапно скончался (1801 г.), и планы Наполеона были въ одинъ мигъ разрушены. Однако, эта неудача не заставила Наполеона бросить задуманное,—онъ только отодвинулъ его осуществленіе.

Побѣдоносныя войны Наполеона въ 1805—1806 г.г. возносятъ Францію на еще небывалую высоту. Этотъ мо-

ментъ, по мнѣнію Наполеона, самый удачный для нанесенія удара Англіи. И онъ его наноситъ—объявленіемъ запрещенія торговать съ Англіей: всѣ государства, которыя находятся на европейскомъ материкѣ, или *континентъ*, обязаны бойкотировать островную Англію—ничего не продавать ей и ничего не покупать у нея, а также не допускать ея судовъ въ свои порты и своихъ не посылать въ ея гавани. Отсюда и названіе этой чрезвычайной мѣры—*континентальная система*. Только что испытавшіе силу французскаго оружія европейскіе государи подчиняются требованію Наполеона. Въ Европѣ прерываются торговыя сношенія съ Англіей.

Въ Тильзитѣ пришла и для Россіи очередь подчиниться этому требованію Наполеона. А между тѣмъ, разрывъ торговыхъ сношеній съ Англіей былъ для Россіи равносиленъ банкротству—такое громадное значеніе для внутренней жизни Россіи имѣли ея торговыя связи съ этой страной.

Дѣло въ томъ, что чуть ли не вся наша отпускная, внѣшняя торговля того времени велась при посредствѣ англійскихъ купцовъ и на англійскихъ торговыхъ судахъ [1]), потому что своего торговаго флота тогдашняя Россія почти не имѣла. Англія же была и главной потребительницей нашего торговаго вывоза, и она же ввозила въ Россію большинство необходимыхъ Россіи фабричныхъ издѣлій. Вѣдь въ началѣ 19-го вѣка Россія совсѣмъ не могла еще обходиться своимъ фабрично-заводскимъ производствомъ и нуждалась въ привозѣ фабричныхъ издѣлій.

На англійскихъ судахъ вывозились на европейскій рынокъ и главные предметы нашего вывоза, хлѣбъ, сало и прочее сельскохозяйственное сырье. Поставщиками русскаго хлѣба и вообще сел.-хоз. сырья были крупные

---

[1]) Такъ, въ 1803 г. въ наши порты прибыло изъ Англіи съ грузомъ 319 судовъ, а безъ груза 993 судна, а отошло погруженныхъ судовъ 1277, а непогруженныхъ только 17. (Кн. по ист. нов. вр., III).

помѣщики дворяне [1]), владѣвшіе земельными богатствами и поставлявшіе хлѣбъ и прочее со своихъ крѣпостныхъ деревень. Чтобы приспособить свое хозяйство къ новымъ условіямъ международнаго рынка, русскіе крупные помѣщики вложили въ землю нѣкоторые капиталы. Такимъ образомъ, запретъ торговать съ Англіею долженъ былъ прежде всего больно ударить по карману крупныхъ помѣщиковъ-дворянъ и крупныхъ оптовыхъ купцовъ. Имъ этотъ запретъ грозилъ чуть ли не разоренiемъ [2]). Естественно, что въ средѣ крупнаго дворянства и въ торгово-промышленномъ мірѣ Тильзитское соглашеніе вызвало сильное недовольство и сдѣлало тѣхъ и другихъ недругами Наполеона и Франціи.

„Очень хорошо помню—записываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Бутеневъ,—что столица была опечалена не столько неудачею нашихъ войскъ, какъ быстрымъ заключеніемъ мира, который считался унизительнымъ для Россіи... Общественное мнѣніе сдѣлалось крайне враждебно къ Наполеону, и императоръ Александръ, несмотря на любовь къ нему народа, былъ холодно встрѣченъ въ Петербургѣ по возвращеніи изъ Тильзита“.

Въ одномъ изъ секретныхъ документовъ того времени, найденномъ нашимъ ученымъ въ архивахъ Франціи, а именно въ донесеніи соглядатая Наполеона о настроеніи русскаго общества въ 1808 г. находится, между прочимъ, слѣдующее замѣчаніе:

...„Русскіе живо сожалѣютъ о разрывѣ политическихъ и торговыхъ связей съ Англіей. Это мнѣніе можно считать общимъ: оно занимаетъ умы министровъ, какъ отставныхъ, такъ и нынѣшнихъ, умы русскихъ вельможъ

---

[1]) Дворянство получило разрѣшеніе торговать оптомъ сельскохозяйственными продуктами при Екатеринѣ II. Торговля хлѣбомъ шла черезъ наши морскіе порты—Петербургъ, Ригу, Архангельскъ.

[2]) Въ 1804 г. отпущено за границу хлѣба приблизительно на 8 милліоновъ (8.143.883) руб. и сала на 10 съ половиной милл. (10.415.119) руб., а въ 1807—1808 г.г. хлѣба всего на 4 съ половиной милл. (4.460.530) руб. и сала на 6 съ половиной милл. (6.668.407) р. (Кн. по ист. нов. вр., III).

и купцовъ... Вся русская страна была полна англійскими факторіями [1]); самые богатые банкиры были англичане; кредитъ бумажныхъ денегъ держался только торговлею съ англичанами, такъ что послѣ послѣднихъ событій вся торговля находится въ застоѣ, русскіе вельможи, привыкшіе къ роскоши, съ горечью терпятъ лишенія въ удовлетвореніи своихъ потребностей и въ то же время чувствуютъ осязательное уменьшеніе своихъ доходовъ. Русскія бумаги пали на 50%, а продукты помѣщиковъ лишены вывоза... Онъ справлялся въ торговомъ мірѣ: „до какихъ поръ Россія можетъ выдержать это лишеніе торговли?“— и его увѣрили, что это можетъ продлиться не дальше будущей весны,—и если обстоятельства не перемѣнятся, то самые богатые дома обанкротятся“ [2])...

И дѣйствительно, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ разрыва съ Англіей въ хозяйственной жизни Россіи произошелъ застой, и всѣ жизненные продукты сильно вздорожали. Цѣны на жизненные припасы удвоились и утроились. Тягость дороговизны была особенно чувствительна для городского населенія, но отражалась и на жизни уѣздовъ, селъ и деревень.

„Цѣны на предметы первой необходимости—пишетъ по этому поводу государю императрица-мать, Марія Ѳедоровна—возросли столь чрезмѣрно, что для бѣдныхъ это вздорожаніе равнозначуще голоду... Финансы близки къ банкротству, ассигнаціи потеряли половину своей стоимости, а звонкая монета ходитъ по чрезмѣрному курсу... Между тѣмъ, расходы постепенно растутъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ, одновременно угнетающихъ и деревенскаго жителя, и дворянина“...

И русскіе политики хулили условія Тильзитскаго мира и не находили въ нихъ выгодъ для Россіи, хотя Наполеонъ и поманилъ Александра завѣтной мечтой всѣхъ

---

[1]) Торговые склады.

[2]) См. ст. Е. Тарле: „Соглядатай Наполеона I о русскомъ обществѣ 1808 г.“ „Совр. Міръ“, 1910 г., кн. 12.

русскихъ государей—раздѣломъ Турціи и Константинополемъ. О союзѣ же съ Наполеономъ говорили, что союзъ этотъ станетъ для Россіи постоянной войной, ибо Наполеонъ всегда воюетъ, и Россія будетъ ходить на войну, куда онъ захочетъ. Говорили, что Наполеонъ обошелъ и обманулъ Александра, что Александръ какъ „бѣлая голубка въ рукахъ злого коршуна“.

Не только въ столицахъ, но и въ глубинѣ Россіи, въ глухой провинціи, Тильзитскій миръ вызвалъ, если не недовольство, то недоумѣніе. Вѣдь съ 1806 г. имя „*Бонапартія*“ постарались сдѣлать ненавистнымъ во всѣхъ уголкахъ Россіи. Передъ войной съ Наполеономъ въ 1806 г., по повелѣнію Синода, въ церковныхъ проповѣдяхъ называли Наполеона „исчадіемъ ада“, „антихристомъ“ и призывали православный народъ къ борьбѣ съ нимъ. Къ тому же, съ 31-й губерніи собрали сверхъ обычнаго рекрутскаго набора громадное земское войско (милицію) въ количествѣ слишкомъ 600 тысячъ людей для цѣлей войны съ этимъ же антихристомъ. И вдругъ, въ слѣдующемъ году, заключается Тильзитскій миръ, и выходитъ повелѣніе отмѣнить чтеніе въ церквахъ воззваній, въ которыхъ Наполеонъ именуется антихристомъ, а въ газетахъ и манифестахъ именуютъ его „другомъ и братомъ“.

Первый указъ о прекращеніи торговыхъ сношеній съ Англіей вышелъ 20 марта 1807 г. Имъ запрещался привозъ англійскихъ мануфактурныхъ товаровъ. Слѣдующимъ указомъ (28 октября 1807 г.) на всѣ находящіяся въ русскихъ портахъ суда и имущество англичанъ въ Россіи былъ наложенъ арестъ. А распоряженіе всѣмъ судамъ, находящимся въ Англіи, вернуться безъ груза было сдѣлано въ слѣдующемъ 1808 году. Торговать отнынѣ было можно только подъ нейтральнымъ флагомъ, т. е. подъ флагомъ такого государства, которое не принимало участія въ бойкотѣ Англіи.

Тяжесть новой торговой политики, навязанной Россіи Наполеономъ, быстро сказалась на денежномъ хозяйствѣ

государства. Нашъ ассигнаціонный [1]) рубль сталъ неудержимо падать въ цѣнѣ: еще въ сентябрѣ 1807 г. онъ шелъ въ 90 коп. серебромъ, къ 1-му же января 1808 г. упалъ до 75 коп., а весной за него при размѣнѣ давали только 50 коп. серебромъ. Далѣе—болѣе: черезъ три года при обмѣнѣ ассигнацій на серебро за серебряный рубль надо было отдать четыре рубля ассигнаціями. Уменьшалось вмѣстѣ съ тѣмъ въ странѣ и количество звонкой монеты: [2]) она уходила во Францію, такъ какъ французскія издѣлія свободно ввозились въ Россію и были поставлены въ очень благопріятныя условія по отношенію къ отечественному производству.

На Россію надвигалось банкротство и, чтобы избѣжать его, надо было прежде всего возобновить торговыя сношенія съ Англіей и обложить ввозимыя въ Россію французскія издѣлія пошлиной. Другими словами, надо было нарушить договоръ, заключенный съ Наполеономъ въ Тильзитѣ. И хотя такое нарушеніе явно грозило Россіи войной съ „непобѣдимымъ“ Наполеономъ, императоръ Александръ уже въ 1810 г. нарушилъ договоръ,—потому что другого выхода не было.

Такова была главная причина нашего разрыва съ Франціей,—главная потому, что на ряду съ ней были и другія, второстепенныя. Указывали, напр., что Наполеонъ оскорбился, когда на его предложеніе руки сперва великой княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ, а потомъ Аннѣ Павловнѣ [3]), ему было отвѣчено отказомъ; что императоръ Александръ, давъ сначала свое согласіе, отозвался послѣ, что на этотъ бракъ не было соизволенія императрицы Маріи Ѳеодоровны“ [4]).

---

[1]) Бумажный.

[2]) Русскія бумажныя деньги за границей не принимались, и для расплаты съ иностранными промышленниками годилась только серебренная и золотая монета.

[3]) Сестры имп. Александра I.

[4]) *Фонъ-Визинъ, М.* „Обозрѣніе проявленій политической жизни въ Россіи“.

Съ 1810 года дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей „становились день ото дня холоднѣе и недружелюбнѣе. Дерзкій и презрительный тонъ французскихъ дипломатовъ въ Петербургѣ вызывалъ русскихъ на подобныя же оскорбленія, и наши гвардейскіе офицеры не оставались у французовъ въ долгу“ [1]).

Съ 1811 года обѣ стороны уже начинаютъ готовиться къ войнѣ, увеличивать и снабжать всѣмъ необходимымъ свои арміи. Императоръ Александръ въ началѣ 1811 г., въ объясненіяхъ своихъ французскому послу Коленкуру, по поводу предпринятыхъ имъ, Александромъ, укрѣпленій Риги, Динабурга (Двинска), Бобруйска и Кіева, сослался на приготовленія Наполеона и закончилъ эту свою бесѣду съ французскимъ дипломатомъ такими словами:

„Я не допущу напасть на себя врасплохъ. Мои генералы уступаютъ въ достоинствѣ вашимъ; я не могу равняться съ Наполеономъ ни въ искусствѣ командовать войсками, ни въ опытности; но у меня хороши солдаты, мои подданные мнѣ преданы, и мы всѣ скорѣе готовы погибнуть съ оружіемъ въ рукахъ, нежели позволить, чтобы съ нами поступили, какъ съ голландцами и гамбургцами. Но даю вамъ честное слово, что первый выстрѣлъ будетъ не мой. Повторяю вамъ—я не хочу войны, и мой народъ не желаетъ ея, но ежели нападутъ на насъ, то мы постоимъ за себя“.

А. Мезіеръ.

---

[1]) Тамъ же.

II. КАЛЕНДАРЬ СОБЫТІЙ ДВѢНАДЦАТАГО ГОДА.

10 іюня. Понедѣльникъ. Наполеонъ издаетъ въ Вильковишкахъ прокламацію къ своимъ войскамъ.

11 іюня. Вторникъ. Въ 2 часаночи (на 12-е іюня) первые три отряда французскихъ стрѣлковъ переходятъ пограничную рѣку Нѣманъ и вступаютъ на русскій берегъ у Ковно. Съ этого момента и начинается походъ двѣнадцатаго года.

12 іюня. Среда. Императоръ Наполеонъ со всей арміей переходитъ Нѣманъ и направляется къ р. Виліи, чтобы руководить переправой войскъ.—Въ этотъ же день вечеромъ Императоръ Александръ на балу въ Вильно получаетъ извѣстіе о вторженіи французовъ въ предѣлы Россіи.

13 іюня. Четвергъ. Императоръ Александръ I подписываетъ приказъ арміямъ и рескриптъ фельдмаршалу Салтыкову. Первый заканчивается словами: „Не нужно мнѣ напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ объ ихъ долгѣ и храбрости. Воины! вы защищаете вѣру, отечество, свободу. Я—съ вами. На зачинающаго—Богъ". А второй: „Оборона отечества, сохраненіе независимости и чести народной принудили Насъ препоясаться на брань. Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ Моемъ".

14 іюня. Пятница. Императоръ Александръ утромъ отбываетъ изъ Вильны.

16 іюня. Воскресенье. Наполеонъ въѣзжаетъ въ Вильну, оставленную русскими войсками.

19 іюня. Среда. Александръ I издаетъ указъ относительно новаго рекрутскаго набора въ нѣкоторыхъ губерніяхъ.

27 іюня. Четвергъ. Первая русская армія вступаетъ въ укрѣпленный лагерь Дриссы.

4 іюля. Четвергъ. Наполеонъ оставляетъ Вильну и идетъ дальше. Русскіе при приближеніи французовъ оставляютъ Дрисскій лагерь (2 іюля) и направляются къ Витебску.

6 іюля. Суббота. Манифестъ Императора Александра I о всеобщемъ ополченіи и воззваніе къ первопрестольной Москвѣ. Въ манифестѣ выражается надежда, что непріятель встрѣтитъ „въ каждомъ дворянинѣ—Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ—Палицына, въ каждомъ гражданинѣ — Минина. — Послѣ этого Императоръ Александръ уѣзжаетъ отъ арміи (изъ Полоцка)

8 іюля. Понедѣльникъ. Первая русская армія (подъ начальствомъ Барклая-де-Толли) покидаетъ Полоцкъ. Маршалъ Даву занимаетъ Могилевъ.

11 іюля. Четвергъ. Барклаевская армія прибываетъ въ Витебскъ. Стычка между генераломъ Н. Н. Раевскимъ (изъ 2-й русской арміи Багратіона) и маршаломъ Даву.

12 іюля. Пятница. Императоръ Александръ прибываетъ въ Москву

13—14 іюля. Суббота и Воскресенье. Первое, второе и третье сраженіе при Островно, по дорогѣ въ Витебскъ, между авангардомъ Мюрата и дивизіей вице-короля Евгенія Богарне, съ одной стороны, и генералами графомъ Остерманомъ-Толстымъ и графомъ Паленомъ, съ другой. Русскіе стараются задержать французовъ у Витебска, чтобы выиграть время для соединенія первой и второй армій, потомъ отступаютъ, проявивъ чудеса храбрости. 14 іюля честь дня принадлежитъ генералу Коновницыну.

16 іюля. Вторникъ. Наполеонъ вступаетъ въ Витебскъ. Русскіе продолжаютъ отступленіе къ Смоленску.

1 августа. Четвергъ. Наполеонъ въ часъ ночи выступаетъ изъ Витебска.

2 августа. Пятница. Битва подъ Краснымъ: 20.000 французовъ подъ начальствомъ Мюрата (кавалерія) и Нея противъ 7000 русскихъ подъ начальствомъ ген. Невѣровскаго. Знаменитое отступленіе Невѣровскаго („Помните, ребята, чему васъ учили: кавалерія не побѣдитъ васъ, только стрѣляйте мѣтко, не торопясь; никто не начинай безъ моей команды“).

4 августа. Воскресенье. Нерѣшенный бой между ген. Раевскимъ и Неемъ передъ Смоленскомъ.

5 августа. Понедѣльникъ. Начало осады Смоленска.

6 августа. Вторникъ. Взятіе Смоленска. Отступленіе русской арміи, которая старается овладѣть московской дорогой.

7 августа. Среда. Сраженіе при Валутиной Горѣ. (Русскіе теряютъ 5000 человѣкъ, французы—8000).

8 августа. Четвергъ. Назначеніе новаго главнокомандующаго князя Мих. Лар. Кутузова вмѣсто Барклая-де-Толли, который обвиненъ въ неспособности и даже въ измѣнѣ.

12 августа. Понедѣльникъ. Выступленіе Наполеона изъ Смоленска.

17 августа. Суббота. Наполеонъ въ Вязьмѣ. Русская армія достигаетъ Царево-Займища. Прибытіе новаго главнокомандующаго, князя Кутузова.

24 августа. Суббота. Наполеонъ занимаетъ позицію на Бородинскихъ горахъ.

25 августа. Воскресенье. Канунъ Бородинской битвы.

26 августа. Понедѣльникъ. Бородинская битва. Наполеонъ насъ, не сломилъ а самъ разбился.

27 августа. Вторникъ. На разсвѣтѣ наши арміи отступаютъ къ Можайску, а въ послѣдующіе дни дальше къ Москвѣ.

1 сентября. Воскресенье. Кутузовъ приходитъ съ арміей въ Фили, у Москвы. Вечеромъ совѣтъ въ Филяхъ. Кутузовъ рѣшаетъ оставить Москву французу, такъ какъ защитить ее невозможно.

2 сентября. Понедѣльникъ. Вступленіе Наполеона въ Москву. Русская армія останавливается менѣе чѣмъ въ двухъ миляхъ отъ Москвы.

3 сентября. Вторникъ. Наполеонъ въ 7 часовъ утра занимаетъ древній Кремль. Начало пожара Москвы.

4 сентября. Среда. Начинаетъ горѣть Кремль. Наполеонъ переноситъ свое пребываніе за городъ, въ Петровскій дворецъ. 3/4 Москвы въ огнѣ. Русская армія у Боровска переходитъ снова на западный, правый, берегъ р. Москвы и направляется къ Подольску.

6 сентября. Пятница. Наполеонъ возвращается въ Кремль, такъ какъ пожаръ въ Москвѣ почти прекратился.

8 сентября. Воскресенье. Первая попытка къ мирнымъ переговорамъ: Наполеонъ въ письмѣ дѣлаетъ императору Александру предложеніе мира. (Имп. Александръ оставляетъ это письмо безъ отвѣта).

9 сентября. Понедѣльникъ. Главная русская армія занимаетъ позицію у Красной Пахры.

12 сентября. Четвергъ. Разстрѣлъ поджигателей въ Москвѣ.

20 сентября. Пятница. Главная русская армія располагается лагеремъ въ Тарутинѣ.

22 сентября. Воскресенье. Новая попытка мирныхъ переговоровъ со стороны Наполеона: онъ посылаетъ своего адъютанта, генерала Лористона, въ русскій генеральный штабъ.

23 сентября. Понедѣльникъ. Переговоры не приводятъ къ результатамъ, какихъ ожидаетъ Наполеонъ.

24 сентября. Вторникъ. Выслушавъ Лористона, Наполеонъ рѣшается отступить изъ Москвы.

1 октября. Вторникъ. Въ первый разъ выпадаетъ снѣгъ и напоминаетъ французамъ о приближеніи зимы.

6 октября. Воскресенье. Часть Великой Наполеоновской арміи (I, II и III корпуса) приступаетъ къ отступленію. Тарутинскій бой, кончившійся пораженіемъ Мюрата.

7 октября. Понедѣльникъ. Въ 5 часовъ утра Наполеонъ покидаетъ Москву и идетъ на Калугу.

11 октября. Пятница. Въ ночь на 11-е октября произошелъ взрывъ Кремля, устроенный по приказанію Наполеона маршаломъ Мортье. Кутузовъ получаетъ извѣстіе объ оставленіи Москвы французами.

12 октября. Суббота. Бой подъ Малоярославцемъ между вице-королемъ Евгеніемъ и ген. Дохтуровымъ. Малоярославецъ остается за французами.

13 октября. Воскресенье. Наполеонъ чуть не попадаетъ въ плѣнъ.

14 октября. Понедѣльникъ. Обѣ арміи поворачиваются другъ къ другу спинами и отступаютъ, обманывая другъ друга авангардами и аріергардами.

17 октября. Четвергъ. Наполеонъ съ большей частью своей арміи переходитъ поле Бородинской битвы, гдѣ еще лежатъ непогребенными павшіе въ этомъ славномъ бою.

20 октября. Воскресеніе. Наполеонъ повелѣваетъ своимъ войскамъ съ этого времени совершать всѣ ихъ переходы сомкнутымъ четыреугольнымъ строемъ (карэ), чтобы противостоять нападеніямъ казаковъ. Стычки подъ Гжатскомъ и Царево-Займищемъ. (Платовъ и Даву, вице-король Евгеній и Милорадовичъ).

22 октября. Вторникъ. Стычка подъ Вязьмой (Милорадовичъ и вице-король Евгеній).

23 октября. Среда. Наполеоновская армія уже терпитъ большія лишенія.

25 октября. Пятница. Начало сильныхъ морозовъ. Люди и животныя замерзаютъ въ снѣгу.

27 октября. Воскресенье. Морозъ такъ великъ, что на бивачной стоянкѣ замерзло 300 солдатъ.

29 октября. Вторникъ. Наполеонъ опять въ Смоленскѣ. Онъ старается обновить свои разстроенныя войска.

30 октября. Среда. Кутузовъ обращается къ своимъ войскамъ воззваніемъ, въ которомъ

Государственная публичная БИБЛИОТЕКА 470298 Историческая

требуетъ отъ нихъ неустаннаго преслѣдованія непріятеля.

2 ноября. Суббота. Выступленіе Наполеона съ гвардіей и кавалеріей изъ Смоленска. Наполеонъ приказываетъ маршалу Даву сжечь Смоленскъ послѣ ухода оттуда войскъ.

3—6 ноября. Воскресенье—Среда. Наполеонъ вступаетъ въ 3 часа пополудни въ Красный. Начало славныхъ боевъ подъ Краснымъ, (съ 3 по 6 ноября). Фельдмаршалъ князь Кутузовъ противъ Наполеона. Наполеонъ вступаетъ въ бой во главѣ своей старой гвардіи. За бой подъ Краснымъ Императоръ Александръ жалуетъ Кутузову титулъ Смоленскаго, а Наполеонъ жалуетъ Нея княземъ Московскимъ (за геройское отступленіе).

8 ноября. Пятница. Наполеонъ въ Оршѣ приказываетъ сжечь множество своихъ частныхъ бумагъ. Выступленіе русской арміи изъ Краснаго по слѣдамъ французовъ.

14 ноября. Четвергъ. Первый день памятной переправы черезъ Березину. Битва при Березинѣ.

15 ноября. Пятница. Второй день Березинской переправы и битвы.

16 ноября. Суббота. Послѣдніе французскіе отряды переходятъ Березину.

19 ноября. Вторникъ. Великая армія, преслѣдуемая русскими летучими отрядами, безпорядочно бѣжитъ къ Нѣману.

21 ноября. Четвергъ. Въ Молодечнѣ Наполеонъ принимаетъ рѣшеніе покинуть армію. Онъ издаетъ 29-й бюллетень, [1]) въ которомъ, хотя и признаетъ уничтоженіе войска, но приписываетъ его морозамъ и снѣгамъ.

23 ноября. Суббота. Отъѣздъ Наполеона во Францію.

28 ноября. Четвергъ. Кутузовъ прибываетъ въ Вильну.

30 ноября. Суббота. Императоръ Александръ повелѣваетъ сдѣлать новый большой рекрутскій наборъ (по 8 чел. съ 500 душъ), чтобы продолжать войну съ Наполеономъ до полнаго уничтоженія послѣдняго (заграничный походъ 1813-14 годовъ).

1 декабря. Воскресенье. Остатки Великой арміи переходятъ обратно Нѣманъ у Ковно.

6 декабря. Пятница. Наполеонъ прибываетъ въ Парижъ.

11 декабря. Среда. Императоръ Александръ прибываетъ въ Вильну.

25 декабря. Манифестъ объ окончаніи Отечественной войны.

1813-14 годы. Заграничный походъ. Русскіе въ Парижѣ. Низложеніе Наполеона и ссылка его на островъ Эльбу.

1815 годъ. Возвращеніе Наполеона въ Парижъ. Онъ восторженно встрѣченъ своими солдатами и снова у власти въ теченіе ста дней. Новая борьба союзныхъ войскъ противъ Наполеона. Знаменитая битва народовъ подъ Ватерлоо. Новое низложеніе Наполеона и заточеніе его на островѣ св. Елены.

1816 годъ. Манифестъ Императора Александра I къ русскому народу.

1821 годъ. Смерть Наполеона на островѣ св. Елены.

---

[1]) Оповѣщеніе

Видъ Москвы до пожара 1812 года.

Часть I.

Передъ войной и вначалѣ войны.

1.

Первые слухи о войнѣ.

Всѣ говорили о близкой войнѣ и, сколько помню, довольно легкомысленно. Любовь къ отечеству казалась педантствомъ. Тогдашніе умники превозносили Наполеона съ фанатическимъ подобострастіемъ и шутили надъ нашими неудачами. Къ несчастью, заступники отечества были немного простоваты,—они были осмѣяны довольно забавно и не имѣли никакого вліянія. Ихъ патріотизмъ ограничивался жестокимъ порицаніемъ употребленія французскаго языка въ обществахъ, введенія иностранныхъ

словъ, грозными выходками противъ Кузнецкаго моста [1]) и т. п. Молодые люди говорили обо всемъ русскомъ съ презрѣніемъ или равнодушіемъ. Словомъ, общество было довольно гадко.

Вдругъ извѣстіе о нашествіи и воззваніе Государя поразили насъ. Москва взволновалась. Появились простонародные листки графа Растопчина; народъ ожесточился; свѣтскіе балагуры присмирѣли; дамы струхнули.

Гонители французскаго языка и Кузнецкаго моста взяли въ обществахъ рѣшительный верхъ, и гостиныя наполнились патріотами. Кто высыпалъ изъ табакерки французскій табакъ и сталъ нюхать русскій; кто сжегъ десятокъ французскихъ брошюрокъ; кто отказался отъ лафита, [2]) а принялся за кислыя щи. Всѣ закаялись говорить по-французски; всѣ закричали о Пожарскомъ и Мининѣ и стали проповѣдывать народную войну, собираясь на долгихъ отправиться въ Саратовскія деревни.

(Изъ „Рославлева“ А. Пушкина).

*
* *

Наступилъ ужасный 1812 годъ. Удивительная тогда напала на всѣхъ слѣпота: никто и не замѣтилъ, что что-то подготовляется, и только когда французъ въ Москвѣ побывалъ, стали припоминать то-то и то-то, почему бы можно было догадаться о замыслахъ Бонапарта.

Была въ Москвѣ одна французская торговка модным товаромъ, на Кузнецкомъ мосту,—мадамъ Оберъ-Шальме, препронырливая и превкрадчивая, къ которой ѣздила вся Москва покупать шляпы и головные уборы, и такъ какъ она очень дорого брала, то и прозвали ее оберъ-шельма. Потомъ оказалось, что она была измѣнница, которая радѣла Бо-

---

[1]) Кузнецкій Мостъ—центральная, главная улица Москвы съ лучшими, тогда, французскими магазинами, гдѣ былъ рай для модниковъ и модницъ.

[2]) Французское легкое красное вино.

напарту. Открыли, говорятъ, ея какую-то тайную переписку, схватили ее и куда-то сослали, но тогда этого никому извѣстно не было, а распустили слухъ, что у нея нашли фальшивую монету, и будто бы за то ее и сослали. А потомъ стали болтать, будто бы въ 1811 году самъ Бонапартъ, разумѣется, переодѣтый, пріѣзжалъ въ Москву и все осматривалъ, такъ что, когда въ 1812 году былъ въ Москвѣ, нѣсколько разъ проговаривался-де своимъ: „Это мѣсто мнѣ знакомо, я его помню“. Ходили какія-то прокламаціи Бонапарта по Москвѣ, но я ихъ не видала... Было намъ и небесное предвѣщаніе: въ 1811 году явилась на небѣ большая и блестящая звѣзда съ хвостомъ, яркая комета...

Отъ всѣхъ до послѣдней минуты все скрывали и всѣхъ насъ обманывали: съ умысломъ ли, или потому, что и сами не вѣрили возможности, чтобы до Москвы дошелъ дерзкій врагъ—это трудно теперь рѣшить.

Наступила весна. Стали ходить смутные слухи, что Бонапартъ съ нами не ладитъ и что какъ бы не было войны. Ну, что-жъ? Развѣ мы прежде не воевали? То съ нѣмцами, то съ Турціей или со шведами: отчего же не повоевать и съ Бонапартомъ?.. Тогда толковали, что Тильзитскій миръ,—очень невыгодный для Россіи,—оттого и былъ такъ легко заключенъ нашимъ государемъ, что имѣлось въ виду его нарушить при первомъ удобномъ случаѣ. Потому неладныя отношенія между нами и Бонапартомъ не очень насъ смущали: пусть грозитъ—повоюемъ. До 1812 года главнокомандующимъ Москвы былъ графъ Гудовичъ, фельдмаршалъ Иванъ Васильевичъ, недолго,—я думаю, года три,—а тутъ вдругъ назначили графа Растопчина...

Вотъ, когда въ 1812 году стали распространяться слухи, что Бонапартъ идетъ на Россію, Растопчинъ все увѣрялъ, что это невозможно. „Помилуйте,—говорилъ онъ,—да ему и черезъ границу переступить не дадутъ, не допустятъ вступить въ Россію!“ И говорилъ такъ онъ утвердительно, что нельзя было не вѣрить.

(Изъ „Разсказовъ бабушки“. Воспоминанія пяти поколѣній, записанныя внукомъ, А. Благово).

*
* *

...„Что же Наполеонъ, съ ума что ли сошелъ? Покорить Россію что ли онъ хочетъ?“

Такъ волновалась публика, стараясь проникнуть въ будущность...

Старыя бабы возопили и стали высказывать опасенія, раздѣляемыя и людьми разумными, относительно необезпеченности пребыванія въ Москвѣ въ виду могущихъ возникнуть безпорядковъ, мятежа и рѣзни дворянъ...

Но, несмотря на всеобщее безпокойство, всѣ старались заглушить въ себѣ это чувство, какъ могли, и бахвальствомъ подавляли размышленіе...

Моимъ назначеніемъ [1]) Москва была, повидимому, довольна. Мнѣ было 47 лѣтъ. Я пользовался отличнымъ здоровьемъ и выказалъ съ самаго начала большую дѣятельность, что было новостью, потому что всѣ предшественники мои были старцы.

Дабы лучше обезпечить общественное спокойствіе, я твердою рукою взялся за исполненіе правилъ относительно гостиницъ, трактировъ и ресторановъ, гдѣ люди праздные, развратные и множество лицъ темнаго свойства проводили цѣлыя ночи за игрою, попойками, надувательствами и пропадали окончательно. Дворянству и буржуазіи нравились эти мѣры, служившія препятствіемъ противъ соблазна прислуги, приказчиковъ и купеческихъ сынковъ [2]).

---

[1]) Это пишетъ графъ Ѳ. В. Растопчинъ, назначенный въ маѣ 1812 г. московскимъ генер.-губернаторомъ, вмѣсто Гудовича, и главнокомандующимъ Москвы. Императоръ Александръ предоставилъ ему право распоряжаться въ Москвѣ и губерніи, какъ онъ найдетъ нужнымъ.

[2]) Вниманіе Растопчина было сосредоточено не столько на приготовленіи Москвы къ борьбѣ съ предстоящими внѣшними опасностями, сколько на поддержаніи въ ней внутренняго спокойствія. Москвѣ, по мнѣнію Растопчина, могло угрожать возстаніе черни, которое могло распространиться и вызвать воз-

Я объявилъ полицейскимъ офицерамъ, которыхъ было 300 человѣкъ, что я ничего не спущу имъ даромъ, и что они не должны надѣяться скрыть отъ меня свои плутни, такъ какъ знаютъ, что я говорю со всякимъ городскимъ обывателемъ, и что всякому открытъ свободный доступъ ко мнѣ. Только три раза пришлось мнѣ употребить крутыя мѣры—и это было очень счастливо, потому что корпусъ полицейскихъ офицеровъ состоялъ почти цѣликомъ изъ людей испорченныхъ и негодяевъ, дурно оплачиваемыхъ, презираемыхъ и съ малою надеждою на повышеніе по службѣ.

Три недѣли уже стояли жары, заставлявшія опасаться неурожая, подобнаго прошлогоднему; но въ тотъ самый день, когда вѣсть о моемъ назначеніи достигла Москвы, выпалъ дождь и оживилъ раскаленную солнцемъ землю. Къ дождю присоединилось извѣстіе о заключеніи мира съ турками. Благодаря этимъ двумъ событіямъ, на меня очень благопріятно начали смотрѣть всѣ тѣ, которые вѣрятъ, что звѣзда одного человѣка можетъ вліять даже на атмосферическія явленія. [1])

7-го іюня прибылъ курьеръ со всѣми воззваніями, манифестами и т. п., относящимися до войны. Такъ какъ мы пошли навстрѣчу ей и стояли противъ непріятеля, то отступать уже было нельзя. Государь требовалъ отъ московскаго дворянства и купечества субсидіи въ милліонъ рублей на покупку воловъ, и сумма эта внесена была немедленно и вполнѣ охотно.

станіе крестьянъ по всей Россіи. Боязнь волненій крѣпостныхъ крестьянъ, вообще, сильно озабочивала тогда и правительство, и помѣстное дворянство. Еще до войны гр. Растопчинъ говорилъ императору, что „сословіе слугъ ждетъ Бонапарта, чтобы быть вольными“, и что такое настроеніе внушили слугамъ французы.

[1]) Звѣзда, или счастливая звѣзда, подъ которой родится человѣкъ, какъ думаютъ суевѣрные люди. Такому человѣку все удается, думаютъ они, и тамъ, гдѣ онъ находится, и состояніе погоды можетъ измѣниться къ лучшему.

Черезъ три дня послѣ этого нѣсколько полковниковъ, отправленныхъ изъ главной квартиры [1]) въ Малороссію для сформированія тамъ уланскихъ полковъ, распустили слухъ, будто, послѣ перехода черезъ Нѣманъ, Наполеонъ тотчасъ же занялъ Вильну, и что главную квартиру нашу чуть было не захватили тамъ врасплохъ. Такое начало было дурно. Извѣстіе, къ несчастью, оказывалось справедливымъ, и такъ какъ я ничѣмъ не могъ его опровергнуть, то прибѣгнулъ къ средству, котораго держался и во все продолженіе этой войны. Средство состояло въ томъ, чтобы при каждомъ дурномъ извѣстіи, возбуждать сомнѣнія относительно его достовѣрности. Этимъ ослаблялось дурное впечатлѣніе; а прежде чѣмъ успѣвали собрать доказательства, вниманіе опять поражалось какимъ-нибудь новымъ событіемъ, и снова публика начинала бѣгать за справками.

Я прекратилъ дѣятельность полудюжины шпіоновъ, стоившихъ довольно дорого, такъ какъ признавалъ ее безполезною при такихъ обстоятельствахъ, когда всѣ выражали страхъ, и все общество пребывало въ недоумѣніи. Но мнѣ важно было знать, какое впечатлѣніе производилось военными событіями на умы. Въ этомъ отношеніи мнѣ хорошо прислуживали три мелкихъ агента. Переодѣвшись, они постоянно таскались по улицамъ, примѣшиваясь къ толпѣ въ изобиліи собиравшейся по гостинницамъ и трактирамъ. Затѣмъ они приходили отдавать мнѣ отчетъ и получали кой-какія наставленія, чтобы распространять тотъ или другой слухъ по городу, или чтобы подбодрять народъ и ослаблять впечатлѣніе, произведенное какимъ-нибудь недобрымъ извѣстіемъ.

Тогда же я началъ обнародывать афиши, чтобы держать городъ въ курсѣ событій и военныхъ дѣйствій. Та-

---

[1]) Главной квартирой въ арміи называется то мѣсто, гдѣ въ данное время находится, квартируетъ главнокомандующій и его штабъ. Въ началѣ войны 1812 г. главная квартира была тамъ, гдѣ былъ государь, пока онъ не уѣхалъ отъ арміи.

кимъ путемъ я могъ дѣйствовать на умы народа, возбуждать въ немъ негодованіе и подготовлять его ко всѣмъ жертвамъ для спасенія отечества.

(Изъ „Записокъ“ гр. Ѳ. В. Растопчина) [1]).

2.

Пріѣздъ государя въ Москву.

Вечеромъ 11 іюля весь городъ собрался въ Кремлѣ. Толпились на площади и душили другъ друга на лѣстницѣ. Болѣе свободно было намъ [2]) въ малой галлереѣ и въ сосѣднихъ съ нею залахъ, открытыхъ по распоряженію П. С. Валуева. Съ приторною вѣжливостью, гнусливымъ голосомъ онъ старался разсѣять мою тревогу; между тѣмъ Демидовъ, котораго пробиралъ ознобъ, усиливалъ ее своимъ мрачнымъ видомъ. Обресковъ, прозванный Иваномъ Быстрымъ, бѣгалъ въ своемъ бѣломъ мундирѣ, объявляя направо и налѣво: „Французы въ Оршѣ“. Между тѣмъ приближалась ночь. Государя все не было. Стали тревожиться, громкій разговоръ превратился въ шопотъ, шопотъ—въ молчаніе. Едва слышнымъ голосомъ стали говорить: „Государь погибъ!“ Въ толпѣ пробѣжалъ трепетъ,—всему готовы были вѣрить или всего бояться. На Спасской башнѣ пробило десять часовъ; народъ на площади заволновался. Демидовъ притронулся къ моему локтю похолодѣлою рукой и сказалъ: „Бунтъ!“ И это слово, переходя изъ устъ въ уста, слилось въ глухой гулъ. Онъ затихъ только передъ прекрасною, покойною фигурой Обрескова, который, сидя у окна, смотрѣлъ на освѣщенныя луной толпы волновавшагося народа. Вскорѣ стала извѣстна причина этого волненія: прибылъ курьеръ

---

[1]) См. кн. „Пожаръ Москвы. По воспоминаніямъ и запискамъ современниковъ“. Ч. II. Изд. моск. к-ва „Образованіе“.

[2]) Дворянству.

отъ государя съ извѣстіемъ, что самъ онъ пріѣдетъ лишь завтра.

(Изъ воспоминаній *А. Хомутова*)[1].

* * *

...На площади, на откосахъ, на крышахъ—вездѣ былъ народъ. Весь Кремль наполняли звуки колоколовъ и радостнаго народнаго говора...

Вдругъ всѣ головы открылись, все бросилось куда-то впередъ и все закричало: „Ура! ура! ура!“ На всѣхъ лицахъ было общее выраженіе умиленія и восторга... Толпа побѣжала... Изъ дверей собора вышло четверо мужчинъ въ мундирахъ и лентахъ.

—Который, который?—плачущимъ голосомъ спрашивалъ вокругъ себя Петя Ростовъ[2]), но никто не отвѣчалъ ему: всѣ были слишкомъ увлечены, и Петя, выбравъ одного изъ этихъ четырехъ лицъ, котораго онъ изъ-за слезъ, вступившихъ ему отъ радости на глаза, не могъ ясно разглядѣть, сосредоточилъ на немъ весь свой восторгъ,—хотя это былъ не государь,—закричалъ „ура!“ неистовымъ голосомъ и рѣшилъ, что завтра же, чего бы это ему ни стоило, онъ будетъ военнымъ...

За обѣдомъ государя Валуевъ сказалъ, оглянувшись въ окно.

—Народъ все еще надѣется увидать ваше величество.

Обѣдъ уже кончился, государь всталъ, доѣдая бисквитъ, и вышелъ на балконъ. Народъ бросился къ балкону.

—Ангелъ, батюшка! Ура! Отецъ!..—кричалъ народъ; и опять бабы и нѣкоторые мужчины послабѣе заплакали отъ счастья. Довольно большой обломокъ бисквита, который держалъ въ рукѣ государь, отломившись, упалъ на перила балкона, съ перилъ—на землю. Ближе всѣхъ стоявшій кучеръ въ поддевкѣ бросился къ этому кусочку

---

[1]) См. Рус. Арх. 1891 г., кн. 3.

[2]) Одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ романѣ Л. Н. Толстого „Война и миръ“.

Императоръ Александръ I.

бисквита и схватилъ его. Нѣкоторые изъ толпы бросились къ кучеру. Замѣтивъ это, государь велѣлъ подать себѣ тарелку съ бисквитами и сталъ кидать бисквиты съ балкона. Глаза Пети Ростова налились кровью, опасность быть задавленнымъ еще болѣе возбуждала его; онъ бросился на бисквиты. Онъ не зналъ зачѣмъ, но нужно было взять одинъ бисквитъ изъ рукъ царя и нужно было не поддаться. Онъ бросился и сбилъ съ ногъ старушку, ловившую бисквитъ. Но старушка не считала себя побѣжденною, хотя и лежала на землѣ. Петя колѣнкой отбилъ ея руку, схватилъ бисквитъ, и, какъ будто боясь опоздать, опять закричалъ „ура“ уже охриплымъ голосомъ.

Государь ушелъ, и послѣ этого большая часть народа стала расходиться.

—Вотъ я говорилъ, что еще подождать,—такъ и вышло,—съ разныхъ сторонъ радостно говорили въ народѣ...

(Изъ ром. „Война и миръ“ Л. Н. Толстого).

* * *

...День 15 іюля былъ назначенъ государемъ для сообщенія своихъ намѣреній дворянству и купечеству, которые и были собраны въ залахъ Слободского дворца.

Ночью я (Растопчинъ) узналъ (и это было подтверждено мнѣ на другой день утромъ), что нѣкоторыя лица, принадлежащія къ обществу мартинистовъ, [1]) сговорились между собою, чтобы, когда государь предложитъ собра-

---

[1]) Мартинисты, или масоны, были люди, составившіе союзъ или товарищество, ради нравственнаго перерожденія человѣка путемъ вѣры. Масонъ—слово французское и значитъ—каменщикъ. Каменщиками, или масонами, люди эти называли себя потому, что хотѣли быть „строителями жизни“. Масоны не были политической партіей, но стремясь установить свободу вѣроисповѣданія и мысли, они тѣмъ самымъ вступали въ борьбу съ духовною властью, которая опиралась на власть государственную и поддерживалась ею.

нію наборъ ратниковъ—поставить ему вопросы: каковы силы нашей арміи? какъ сильна армія непріятеля? какія имѣются средства для защиты? и т. п. Намѣреніе было дерзкое, неумѣстное при тогдашнихъ обстоятельствахъ; но насчетъ исполненія его я вовсе не испугался, зная, что указанные господа столь же храбры у себя дома, сколько трусливы внѣ его. Я преднамѣренно и неоднократно говорилъ при всѣхъ, что надѣюсь представить государю зрѣлище собранія дворянства вѣрнаго, и что я буду въ отчаяніи, если кто-либо изъ неблагонамѣренныхъ людей нарушитъ спокойствіе и забудется въ присутствіи своего государя,—потому что такой человѣкъ, прежде окончанія того, что захотѣлъ бы сказать, начнетъ весьма далекое путешествіе.

Дабы сообщить болѣе вѣроятія такимъ моимъ рѣчамъ, я приказалъ поставить невдалекѣ отъ дворца двѣ повозки, запряженныя почтовыми лошадьми, и подлѣ нихъ прохаживаться двумъ полицейскимъ офицерамъ, одѣтымъ по-курьерски. Если кто-либо изъ любопытныхъ освѣдомлялся: для кого назначены эти повозки?—они отвѣчали: „А для тѣхъ, кому прикажутъ ѣхать“. Эти отвѣты и вѣсть о появленіи повозокъ дошли до собранія, и фанфароны [1]) во все продолженіе онаго не промолвили слова и вели себя, какъ подобаетъ благонравнымъ дѣтямъ.

При входѣ въ залъ для дворянства государь имѣлъ видъ озабоченный, такъ какъ шагъ, который ему приходилось дѣлать, долженъ быть тяжелъ для всякаго властителя. Онъ милостиво поклонился присутствующимъ, а затѣмъ, собравшись съ духомъ, съ лицомъ воодушевленнымъ, произнесъ прекрасную рѣчь, полную благородства, величія и откровенности. Дѣйствіе, ею произведенное, было подобно дѣйствію электричества и расположило всѣхъ къ пожертвованію части своего имущества, чтобы спасти все. Фельдмаршалъ Гудовичъ, какъ старѣйшій по своему званію, заговорилъ первый, и тономъ стараго,

---

[1]) Фанфаронъ значитъ—бахвалъ, хвастунъ.

вѣрнаго слуги отвѣчалъ, что государь отнюдь не долженъ отчаиваться въ успѣхѣ своего дѣла, священнаго для всей Россіи; что всѣ дворяне готовы жертвовать всѣмъ имуществомъ, пролить послѣднюю каплю крови и, въ концѣ концовъ, предложилъ государю одного человѣка съ 25-ти, снабженнаго одеждою и мѣсячнымъ продовольствіемъ. [1]).

Только что успѣлъ фельдмаршалъ окончить свою рѣчь, какъ нѣсколько голосовъ закричало: „Нѣтъ, не съ 25-ти, а съ 10-ти по одному человѣку, одѣтому и снабженному провіантомъ на три мѣсяца“. [2]) Крикъ этотъ подхваченъ былъ большею частью собранія. Государь благодарилъ въ весьма лестныхъ выраженіяхъ.

Теперь надо изъяснить поводы этой необыкновенной щедрости. Предложеніе фельдмаршала (предводителя дворянства) Гудовича было правильно и разумно; но два голоса, первые захотѣвшіе дать больше, чѣмъ было предложено главою дворянства, принадлежали двумъ весьма различнымъ лицамъ. Одинъ былъ человѣкъ очень умный и предлагалъ мѣру, которая ему ровно ничего не стоила: у него не было никакой собственности въ Московской губерніи. Другой же господинъ съ здоровыми легкими былъ подлъ, глупъ и дурно принятъ при дворѣ. Онъ предлагалъ мнѣ свой голосъ за честь быть приглашенному къ императорскому обѣду. И вотъ, какъ можно увлечь собранія, и какъ часто они рѣшаютъ и дѣйствуютъ по одному увлеченію и безъ размышленія! Какъ часто человѣкъ превознесенъ до облаковъ газетами и біографіями за дѣйствіе или слово, хотя, быть можетъ, онъ тотчасъ же раскаялся въ своемъ поступкѣ или въ словѣ, имъ произнесенномъ.

Во второмъ залѣ, гдѣ было собрано купечество, я былъ пораженъ впечатлѣніемъ, которое произвело на нихъ

---

[1]) Т.-е. пожертвовать по одному человѣку съ каждыхъ 25-ти крѣпостныхъ, снабдивъ его одеждою и продовольствіемъ на мѣсяцъ.

[2]) „Десятый человѣкъ съ населенія представлялъ итогъ въ 32000 чел.“ (Растопчинъ).

чтеніе манифеста. Когда Шишковъ [1]) дошелъ до мѣста, гдѣ говорится, что „*врагъ идетъ съ лестію на устахъ, но съ цѣпями въ рукѣ*“, произошелъ взрывъ негодованія: били себя въ голову, рвали волосы, ломали руки; слезы ярости текли по лицамъ, напоминавшимъ древнихъ героевъ. Въ шумѣ нельзя было разслышать словъ. Слышны были одни вопли и крики негодованія. Это было зрѣлище единственное въ своемъ родѣ. Въ эту минуту русскій человѣкъ выражалъ свои чувства свободно; онъ забывалъ, что онъ рабъ, и возмущался при мысли, что ему угрожаетъ иноземное иго...

Я не далъ купечеству времени остынуть. Бумага, чернила, перья были на столѣ, и менѣе чѣмъ въ полчаса времени подписка дала 2.400.000 руб. Московскій городской голова, имѣвшій 100 тысячъ капиталу, первый подписалъ 50.000:—„Мнѣ Богъ далъ, а я отдаю родинѣ“...

(Изъ „Записокъ“ Ф. В. Растопчина).

3.

Въ Москвѣ послѣ отъѣзда государя.

Послѣ отъѣзда государя изъ Москвы московская жизнь потекла прежнимъ обычнымъ порядкомъ, и теченіе этой жизни было такъ обычно, что трудно было вспомнить о бывшихъ дняхъ патріотическаго восторга и увлеченія, и трудно было вѣрить, что дѣйствительно Россія въ опасности, и что члены англійскаго клуба суть вмѣстѣ съ тѣмъ и сыны отечества, готовые для него на всякую жертву. Одно, что напоминало о бывшемъ во время пребыванія государя въ Москвѣ общемъ восторженно-патріотическомъ настроеніи, было требованіе пожертвованій людьми и деньгами, которыя, какъ скоро они были сдѣ-

---

[1]) Секретарь имп. Александра I и одинъ изъ видныхъ общественныхъ дѣятелей Александровой эпохи; онъ же литераторъ.

ланы, облеклись въ законную, оффиціальную форму и казались неизбѣжны.

Съ приближеніемъ непріятеля къ Москвѣ, взглядъ москвичей на свое положеніе не только не сдѣлался серьезнѣе, но, напротивъ, еще легкомысленнѣе. Давно такъ не веселились въ Москвѣ, какъ этотъ годъ.

Растопчинскія афишки съ изображеніемъ вверху питейнаго дома, цѣловальника и московскаго мѣщанина Карпушки Чигирина, *который, бывъ въ ратникахъ и выпивъ лишній крючокъ на тычкѣ, услыхалъ, будто Бонапартъ хочетъ итти на Москву, разсердился, разругалъ всѣхъ французовъ, вышелъ изъ питейнаго дома и заговорилъ подъ орломъ собравшемуся народу*, читались и обсуживались въ клубѣ, въ угловой комнатѣ. Нѣкоторымъ нравилось, какъ Карпушка подтрунивалъ надъ французами, говоря, что они *отъ капусты раздуются, отъ каши перелопаются, отъ щей задохнутся, что они все карлики, и что ихъ троихъ одна баба вилами закинетъ*. Нѣкоторые не одобряли этого тона и говорили, что это пошло и глупо. Разсказывали о томъ, что французовъ и даже всѣхъ иностранцевъ Растопчинъ выслалъ изъ Москвы, что между ними шпіоны и агенты Наполеона; но разсказывали это преимущественно для того, чтобы при этомъ случаѣ передать остроумныя слова, сказанныя Растопчинымъ при ихъ отправленіи. Иностранцевъ отправляли на баркѣ въ Нижній, и Растопчинъ сказалъ имъ: „Войдите сами въ себя (т.-е. будьте скрытны), войдите въ барку и постарайтесь, чтобы эта барка не сдѣлалась для васъ баркой Харона“ [1]).

Разсказывали, что уже выслали изъ Москвы всѣ присутственныя мѣста и тутъ же прибавляли шутку Шишшина, что за это одно Москва должна быть благодарна Наполеону.

(Изъ ром. „Война и миръ“ Л. Н. Толстого).

---

[1]) Харонъ—по вѣрованіямъ древнихъ грековъ — перевозчикъ душъ умершихъ черезъ адскія рѣки: Стиксъ и Ахеронъ.

Часть II.

Война,—отъ Нѣмана до Смоленска.

1.

Два великана.

Въ шапкѣ золота литого
Старый русскій великанъ
Поджидалъ къ себѣ другого
Изъ далекихъ чуждыхъ странъ.
За горами, за долами
Ужъ гремѣлъ о немъ разсказъ,
И помѣряться главами
Захотѣлось имъ хоть разъ.
И пришелъ съ грозой военной
Трехнедѣльный удалецъ,
И рукою дерзновенной
Хвать за вражескій вѣнецъ.
Но улыбкой роковою
Русскій витязь отвѣчалъ,
Посмотрѣлъ, тряхнулъ главою.—
Ахнулъ дерзкій и упалъ...
Но упалъ онъ въ дальнемъ морѣ
На невѣдомый гранитъ,
Тамъ, гдѣ буря на просторѣ
Надъ пучиною шумитъ.

М. Ю. Лермонтова.

2.

Переходъ черезъ Нѣманъ.

Вотъ Руси границы, вотъ Нѣманъ. Французы
Наводятъ понтоны [1]), работа кипитъ...
И съ грохотомъ катятся мѣдныя пушки,
И стонетъ земля отъ копытъ.

Чу! бьютъ въ барабаны... Склоняютъ знамена,
Какъ громъ далеко раздается: „Vivat!“ [2])
За кѣмъ на коняхъ короли-адъютанты
Въ парадныхъ мундирахъ летятъ?

Надвинувъ свою треугольную шляпу,
Все въ томъ же походномъ своемъ сюртукѣ,
На бѣломъ конѣ проскакалъ императоръ—
Съ подзорной трубою въ рукѣ.

Чело его ясно, движенья спокойны,
Въ лицѣ не видать сокровенныхъ заботъ.
Коня на скаку осадилъ онъ и видитъ—
За Нѣманомъ туча встаетъ...

И думаетъ онъ: „Эта темная туча
Моей свѣтозарной звѣзды не затмитъ!“
И мнится ему, въ то же время, сверкая,
Изъ тучи перстъ Божій грозитъ...

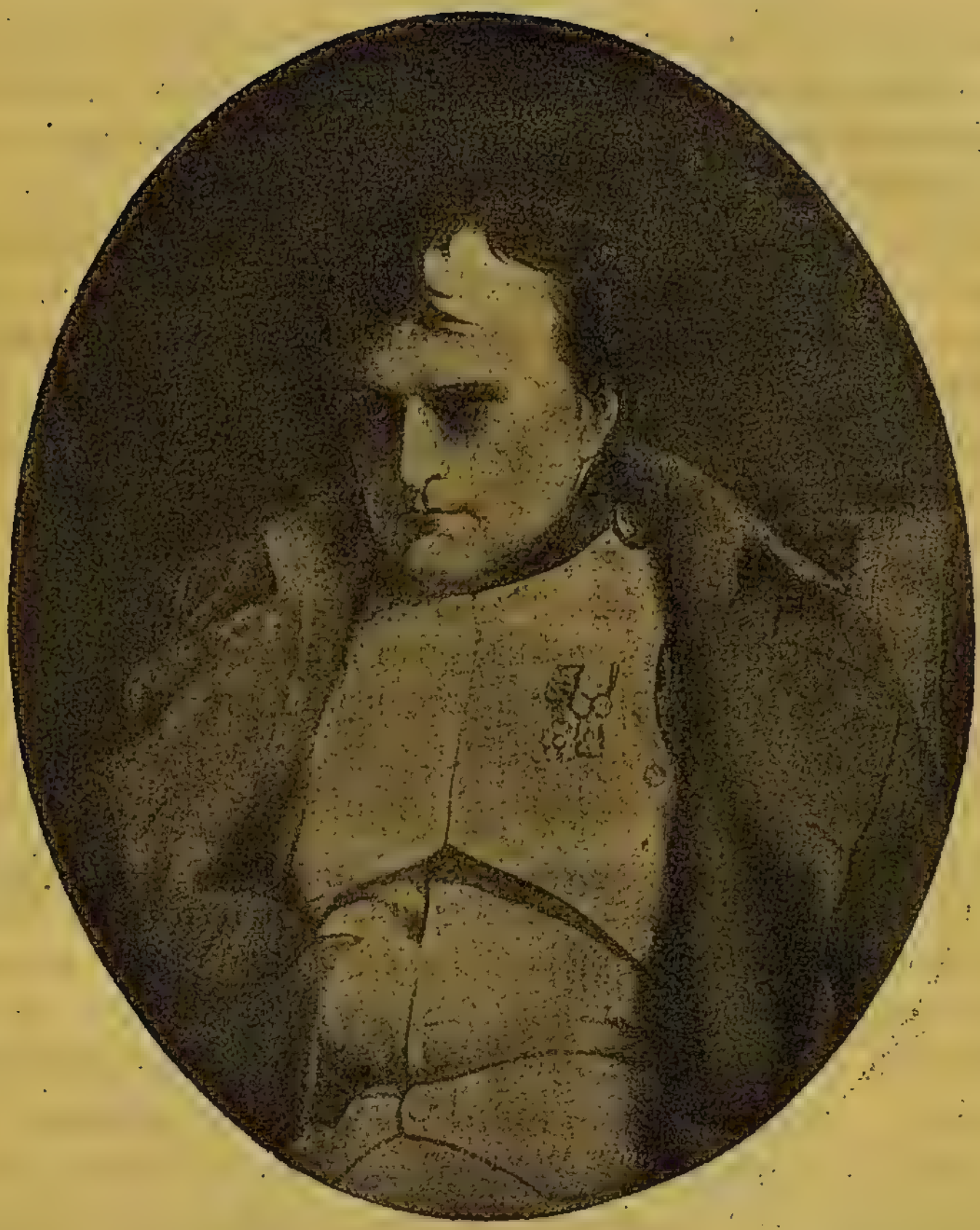
И, душу волнуя, предчувствіе шепчетъ:
„Сомнетъ знамена твои русскій народъ!“—
„Впередъ!“—говорятъ ему слава и геній—
„Впередъ, императоръ! Впередъ!“

И ликъ его блѣденъ, движенья тревожны,
И шагомъ онъ ѣдетъ, и молча глядитъ,
Какъ къ Нѣману катятся мѣдныя пушки,
И стонутъ мосты отъ копытъ.

Я. Полонскій.

---

[1]) Наводятъ мосты.
[2]) Да здравствуетъ!



Наполеонъ I.

3.

„Непріятель вступилъ въ Россію!“

Русскій императоръ уже болѣе мѣсяца жилъ въ Вильнѣ, дѣлая смотры и парады. Ничего не было готово для войны, которой всѣ ожидали, и для приготовленія къ которой императоръ пріѣхалъ изъ Петербурга.

Общаго плана дѣйствій не было. Колебанія о томъ, какой планъ изъ всѣхъ тѣхъ, которые предлагались, долженъ быть принятъ, еще болѣе усилились послѣ мѣсячнаго пребыванія императора въ главной квартирѣ. Въ трехъ арміяхъ былъ въ каждой отдѣльный главнокомандующій, но общаго начальника надъ всѣми арміями не было, и императоръ не принималъ на себя этого званія.

Чѣмъ дольше жилъ императоръ въ Вильнѣ, тѣмъ менѣе готовились къ войнѣ, уставши ожидать ее. Всѣ стремленія людей, окружавшихъ государя, казалось, были направлены только на то, чтобы заставлять государя, пріятно проводя время, забыть о предстоящей войнѣ.

Въ тотъ самый день, въ который Наполеономъ былъ отданъ приказъ о переходѣ черезъ Нѣманъ, и передовыя войска его, оттѣснивъ казаковъ, перешли черезъ русскую границу, Александръ проводилъ вечеръ на дачѣ Бенигсена—на балѣ, даваемомъ генералъ-адъютантами...

Былъ веселый, блестящій праздникъ. Знатоки дѣла говорили, что рѣдко собиралось въ одномъ мѣстѣ столько красавицъ... Въ 12 часовъ ночи еще танцовали. При началѣ мазурки генералъ-адъютантъ Балашевъ, одно изъ ближайшихъ лицъ къ государю, подошелъ къ нему и не по придворному остановился близко отъ государя, говорившаго съ польскою дамою. Государь взглянулъ вопросительно и, видно, понявъ, что Балашевъ поступилъ такъ только потому, что на это были важныя причины, слегка кивнулъ дамѣ и обратился къ Балашеву. Только что Балашевъ началъ говорить, какъ удивленіе выразилось

на лицѣ государя. Онъ взялъ подъ руку Балашева и пошелъ съ нимъ черезъ залу въ освѣщенный садъ...

Неожиданное извѣстіе о переходѣ французами Нѣмана было особенно неожиданно послѣ мѣсяца несбывшагося ожиданія, и на балѣ!.. Государь въ первую минуту полученія извѣстія, подъ вліяніемъ возмущенія и оскорбленія, нашелъ то, сдѣлавшееся потомъ знаменитымъ, изрѣченіе, которое ему самому понравилось и выражало вполнѣ его чувства: „*Я помирюсь только тогда, когда ни одного вооруженнаго непріятеля не останется на моей землѣ*“,—сказалъ онъ.

Возвратившись домой съ бала, государь въ два часа ночи послалъ за секретаремъ Шишковымъ и велѣлъ написать приказъ войскамъ и рескриптъ къ фельдмаршалу кн. Салтыкову, въ которомъ онъ непремѣнно требовалъ, чтобы были помѣщены слова о томъ, что онъ не помирится, пока хотя одинъ вооруженный французъ останется на русской землѣ [1]).

(Изъ ром. „Война и миръ“ Л. Н. Толстого).

4.

Воззваніе Наполеона къ арміи 10 іюня 1812 года.

„Солдаты! Въ Тильзитѣ Россія поклялась быть въ вѣчномъ союзѣ съ Франціею и въ войнѣ съ Англіею; нынѣ она нарушаетъ свои клятвы! Она не желаетъ дать ника-

---

[1]) *Вооруженныя силы Россіи.* (О вооруженныхъ силахъ Франціи подробно сказано въ прим. къ вводной статьѣ „Почему возникла Отечественная война“). Всѣхъ дѣйствующихъ войскъ къ 1 мая 1812 г. у насъ было 480 тыс., въ томъ числѣ запасныхъ и вновь формируемыхъ 100 тыс. Въ Турціи, война съ которой къ тому времени еще не была кончена, было занято 80 тыс., на окраинахъ государства находилось около 85 тыс.; такъ что на западѣ, чтобы заслониться отъ Наполеона, мы могли выставить немногимъ болѣе 200 тыс. Къ тому же эта наличная сила была раздѣлена на 3 арміи, растянувшіяся по границѣ, съ большими незащищенными промежутками, тонкимъ заслономъ, а Наполеонъ наступалъ сплоченной массой.

кого объясненія въ странныхъ своихъ поступкахъ, покуда французскіе орлы не отойдутъ за Рейнъ, и тѣмъ не покинутъ своихъ союзниковъ на ея произволъ. Россія увлечена рокомъ. Судьбы ея должны свершиться. Не думаетъ ли она, что мы переродились? Или мы болѣе уже не солдаты Аустерлица? Она постановляетъ насъ между безчестіемъ и войною. Выборъ не можетъ быть сомнителенъ. Идемъ же впередъ, перейдемъ Нѣманъ, внесемъ войну въ ея предѣлы. Вторая польская война будетъ для французскаго оружія столь же славна, какъ и первая, и положитъ конецъ гибельному вліянію Россіи, которое она въ теченіе пятидесяти лѣтъ оказывала на дѣла Европы. Въ нашей императорской квартирѣ, въ Вилковишкахъ, 22-го (10-го) іюня 1812 года. (Подписано): „Наполеонъ“

(„Рус. Стар.“ 1877 г., кн. 2).

Манифестъ о всеобщемъ ополченіи и воззваніе Государя къ Москвѣ.

Императоръ Александръ I пробылъ въ арміи до первыхъ чиселъ іюля. Не считая себя полководцемъ и не желая стѣснять назначенныхъ имъ главнокомандующихъ, опъ, подписавъ 6-го іюля манифестъ о всеобщемъ ополченіи и воззваніе къ Москвѣ, выѣхалъ въ ночь на 7-е въ Москву, чтобы „возбудить духъ“ и „склонить на новыя пожертвованія своихъ подданныхъ“.

„Непріятель вступилъ въ предѣлы Наши и продолжаетъ нести оружіе свое внутрь Россіи, надѣясь силою и соблазнами потрясть спокойствіе великой сей Державы“.—Такъ начинался манифестъ о всеобщемъ ополченіи.—„Съ лукавствомъ въ сердцѣ и лестію на устахъ несетъ онъ вѣчныя для нея цѣпи и оковы. Мы, призвавъ на помощь Бога, поставляемъ въ преграду ему войска Наши, кипящія мужествомъ попрать, опрокинуть его“... „но не можемъ и не должны скрывать отъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ

что собранныя имъ разнодержавныя силы велики, и что отважность его требуетъ неусыпнаго противъ нея бодрствованія. Сего ради, при всей твердой надеждѣ на храброе Наше воинство, полагаемъ мы за необходимо пужное собрать внутри государства новыя силы, которыя, нанося новый ужасъ врагу, составляли бы вторую ограду въ подкрѣпленіе первой и въ защиту домовъ, женъ и дѣтей каждаго и всѣхъ"... „Да найдетъ онъ на каждомъ шагѣ вѣрныхъ сыновъ Россіи, поражающихъ его всѣми средствами и силами, не внимая никакимъ его лукавствамъ и обманамъ. Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ—Палицына, въ каждомъ гражданинѣ—Минина"...

Воззваніе государя къ первопрестольной столицѣ заканчивалось слѣдующими словами: „Мы не умедлимъ сами стать посреди народа своего въ сей столицѣ и въ другихъ государства нашего мѣстахъ для совѣщанія и руководствованія всѣми нашими ополченіями, какъ нынѣ преграждающими пути врагу, такъ и вновь устроенными на пораженіе онаго вездѣ, гдѣ только появится. Да обратится погибель, въ которую онъ мнитъ низринуть Насъ, на главу его, и освобожденная отъ рабства Европа да возвеличитъ имя Россіи"...

6.

Каково было настроеніе въ русской и французской арміяхъ въ началѣ войны.

... Наши войска отступали отъ Вильны по разнымъ сложнымъ государственнымъ, политическимъ и тактическимъ причинамъ. Каждый шагъ отступленія сопровождался сложною игрой интересовъ, умозаключеній и страстей въ главномъ штабѣ...

Но унывать, безпокоиться и интриговать могли только въ главной квартирѣ, а въ глубокой арміи и не спрашивали себя: куда, зачѣмъ идутъ. Если жалѣли, что отсту-

паютъ, то только потому, что надо было выходить изъ обжитой квартиры, отъ хорошенькой панны. Ежели и приходило кому-нибудь въ голову, что дѣла плохи, то, какъ слѣдуетъ хорошему военному человѣку, тотъ, кому это приходило въ голову, старался быть веселымъ и не думать объ общемъ ходѣ дѣлъ, а думать о своемъ ближайшемъ дѣлѣ.

Сначала весело стояли подлѣ Вильны, заводя знакомства съ польскими помѣщиками и ожидая и отбывая смотры государя и другихъ высшихъ командировъ. Потомъ пришелъ приказъ отступить къ Свенцянамъ и истреблять провіантъ, который нельзя было увезти.

Пьяный лагерь—такъ прозвала вся армія стоянку у Свенцянъ. Въ Свенцянахъ много было жалобъ на войска за то, что они, воспользовавшись приказаніемъ отбирать провіантъ, въ числѣ провіанта забирали и лошадей, и экипажи, и ковры у польскихъ пановъ

Отъ Свенцянъ отступали дальше и дальше до Дриссы, и опять отступили отъ Дриссы, уже приближаясь къ русскимъ границамъ...

Но объ опасности нашествія въ русскія губерніи никто и не думалъ, никто и не предполагалъ, чтобы война могла быть перенесена далѣе западныхъ польскихъ губерній.

(Изъ ром. «Война и миръ» Л. Н. Толстого).

* * *

Занявъ Витебскъ, Наполеонъ собралъ офицеровъ и начальниковъ и обратился къ нимъ съ такими словами:

„Господа, служба у васъ идетъ плохо. У васъ слишкомъ много отсталыхъ [1]). Офицеры останавливаются на

---

[1]) „Усиленные переходы по дурнымъ дорогамъ,—пишетъ русскій историкъ войны 12-го года,—чрезвычайные ливни, ненастье, наступившіе послѣ него жары—все это имѣло послѣдствіемъ множество больныхъ, отсталыхъ, мародеровъ. Число послѣднихъ въ іюлѣ доходило до 50.000 чел. Армія Наполеона, составленная изъ разноплеменныхъ солдатъ, большею частью уроженцевъ странъ,

походѣ и проводятъ время у помѣщиковъ. Биваки ихъ утомляютъ, тогда какъ храбрость не береть въ разсчетъ дурную погоду: и въ грязи сохраняется честь. Солдаты нарушаютъ дисциплину: подъ предлогомъ исканія припасовъ не возвращаются къ своимъ корпусамъ и бродятъ въ безпорядкѣ. Въ окрестностяхъ возникаютъ жалобы на ихъ насилія. Надобно прекратить этотъ безпорядокъ, господа, и строго наказывать тѣхъ, которые осмѣлятся уйти, не спросясь. Въ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ полки наши не досчитались бы своихъ людей; наличный составъ войска такой, какимъ онъ могъ бы оказаться послѣ сраженія, тогда какъ мы еще не видали непріятеля".

Обсуждая эту рѣчь потомъ на своихъ квартирахъ, офицеры говорили:

„Развѣ императоръ не видитъ, что здѣшній край не Австрія и не Италія. Мѣстность дикая. Дороги непроходимыя. Каждый день намъ приходится бороться со всевозможными затрудненіями, оставаться каждый день голодными, не получать даже водки. На походѣ у насъ нѣтъ палатокъ и никакой защиты ночью отъ холодныхъ дождей. Придетъ солдатъ усталый и голодный въ мѣстность, гдѣ нѣтъ припасовъ,—какъ ему запретить итти на поиски пищи? Не заставляйте дѣлать усиленные переходы, подвигайтесь медленно, какъ слѣдуетъ поступать въ дальнихъ походахъ, когда идешь въ неизвѣстныя страны, гдѣ ничего не заготовлено для войска. Что касается до обвиненія Наполеона, что офицеры заходятъ въ помѣщичьи усадьбы, то надобно благодарить помѣщиковъ за ихъ гостепріимство, спасшее отъ голода не только отдѣльныхъ офицеровъ, но даже цѣлыя роты [1]).

пользующихся умѣреннымъ климатомъ, была не въ силахъ выдержать тяжелое испытаніе и замѣтно таяла". Есть также свидѣтельство, что даже въ той части арміи, гдѣ находился Наполеонъ, на пути отъ Вильны къ Витебску наиболѣе употребительной пищей солдатъ былъ бульонъ съ мукой.

[1]) Для продовольствія арміи Наполеонъ устроилъ громадные запасы въ Данцигѣ. За арміей шло 1500 четырехконныхъ сухар-

Постоянное отступленіе русскихъ должно же надоумить насъ, что этимъ намъ готовятъ очевидную гибель, заманивая насъ все глубже въ страну, гдѣ на тысячу человѣкъ едва одинъ пользуется достаткомъ. Не взирая на геній свой, Наполеонъ обманутъ незнаніемъ того края, куда онъ перенесъ войну".

(Изъ «Воспоминаній» врача француз. арміи, де-ла Флиза).

7.

Въ осажденномъ Смоленскѣ.

Къ вечеру 4-го августа Алпатычъ [1]) пріѣхалъ въ Смоленскъ.

По дорогѣ Алпатычъ встрѣчалъ и обгонялъ обозы и войска. Подъѣзжая къ Смоленску, онъ слышалъ дальніе выстрѣлы, но звуки эти не поразили его. Сильнѣе всего поразило его то, что, приближаясь къ Смоленску, онъ видѣлъ прекрасное поле овса, которое какіе-то солдаты косили, очевидно, на кормъ и по которому стояли лагеремъ.

Алпатычъ, пріѣхавъ вечеромъ 4-го августа въ Смоленскъ, остановился за Днѣпромъ, въ Гаченскомъ предмѣстьи, на постояломъ дворѣ, у дворника Ѳерапонтова, у котораго онъ уже тридцать лѣтъ имѣлъ привычку останавливаться. Ѳерапонтовъ, тридцать лѣтъ тому назадъ, съ легкой руки Алпатыча, купивъ рощу у князя, началъ

ныхъ фуръ, нѣсколько тысячъ одноконныхъ повозокъ и громадныя фуры на волахъ. Фурштадскихъ батальоновъ, обязанныхъ заниматься перевозкой, было 17. И всѣхъ этихъ средствъ было достаточно для перевозки лишь двухмѣсячнаго провіанта на 200 тыс. человѣкъ. Остальной провіантъ Наполеонъ разсчитывалъ подвезти по Вислѣ и Нѣману и, наконецъ, надѣялся на мѣстныя средства. Что касается лошадей, которыхъ было только въ артиллеріи и обозѣ, не считая кавалеріи, 18000 головъ, то для ихъ прокормленія Наполеонъ думалъ обойтись подножнымъ кормомъ.

[1]) Управляющій смоленскимъ имѣніемъ князя Болконскаго—Лысыя Горы, См. ром. „Война и миръ" Л. Н. Толстого.

торговать, и теперь имѣлъ домъ, постоялый дворъ и мучную лавку въ губерніи. Ѳерапонтовъ былъ толстый, черный, красный, сорокалѣтній мужикъ, съ толстыми губами, съ толстымъ шишкой-носомъ, такими же шишками надъ черными нахмуренными бровями и толстымъ брюхомъ.

Ѳерапонтовъ, въ жилетѣ, въ ситцевой рубахѣ, стоялъ у лавки, выходившей на улицу. Увидавъ Алпатыча, онъ подошелъ къ нему.

— Добро пожаловать, Яковъ Алпатычъ. Народъ изъ города, а ты въ городъ,—сказалъ хозяинъ.

— Что жъ такъ изъ города?—сказалъ Алпатычъ.

— И я говорю—народъ глупъ. Все французу боятся.

— Бабьи толки, бабьи толки!—проговорилъ Алпатычъ.

— Такъ-то и я сужу, Яковъ Алпатычъ. Я говорю, приказъ есть, что не пустятъ его, значитъ—вѣрно. Да и мужики по три рубля съ подводы просятъ—креста на нихъ нѣтъ...

Всю ночь мимо постоялаго двора двигались по улицѣ войска. На другой день за городомъ съ ранняго утра слышались выстрѣлы. Съ восьми часовъ къ ружейнымъ выстрѣламъ присоединилась пушечная пальба. На улицахъ было много народу, куда-то спѣшащаго, много солдатъ, но такъ же, какъ и всегда, ѣздили извозчики, купцы стояли у лавокъ и въ церквахъ шла служба. Алпатычъ прошелъ въ лавки, въ присутственныя мѣста, на почту и къ губернатору. Въ присутственныхъ мѣстахъ, въ лавкахъ, на почтѣ всѣ говорили о войскѣ, о непріятелѣ, который уже напалъ на городъ; всѣ спрашивали другъ друга, что дѣлать, и всѣ старались успокаивать другъ друга.

У дома губернатора Алпатычъ нашелъ большое количество народа, казаковъ и дорожный экипажъ, принадлежащій губернатору. На крыльцѣ Яковъ Алпатычъ встрѣтилъ двухъ господъ-дворянъ, изъ которыхъ одного онъ зналъ. Знакомый ему дворянинъ, бывшій исправникъ, говорилъ съ жаромъ:

— Вѣдь это не шутки шутить,—говорилъ онъ.—Хорошо, кто одинъ. Одна голова и бѣдна—такъ одна, а то вѣдь 13-ть человѣкъ семьи, да все имущество... Довели, что пропадать всѣмъ; что-жъ это за начальство послѣ этого?. Эхъ, перевѣшалъ бы разбойниковъ!..

Алпатычъ покачалъ головой и пошелъ на лѣстницу. Въ пріемной были купцы, женщины, чиновники, молча переглядывавшіеся между собой. Дверь кабинета отворилась; всѣ встали съ мѣстъ и подвинулись впередъ. Изъ двери выбѣжалъ чиновникъ, поговорилъ что-то съ купцомъ, крикнулъ за собой толстаго чиновника съ крестомъ на шеѣ и скрылся опять въ дверь, видимо, избѣгая всѣхъ обращенныхъ къ нему взглядовъ и вопросовъ.

Черезъ нѣсколько минутъ губернаторъ принялъ Алпатыча и поспѣшно сказалъ ему:

— Доложи князю и княжнѣ, что мнѣ ничего неизвѣстно было: я поступалъ по высшимъ приказаніямъ—вотъ...—Онъ далъ бумагу Алпатычу.—А, впрочемъ, такъ какъ князь нездоровъ, мой совѣтъ имъ—ѣхать въ Москву. Я самъ сейчасъ ѣду. Доложи...

Но губернаторъ не договорилъ: въ дверь вбѣжалъ запыленный и запотѣлый офицеръ и началъ что-то говорить по-французски. На лицѣ губернатора изобразился ужасъ.

— Иди,—сказалъ онъ, кивнувъ головой Алпатычу, и сталъ что-то спрашивать у офицера.

По улицамъ безпокойно сновалъ народъ.

Наложенные верхомъ возы съ домашней посудой, стульями, шкапчиками то и дѣло выѣзжали изъ воротъ домовъ и ѣхали по улицамъ. Въ сосѣднемъ домѣ Ѳерапонтова стояли повозки и, прощаясь, выли и приговаривали бабы.

— Что жъ, у губернатора былъ?—спросилъ Ѳерапонтовъ.—Какое рѣшеніе вышло?

Алпатычъ отвѣчалъ, что губернаторъ ничего рѣшительно не сказалъ ему.

— По нашему дѣлу развѣ увеземся? — сказалъ Ѳерапонтовъ.—Дай до Дорогобужа по 7 рублей за подводу. И я говорю: креста на нихъ нѣтъ!—сказалъ онъ.—Селивановъ, тотъ угодилъ въ четвергъ, продалъ муку въ армію по девяти рублей за куль. Что же, чай пить будете?—прибавилъ онъ.

Пока закладывали лошадей, Алпатычъ съ Ѳерапонтовымъ напились чаю и разговорились о цѣнѣ хлѣбовъ, объ урожаѣ и благопріятной погодѣ для уборки.

Было уже далеко за полдень. Вдругъ—послышался странный звукъ дальняго свиста и удара, и вслѣдъ затѣмъ раздался сливающійся гулъ пушечной пальбы, отъ которой задрожали стекла.

Алпатычъ вышелъ на улицу: по улицѣ пробѣжали два человѣка къ мосту. Съ разныхъ сторонъ слышались свисты, удары ядеръ и лопаніе гранатъ, падавшихъ въ городѣ. Но звуки эти почти не слышны были и не обращали вниманія жителей въ сравненіи съ звуками пальбы, слышными за городомъ. Это было бомбардированіе, которое въ 5-мъ часу приказалъ открыть Наполеонъ по городу, изъ 130-ти орудій. Народъ первое время не понималъ значенія этого бомбардированія.

Звуки падавшихъ гранатъ и ядеръ возбуждали сначала только любопытство. Жена Ѳерапонтова, не переставшая до этого выть подъ сараемъ, умолкла и съ ребенкомъ на рукахъ вышла къ воротамъ, молча приглядываясь къ народу и прислушиваясь къ звукамъ.

Къ воротамъ вышли кухарка и лавочникъ. Всѣ съ веселымъ любопытствомъ старались увидать проносившіеся надъ ихъ головами снаряды. Изъ-за угла вышло нѣсколько человѣкъ людей, оживленно разговаривая.

— То-то сила!—говорилъ одинъ,—и крышку, и потолокъ такъ въ щепки и разбило.

Народъ обратился къ этимъ людямъ. Они пріостановились и разсказывали, какъ подлѣ самихъ ихъ ядра попали въ домъ. Между тѣмъ, другіе снаряды то съ быстрымъ, мрачнымъ свистомъ—ядра, то съ пріятнымъ по-

свистываніемъ—гранаты, не переставали перелетать черезъ головы народа; но ни одинъ снарядъ не падалъ близко, всѣ переносило. Алпатычъ садился въ кибиточку. Хозяинъ стоялъ въ воротахъ.

— Чего не видали!—крикнулъ онъ на кухарку, которая съ засученными рукавами, въ красной юбкѣ, раскачиваясь голыми локтями, подошла къ углу послушать то, что разсказывали.

— Вотъ чуда-то,—приговаривала она, но, услыхавъ голосъ хозяина, она вернулась, обдергивая подоткнутую юбку.

Опять, но очень близко на этотъ разъ, засвистѣло что-то, какъ сверху внизъ летящая птичка, блеснулъ огонь посрединѣ улицы, выстрѣлило что-то и застлало дымомъ улицу.

— Злодѣй, что жъ ты это дѣлаешь?—прокричалъ хозяинъ, подбѣгая къ кухаркѣ.

Въ то же мгновеніе съ разныхъ сторонъ жалобно завыли женщины, испуганно заплакалъ ребенокъ, и молча столпился народъ съ блѣдными лицами около кухарки. Изъ этой толпы слышнѣе всѣхъ слышались стоны и приговоры кухарки.

— Ой-о-охъ, голубчики мои! Голубчики мои бѣлые! Не дайте умереть! Голубчики мои бѣлые!..

Черезъ пять минутъ никого не оставалось на улицѣ. Кухарку съ бедромъ, разбитымъ гранатнымъ осколкомъ, снесли въ кухню. Алпатычъ, его кучеръ, Ѳерапонтова жена съ дѣтьми, дворникъ, сидѣли въ подвалѣ, прислушиваясь. Гулъ орудій, свистъ снарядовъ и жалостный стонъ кухарки, преобладавшій надъ всѣми звуками, не умолкали ни на мгновеніе. Хозяйка то укачивала и уговаривала ребенка, то жалостнымъ шопотомъ спрашивала у всѣхъ входившихъ въ подвалъ, гдѣ былъ ея хозяинъ, оставшійся на улицѣ. Вошедшій въ подвалъ лавочникъ сказалъ ей, что хозяинъ пошелъ съ народомъ въ соборъ, гдѣ поднимали Смоленскую чудотворную икону.

Къ сумеркамъ канонада стала стихать. Алпатычъ вышелъ изъ подвала и остановился въ дверяхъ. Прежде ясное вечернее небо все было застлано дымомъ. И сквозь этотъ дымъ странно свѣтилъ молодой, высоко стоящій серпъ мѣсяца. Послѣ замолкшаго прежняго страшнаго гула орудій, надъ городомъ казалась тишина, прерываемая только какъ бы распространеннымъ по всему городу шелестомъ шаговъ, стоновъ, дальнихъ криковъ и треска пожаровъ. Стоны кухарки теперь затихли. Съ

Пожаръ Смоленска.

двухъ сторонъ поднимались и расходились черные клубы дыма отъ пожаровъ. На улицѣ не рядами, а какъ муравьи изъ разоренной кочки, въ разныхъ мундирахъ и въ разныхъ направленіяхъ проходили и пробѣгали солдаты. Въ глазахъ Алпатыча нѣсколько изъ нихъ забѣжали на дворъ Ѳерапонтова. Алпатычъ вышелъ къ воротамъ. Какой-то полкъ, тѣснясь и спѣша, запрудилъ улицу, идя назадъ.

— Сдаютъ городъ, уѣзжайте, уѣзжайте,—сказалъ ему, замѣтивши его фигуру, офицеръ и тутъ же обратился съ крикомъ къ солдатамъ:

— Я вамъ дамъ по дворамъ бѣгать!—крикнулъ онъ.

Алпатычъ вернулся въ избу и, кликнувъ кучера, велѣлъ ему выѣзжать. Вслѣдъ за Алпатычемъ и за кучеромъ вышли и всѣ домочадцы Ѳерапонтова. Увидавъ дымъ и даже огни пожаровъ, виднѣвшіеся теперь въ начавшихся сумеркахъ, бабы, до тѣхъ поръ молчавшія, вдругъ заголосили, глядя на пожары. Какъ бы вторя имъ, послышались такіе же плачи на другихъ концахъ улицы. Алпатычъ съ кучеромъ трясущимися руками расправлялъ запутавшіяся вожжи и постромки лошадей подъ навѣсомъ.

Когда Алпатычъ выѣзжалъ изъ воротъ, онъ увидалъ какъ въ отпертой лавкѣ Ѳерапонтова человѣкъ десять солдатъ, съ громкимъ говоромъ, насыпали мѣшки и ранцы пшеничной мукой и подсолнухами. Въ то же время, возвращаясь съ улицы въ лавку, вошелъ Ѳерапонтовъ. Увидавъ солдатъ, онъ хотѣлъ крикнуть что-то, но вдругъ остановился и, схватившись за волоса, захохоталъ рыдающимъ хохотомъ.

— Тащите все, ребята! Не доставайся дьяволамъ!—закричалъ онъ, самъ хватая мѣшки и выкидывая ихъ на улицу.

Нѣкоторые солдаты, испугавшись, выбѣжали, нѣкоторые продолжали насыпать. Увидавъ Алпатыча, Ѳерапонтовъ обратился къ нему.

— Рѣшилась Рассея!—крикнулъ онъ.—Алпатычъ! Рѣшилась! Самъ запалю. Рѣшилась...—Ѳерапонтовъ побѣжалъ на дворъ...

(Изъ ром. „Война и миръ“ Л. Н. Толстого).

8.

Полководецъ.

У русскаго царя въ чертогахъ есть палата:
Она не золотомъ, не бархатомъ богата,
Не въ ней алмазъ вѣнца хранится подъ стекломъ;
Но сверху до низу, во всю длину, кругомъ,

Мих. Богд. Барклай де-Толли.

Своею кистію свободной и широкой
Ее разрисовалъ художникъ быстроокій.
Тутъ нѣтъ ни сельскихъ нимфъ, ни дѣвственныхъ мадоннъ,
Ни фавновъ съ чашами, ни полногрудыхъ женъ,
Ни плясокъ, ни охотъ; а все плащи, да шпаги,
Да лица, полныя воинственной отваги.
Толпою тѣсною художникъ помѣстилъ
Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ силъ,
Покрытыхъ славою чудеснаго похода
И вѣчной памятью двѣнадцатаго года.
Нерѣдко медленно межъ ними я брожу
И на знакомые ихъ образы гляжу.
И, мнится, слышу ихъ воинственные клики.
Изъ нихъ ужъ многихъ нѣтъ, другіе, коихъ лики

Еще такъ молоды на яркомъ полотнѣ,
Уже состарѣлись и никнутъ въ тишинѣ
Главою лавровой. Но въ сей толпѣ суровой
Одинъ [1]) меня влечетъ всѣхъ больше. Съ думой новой
Всегда остановлюсь предъ нимъ и не свожу
Съ него моихъ очей. Чѣмъ долѣе гляжу,
Тѣмъ болѣе томимъ я грустію тяжелой.

Онъ писанъ во весь ростъ. Чело, какъ черепъ голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Тамъ грусть великая. Кругомъ—густая мгла;
За нимъ—военный станъ. Спокойный и угрюмый,
Онъ, кажется, глядитъ съ презрительною думой.
Свою ли точно мысль художникъ обнажилъ,
Когда онъ таковымъ, его изобразилъ,
Или невольное то было вдохновенье—
Но Доу [2]) далъ ему такое выраженье.

О, вождь несчастливый! Суровъ былъ жребій твой:
Все въ жертву ты принесъ землѣ тебѣ чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
Въ молчаньи шелъ одинъ ты съ мыслію великой;
И въ имени твоемъ звукъ чуждый не взлюбя,
Своими криками преслѣдуя тебя,
Народъ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался надъ твоей священной сѣдиною;
И тотъ, чей острый умъ тебя и постигалъ,
Въ угоду имъ тебя лукаво порицалъ.
И долго укрѣпленъ могущимъ убѣжденьемъ,
Ты былъ неколебимъ предъ общимъ заблужденьемъ:
И на полупути былъ долженъ, наконецъ,
Безмолвно уступить и лавровый вѣнецъ,
И власть, и замыселъ, обдуманный глубоко,
И въ полковыхъ рядахъ сокрыться одиноко.
Тамъ, устарѣлый вождь, какъ ратникъ молодой,
Свинца веселый свистъ заслышавши впервой,

---

[1]) Барклай-де-Толли, главнокомандующій русской арміей въ первую половину войны.

[2]) Доу—художникъ.

Бросался ты въ огонь, ища желанной смерти,—
Вотще!
— О, люди! жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха!
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ,
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньѣ
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье!

А. Пушкинъ.

9.

Настроенія деревни въ первую половину войны [1]).

1. Разсказъ смоленскаго дьякона.

Многіе изъ смоленскихъ крестьянъ во время нашествія вели себя необузданно, какъ разбойники. Мнѣ было тогда лѣтъ 8—9. Батюшка мой былъ здѣсь священникомъ, при дѣдушкѣ вашемъ Петрѣ Матвѣевичѣ. Дѣдушка, какъ вы знаете, жилъ не здѣсь, въ Спасскомъ, а въ Соколовѣ.

---

[1]) Въ манифестѣ о всеобщемъ ополченіи (см. выше стр. 38) невольно обращаетъ на себя вниманіе два раза повторяемая фраза, хотя и въ разныхъ выраженіяхъ, о „соблазнахъ“, и „обманахъ“ съ помощью которыхъ Наполеонъ, помимо силы, неся ихъ „съ лукавствомъ въ сердцѣ и лестію на устахъ“, хочетъ потрясти спокойствіе Россіи. На что намекаетъ въ этихъ словахъ государь? Дѣло въ томъ, что ходили слухи, будто Наполеонъ хочетъ привлечь къ себѣ народъ русскій,—т. е. главнымъ образомъ, крѣпостныхъ крестьянъ,—обѣщаніемъ имъ воли; хочетъ возбудить ихъ къ возстанію. Было ли это на самомъ дѣлѣ такъ, теперь сказать трудно, но въ нѣкоторыхъ свидѣтельствахъ современниковъ сохранились намеки на это. Есть свидѣтельства и о броженіи и даже бунтахъ по деревнямъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя стали театромъ военныхъ дѣйствій, по пути, по которому двигалась Наполеоновская армія отъ западной границы къ Москвѣ: ей предшествовали, какъ своеобразный авангардъ, бѣгство помѣщиковъ и нелѣпые толки и смута въ крѣпостныхъ деревняхъ. Приближеніе французовъ и удаленіе господъ и породило мысль, что Наполеонъ и французы несутъ съ собой волю крестьянамъ.

Однако, и здѣсь была господская усадьба. Какъ только, предъ вступленіемъ непріятеля, Петръ Матвѣевичъ уѣхалъ служить въ ополченіе, а бабушка ваша — въ костромское свое имѣніе, сейчасъ же и начали мужики шалить: то тащатъ, то берутъ, другое ломаютъ. Батюшка покойный сокрушался и негодовалъ, но и самъ опасался крестьянъ. Одинъ разъ идетъ онъ и видитъ: стоитъ барская карета наружи, изъ сарая вывезена, и около нея мужикъ съ топоромъ.

— Ты что это съ топоромъ?—спросилъ батюшка.

— Вотъ хочу порубить карету, дерево на растопку годится, и еще кой-что выберу изъ нея.

А лѣсъ близко. Нѣтъ, ужъ ему и до лѣса дойти не хочется. Барская карета ближе!

Стало батюшкѣ жаль господской кареты, онъ и говоритъ мужику:

— Образумься! Безсовѣстный ты человѣкъ! Тутъ непріятель подходитъ, а ты, христіанинъ, православный, грабительствомъ занимаешься. А если вернется благополучно Петръ Матвѣевичъ и узнаетъ,—что тебѣ тогда будетъ?

А мужикъ ничуть не испугался, погрозился на батюшку топоромъ и говоритъ:

— Ну, ты, смотри, я тебя на мѣстѣ уложу тутъ. И Петра Матвѣевича теперь не боюсь; пусть онъ покажется, я и ему брюхо балахономъ распущу!..

Вотъ какая дерзость!

Батюшка ужаснулся и ушелъ отъ него.

И такъ разореніе отъ своихъ продолжалось. Входили въ домъ крестьяне и дѣлали, что хотѣли. Была, напримѣръ, у дѣдушки вашего одна комната, — кабинетъ, что ли, не знаю; обита вся по стѣнамъ и по потолку клеенкой на зиму, для тепла. Клеенка эта была прибита цѣльными полосами отъ пола вверхъ, черезъ потолокъ и на другую сторону внизъ, опять до самаго пола. Кругомъ около потолка небольшимъ карнизомъ было обведено. Такъ вотъ, это я самъ своими глазами видѣлъ. Знаете,

дѣтство, любопытствуешь, вездѣ бѣгали съ братьями. Обломали мужики верхній карнизъ; подрѣжутъ снизу клеенку, да такъ возьмутъ руками за одинъ конецъ и отдерутъ все до другого конца безжалостно. И чего только они ни дѣлали!..

(Изъ разсказа смоленскаго дьякона. „Русск. Архивъ“ 1881 г., кн. 3).

2. Отъѣздъ изъ Богучарова [1]).

...Богучарово было всегда заглазное имѣніе. И мужики богучарскіе имѣли совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ лысогорскіе. Они назывались степными. Между ними всегда ходили какіе-нибудь неясные толки, то о перечисленіи ихъ всѣхъ въ казаки, то о новой вѣрѣ, въ которую ихъ обратятъ, то о царскихъ листахъ какихъ-то. Слухи о войнѣ и Бонапартѣ и его нашествіи соединились для нихъ съ такими же неясными представленіями объ антихристѣ, концѣ свѣта, чистой волѣ... Вообще, въ жизни крестьянъ этой мѣстности были замѣтнѣе и сильнѣе, чѣмъ въ другихъ, тѣ таинственныя струи народной русской жизни, причины и значенія которыхъ бываютъ необъяснимы для современниковъ... Теперь, въ 1812 г., для человѣка близко жившаго съ народомъ, замѣтно было, что эти подводныя струи производили сильную работу и были близки къ проявленію...

Алпатычъ, [2]) пріѣхавъ въ Богучарово, замѣтилъ, что между народомъ происходило волненіе. Тогда какъ въ „Лысыхъ Горахъ“ всѣ крестьяне уходили (предоставляя казакамъ разорять свои деревни), въ полосѣ степной крестьяне, какъ слышно было, имѣли сношенія съ французами, получали какія-то бумаги, ходившія между ними, и оставались на мѣстахъ. Онъ зналъ черезъ преданныхъ ему дворовыхъ людей, что ѣздившій надняхъ съ казен-

---

[1]) Имѣніе князя Болконскаго—см. ром. „Война и миръ“ Л. Н. Толстого.

[2]) Управляющій кн. Болконскихъ.

ною подводою мужикъ Карпъ, имѣвшій большое вліяніе на міръ, возвратился съ извѣстіемъ, что казаки разоряютъ деревни, изъ которыхъ выходятъ жители, но что французы ихъ не трогаютъ. Онъ зналъ, что другой мужикъ вчера привезъ изъ села Вислоухова—гдѣ стояли французы—отъ генерала французскаго бумагу, въ которой жителямъ объявлялось, что имъ не будетъ сдѣлано никакого вреда и за все, что у нихъ возьмутъ, заплатятъ, если они останутся. Въ доказательство мужикъ привезъ изъ Вислоухова сто рублей ассигнаціями (онъ не зналъ, что онѣ были фальшивыя), выданныя ему впередъ за сѣно.

Наконецъ, важнѣе всего, Алпатычъ зналъ, что въ тотъ самый день, какъ онъ приказалъ старостѣ собрать подводы для вывоза обоза княжны изъ Богучарова, по-утру была на деревнѣ сходка, на которой было положено не вывозиться и ждать. А между тѣмъ, время не терпѣло...

Лѣтъ тридцать Богучаровымъ управлялъ староста Дронъ. Его-то и призвалъ къ себѣ Алпатычъ и приказалъ ему приготовить 12 лошадей подъ экипажи княжны и 18 подводъ подъ обозъ. Но староста Дронъ, выслушавъ приказаніе, молча опустилъ глаза и объявилъ, что лошадей нѣтъ. Алпатычъ внимательно посмотрѣлъ на Дрона и нахмурился.

— Ты, Дронушка, слушай!—сказалъ онъ.—Ты мнѣ пустого не говори. Его сіятельство князь Андрей Николаевичъ сами мнѣ приказали, чтобы весь народъ отправить и съ непріятелемъ не оставаться, и царскій на то приказъ есть. А кто остается, тотъ царю измѣнникъ. Слышишь?.. Ты и народу скажи, чтобъ собирались изъ домовъ итти въ Москву и готовили подводы завтра къ утру подъ княжинъ обозъ, да самъ на сходку не ходи...

Къ вечеру подводы не были собраны. На деревнѣ, у кабака, была опять сходка, и на сходкѣ положено было угнать лошадей въ лѣсъ и не выдавать подводъ...

(А княжна Марья торопилась уѣзжать).

— Дронушка, спрашивала она старосту,—правду ли мнѣ говорятъ, что мнѣ и уѣхать нельзя?

— Отчего же тебѣ не ѣхать, ваше сіятельство? ѣхать можно,—сказалъ Дронъ.

— Мнѣ сказали, что опасно отъ непріятеля. Голубчикъ, я ничего не могу, ничего не понимаю, со мной никого нѣтъ. Я непремѣнно хочу ѣхать ночью или завтра рано утромъ.

Дронъ молчалъ. Онъ исподлобья взглянулъ на княжну Марью.—Лошадей нѣтъ,—сказалъ онъ,—я и Якову Алпатычу говорилъ.

— Отчего же нѣтъ?—сказала княжна.

— Все отъ Божьяго наказанія,—сказалъ Дронъ.—Какія лошади были, подъ войска разобрали, а какія подохли: нынче годъ такой. Не то лошадей кормить, а какъ бы самимъ съ голоду не помереть. И такъ по три дня не ѣмши сидятъ. Нѣтъ ничего, разорили въ конецъ.

— Мужики разорены? У нихъ хлѣба нѣтъ?—спросила княжна.

— Голодною смертью помираютъ,—сказалъ Дронъ,—не то что подводы...

— Да отчего же ты не сказалъ, Дронушка? Развѣ нельзя помочь? Я все сдѣлаю, что могу...—Вѣдь у насъ есть хлѣбъ господскій, братнинъ?—спросила она.

— Господскій хлѣбъ весь цѣлъ,—съ гордостью сказалъ Дронъ,—нашъ князь не приказывалъ продавать.

— Выдай его мужикамъ,—выдай все, что имъ нужно: я тебѣ именемъ брата разрѣшаю,—сказала княжна Марья.

— Уволь ты меня, матушка, ради Бога, вели отъ меня ключи принять,—сказалъ онъ.—Служилъ 23 года, худого не дѣлалъ,—уволь, ради Бога!

Княжна Марья не понимала, чего онъ хотѣлъ отъ нея и отъ чего онъ просилъ уволить себя. Она отвѣчала ему, что никогда не сомнѣвалась въ его преданности и что она все готова сдѣлать для него и для мужиковъ.

Черезъ часъ послѣ этого Дуняша пришла къ княжнѣ съ извѣстіемъ, что пришелъ Дронъ и всѣ мужики по приказанію княжны собрались у амбара, желая переговорить съ госпожею.

— Да я никогда не звала ихъ,—сказала княжна Марья;— я только сказала Дропушкѣ, чтобы раздать имъ хлѣба...

Несмотря на отговариваніе Дуняши и няни, княжна Марья вышла на крыльцо.

„Они вѣроятно думаютъ, что я предлагаю имъ хлѣбъ съ тѣмъ, чтобы они остались на своихъ мѣстахъ, а сама уѣду, бросивъ ихъ на произволъ французовъ,—думала княжна Марья.—Я имъ буду обѣщать мѣсячину въ подмосковной, квартиры“, — думала она, подходя въ сумеркахъ къ толпѣ, стоявшей на выгонѣ у амбара.

— Я очень рада, что вы пришли,—начала княжна Марья, не поднимая глазъ и чувствуя, какъ быстро и сильно билось ея сердце.—Мнѣ Дронушка сказалъ, что васъ разорила война. Это наше общее горе, и я ничего не пожалѣю, чтобы помочь вамъ. Я сама ѣду, потому что опасно здѣсь... и непріятель близко... потому что... Я вамъ отдаю все, мои друзья, и прошу васъ взять все, весь хлѣбъ нашъ, чтобъ у васъ не было нужды. А ежели вамъ сказали, что я отдаю вамъ хлѣбъ съ тѣмъ, чтобы вы остались здѣсь, то это неправда. Я, напротивъ, прошу васъ уѣзжать со всѣмъ вашимъ имуществомъ въ нашу подмосковную, и тамъ я беру на себя и обѣщаю вамъ, что вы не будете нуждаться. Вамъ дадутъ и дома, и хлѣбъ.

Всѣ глаза смотрѣли на нее съ одинаковымъ выраженіемъ, значенія котораго она не могла понять. Было ли это любопытство, преданность, благодарность, или испугъ и недовѣріе, но выраженіе на всѣхъ лицахъ было одинаковое.

— Много довольны вашими милостями, только намъ брать господскій хлѣбъ не приходится,—сказалъ голосъ сзади.

— Да отчего же?—сказала княжна.

Никто не отвѣчалъ.

— Отчего вы не говорите?—обратилась княжна къ старому старику, который, облокотившись на палку, стоялъ передъ ней.—Скажи, ежели ты думаешь, что еще что-нибудь нужно. Я все сдѣлаю,—сказала она, уловивъ его взглядъ.

Но онъ, какъ будто разсердившись за это, опустилъ совсѣмъ голову и проговорилъ:

— Чего соглашаться-то, не нужно намъ хлѣба.

— Что жъ намъ все бросить-то? Несогласны. Несогласны... Нѣтъ нашего согласія. Мы тебя жалѣемъ, и нашего согласія нѣтъ. Поѣзжай сама, одна,—раздалось въ толпѣ съ разныхъ сторонъ. И опять на всѣхъ лицахъ этой толпы показалось одно и то же выраженіе, и теперь это было уже навѣрное не выраженіе любопытства и благодарности, а выраженіе озлобленной рѣшительности.

— Да вы не поняли вѣрно,—съ грустной улыбкой сказала княжна Марья.—Отчего вы не хотите ѣхать? Я обѣщаю поселить васъ, кормить. А здѣсь непріятель разоритъ васъ...—Но голосъ ея заглушали голоса толпы.

— Нѣтъ нашего согласія, пускай разоряетъ. Не беремъ твоего хлѣба, нѣтъ согласія нашего.

— Вишь, научила ловко, за ней въ крѣпость поди. Дома разори да въ кабалу и ступай. Какъ же... Я хлѣбъ, молъ, отдамъ,— слышались голоса въ толпѣ...

. . . . . .

Богучарово находилось послѣдніе три дня между двумя непріятельскими арміями, такъ что такъ же легко могъ зайти туда русскій арьергардъ, какъ и французскій авангардъ, и потому Ростовъ, какъ заботливый эскадронный командиръ, желалъ прежде французовъ воспользоваться тѣмъ провіантомъ, который оставался въ Богучаровѣ.

17 августа Ростовъ и ѣхавшій съ нимъ другой офицеръ, Ильинъ шагомъ подъѣхали къ амбару, у котораго стояла большая толпа мужиковъ.

Нѣкоторые мужики сняли шапки, нѣкоторые, не снимая шапокъ, смотрѣли на подъѣхавшихъ.

Одинъ мужикъ вышелъ изъ толпы и подошелъ къ Ростову.

— Вы изъ какихъ будете?—спросилъ онъ.

— Французы,—отвѣчалъ, смѣючись Ильинъ.—Вотъ и Наполеонъ самъ,—сказалъ онъ, указывая на Лаврушку (деньщика).

— Стало-быть, русскіе будете?—спросилъ мужикъ.

— А много вашей силы тутъ?—спросилъ другой небольшой мужикъ, подходя къ нимъ.

— Много, много,—отвѣчалъ Ростовъ.—Да вы что жъ собрались тутъ?—прибавилъ онъ:—праздникъ, что ль?

— Старички собрались, по мірскому дѣлу,—отвѣчалъ мужикъ, отходя отъ него.

Въ это время по дорогѣ отъ барскаго дома показались двѣ женщины и человѣкъ въ бѣлой шляпѣ, шедшіе къ офицерамъ.

— Осмѣлюсь безпокоить, ваше благородіе,—сказалъ Алпатычъ (это былъ онъ) съ почтительностью. Моя госпожа, дочь скончавшагося сего 15 числа генералъ-аншефа князя Николая Андреевича Болконскаго, находясь въ затрудненіи по случаю невѣжества этихъ лицъ,—онъ указалъ на мужиковъ,—проситъ васъ пожаловать...

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ Ростовъ.

— Осмѣлюсь доложить вашему сіятельству, что грубый народъ здѣшній не желаетъ выпустить госпожу изъ имѣнія и угрожаетъ отпрячь лошадей, такъ что съ утра все уложено и ея сіятельство не могутъ выѣхать.

— Не можетъ быть!—вскрикнулъ Ростовъ.

— Имѣю честь докладывать вамъ сущую правду,—повторилъ Алпатычъ.

Ростовъ слѣзъ съ лошади и, передавъ ее вѣстовому, пошелъ съ Алпатычемъ къ дому, разспрашивая его о подробностяхъ дѣла... Дѣйствительно, вчерашнее предложеніе княжны мужикамъ хлѣба, ея объясненіе съ Дрономъ и со сходкою такъ испортили дѣло, что Дронъ окончательно сдалъ ключи, присоединился къ мужикамъ и не являлся по требованію Алпатыча.

По утру, когда княжна велѣла закладывать, чтобъ ѣхать, мужики вышли большой толпой къ амбару и выслали сказать, что они не выпустятъ княжны изъ деревни, что есть приказъ, чтобы не вывозиться, и они выпрягутъ лошадей.

— Я имъ покажу, я имъ задамъ, разбойникамъ,—говорилъ Ростовъ про себя.

— Какое рѣшеніе изволили принять? — спросилъ Алпатычъ.

Ростовъ остановился и, сжавъ кулаки, вдругъ грозно подвинулся на Алпатыча.

— Рѣшеніе? Какое рѣшеніе? Старый хрычъ!—крикнулъ онъ на него.—Ты чего смотрѣлъ, а? Мужики бунтуютъ, а ты не умѣешь справиться? Ты самъ измѣнникъ. Знаю я васъ, шкуру спущу со всѣхъ!—И какъ будто боясь растратить попапрасну запасъ своей горячности, онъ оставилъ Алпатыча и быстро пошелъ впередъ. Алпатычъ, подавивъ чувство оскорбленія, плывущимъ шагомъ поспѣвалъ за Ростовымъ и продолжалъ сообщать ему свои соображенія. Онъ говорилъ, что мужики находились въ закоснѣлости, что въ настоящую минуту было неблагоразумно противоборствовать имъ, не имѣя военной команды, что не лучше ли бы было послать прежде за командой.

— Я имъ дамъ воинскую команду... Я имъ попротивоборствую,—безсмысленно приговаривалъ Ростовъ, задыхаясь отъ неразумной, животной злобы и потребности излить эту злобу. Не соображая того, что будетъ дѣлать, безсознательно, быстрымъ, рѣшительнымъ шагомъ онъ подвигался къ толпѣ. И чѣмъ ближе онъ подвигался къ ней, тѣмъ больще чувствовалъ Алпатычъ, что неблагоразумный поступокъ его можетъ произвести хорошіе результаты. То же чувствовали и мужики толпы, глядя на его быструю и твердую походку и рѣшительное, нахмуренное лицо.

Послѣ того, какъ гусары въѣхали въ деревню, въ толпѣ произошло замѣшательство и раздоръ. Нѣкоторые мужики стали говорить, что эти пріѣхавшіе были русскіе, и какъ бы они не обидѣлись тѣмъ, что не выпускаютъ барышню. Дронъ былъ того же мнѣнія; но какъ только онъ выразилъ его, такъ Карпъ и другіе мужики напали на бывшаго старосту.

— Ты міръ-то поѣдомъ ѣлъ сколько годовъ?—кричалъ на него Карпъ.—Тебѣ все одно! Ты кубышку выроешь, увезешь, тебѣ что,—разорили наши дома, али нѣтъ?

— Сказано, порядокъ чтобъ былъ, не ѣзди никто изъ домовъ, чтобы ни синь-пороха не вывозить, вотъ она и вся!—кричалъ другой.

Какъ только Ростовъ, сопутствуемый Ильинымъ, Лаврушкой и Алпатычемъ, подошелъ къ толпѣ, Карпъ, заложивъ пальцы за кушакъ, слегка улыбаясь, вышелъ впередъ. Дронъ, напротивъ, зашелъ въ задніе ряды, и толпа сдвинулась плотнѣе.

— Эй! кто у васъ староста тутъ?—крикнулъ Ростовъ, быстрымъ шагомъ подойдя къ толпѣ.

— Староста-то? На что вамъ?..—спросилъ Карпъ.

Но не успѣлъ онъ договорить, какъ шапка слетѣла съ него и голова мотнулась на бокъ отъ сильнаго удара.

— Шапки долой, измѣнники! — крикнулъ полнокровный голосъ Ростова.—Гдѣ староста?—неистовымъ голосомъ кричалъ онъ.

— Старосту, старосту кличетъ... Дронъ Захарычъ, васъ,—послышались кое-гдѣ торопливо-покорные голоса, и шапки стали сниматься съ головъ.

— Намъ бунтовать нельзя, мы порядки блюдемъ,—проговорилъ Карпъ, и нѣсколько голосовъ сзади въ то же мгновеніе заговорили вдругъ:

— Какъ старички порѣшили... Много васъ начальства!

— Разговаривать?.. Бунтъ?.. Разбойники! Измѣнники!—безсмысленно, не своимъ голосомъ завопилъ Ростовъ, хватая за воротъ Карпа.—Вяжи его, вяжи!—кричалъ онъ, хотя некому было вязать его, кромѣ Лаврушки и Алпатыча.

Лаврушка, однако, подбѣжалъ къ Карпу и схватилъ его сзади за руки.

— Прикажете нашихъ изъ-подъ горы кликнуть?—крикнулъ онъ.

Алпатычъ обратился къ мужикамъ, вызывая двоихъ по именамъ, чтобы вязать Карпа. Мужики покорно вышли изъ толпы и стали распоясываться.

— Староста гдѣ?—кричалъ Ростовъ.

Дронъ съ нахмуреннымъ и блѣднымъ лицомъ вышелъ изъ толпы.

— Ты староста? Вязать, Лаврушка!—кричалъ Ростовъ, какъ будто и это приказаніе не могло встрѣтить препятствій. И дѣйствительно, еще два мужика стали вязать Дрона, который, какъ бы помогая имъ, снялъ съ себя кушакъ и подалъ имъ.

— А вы всѣ слушайте меня,—Ростовъ обратился къ мужикамъ.—Сейчасъ маршъ по домамъ, и чтобы голоса вашего я не слыхалъ.

— Что жъ мы никакой обиды не сдѣлали. Мы только, значитъ, по глупости. Только вздоръ надѣлали... Я же сказалъ, что непорядки...—послышались голоса, упрекавшіе другъ друга.

— Вотъ я же вамъ говорилъ,—сказалъ Алпатычъ, вступая въ свои права.—Не хорошо, ребята!

— Глупость наша, Яковъ Алпатычъ, — отвѣчали голоса, и толпа тотчасъ же стала расходиться по деревнѣ. Связанныхъ двухъ мужиковъ повели на барскій дворъ. Два пьяные мужика шли за ними.

— Эхъ, посмотрю я на тебя!—говорилъ одинъ изъ нихъ, обращаясь къ Карпу.—Развѣ можно такъ съ господами говорить? Ты думалъ что?

— Дуракъ,—подтерждалъ другой,—право дуракъ.

Черезъ два часа подводы стояли на дворѣ богучаровскаго дома.

(Изъ ром. „Война и миръ“ Л. Н. Толстого).

3. Партизанъ Давыдовъ о настроеніи крестьянъ.

...Къ славѣ нашего народа, во всей той сторонѣ (между Смоленскомъ и Москвою) извѣстными и истинными измѣнниками были одни дворовые люди отставного маіора Семена Вишнева и нѣсколько крестьянъ. Первые, соединясь съ французскими мародерами, убили своего помѣ-

щика. Ефимъ Никифоровъ убилъ съ ними отставного поручика Данилу Иванова, а Сергѣй Мартыновъ, указывая непріятелю на извѣстныхъ ему богатыхъ поселянъ, убилъ управителя села Городища, разграбивъ церковь, вырылъ изъ гроба прахъ помѣщицы этого села и стрѣлялъ по казакамъ...

(Изъ „Дневника партизанскихъ дѣйствій“ Д. Давыдова.)

10.

Въ Москвѣ послѣ взятія Смоленска.

1.

Москва была спокойна, пока наши арміи бездѣйствовали. Обыватели льстили себя надеждою, что кампанія окончена. Городъ, между тѣмъ, наполнялся бѣглецами и эмигрантами изъ Бѣлорусскихъ провинцій: они покидали свои помѣстья въ виду приближенія непріятеля и стремились въ столицу, потому что считали ее мѣстомъ безопаснымъ. Они разсказывали о злодѣйствахъ и святотатствахъ наполеоновскихъ солдатъ. Одинъ изъ отрядовъ прибылъ въ какую-то деревню и засталъ тамъ помѣщика съ семействомъ. Солдаты предались всякимъ насиліямъ и не пощадили ни дочери, ни племянницы владѣльца. Первая вслѣдствіе этого умерла на другой день, а вторую при смерти привезли въ Москву. Передавали также, что кавалерія непріятельская обращаетъ церкви въ конюшни.

Я [1]) поторопился обнародовать оба эти извѣстія. Первое изъ нихъ доказывало дворянству, что плохо было бы ожидать прибытія непріятеля, и приготовило всѣхъ къ мысли объ отъѣздѣ, который и былъ единодушно рѣшенъ во всѣхъ семействахъ. Второе извѣстіе, относительно осквернения церквей, возбудило чувство мести и гнѣва въ узнавшемъ о томъ народѣ и дало первый толчокъ къ убійству французовъ.

(Изъ „Записокъ“ гр. Ѳ. В. Растопчина).

---

[1]) Растопчинъ.

Михаилъ Илларіоновичъ Кутузовъ.

2.

Но вотъ 12 августа москвичи съ ужасомъ узнали объ оставленіи русскими арміями Смоленска. Толковали о возникшей съ начала похода неурядицѣ въ русскомъ войскѣ, о раздорѣ между главными русскими вождями, Багратіономъ и Барклаемъ-де-Толли. Этому раздору молва приписывала и постоянное отступленіе русскихъ войскъ передъ натискомъ наполеоновскихъ полчищъ. Свѣтскіе остряки распѣвали (по-французски) нижеслѣдующій сатирическій куплетъ:

„Да здравствуютъ военные, которые обѣщаютъ намъ отступленія во время войны и парады во время мира!“

Осторожнаго и медлительнаго Барклая-де-Толли, своими отступленіями завлекшаго Наполеона въ глубь раздраженной страны, считали измѣнникомъ. Нѣкоторые презрительно перефначивали его имя: „Болтай да и только“. Пѣли въ дружеской бесѣдѣ сатиру на него:

„Враги быстро близятся; прощай, Смоленскъ и Россія... Барклай постоянно уклоняется отъ сраженій“.

Въ имени соперника Барклая, Багратіона, искали видѣть настоящаго вождя и спасителя родины: „Богъ-ратионъ“. Но послѣдовало назначеніе главнокомандующимъ всѣхъ армій опытнаго старца, недавняго побѣдителя турокъ, князя Кутузова. Эта мѣра вызвала общее одобреніе. Знающіе, впрочемъ, утверждали, что Государь, не любившій Кутузова, сказалъ по этому поводу: „Общество желало его назначенія, я его назначилъ; что до меня, я въ этомъ умываю руки“.

Москва въ это время, встрѣчая раненыхъ, привозимыхъ изъ Смоленска, болѣе и болѣе пустѣла. Барыни, для которыхъ, по выраженію Растопчина, „отечествомъ былъ Кузнецкій мостъ, а царствомъ небеснымъ—Парижъ“, въ патріотическомъ увлеченіи спрашивали военныхъ: „Скоро ли генеральное сраженіе?“—и путая хронологію и событія, восклицали: „Выгнали же когда-то поляковъ

Мининъ, Пожарскій и Дмитрій Донской". — „Сто лѣтъ вражья сила не была на русской землѣ, и вдругъ!"—негодовали коренные москвичи-старики.—„И какая неожиданность: въ половинѣ іюня еще рѣдко кто и подозрѣвалъ войну, а въ началѣ іюля уже и вторженіе". Часть свѣтской публики, впрочемъ, еще продолжала ѣздить въ балетъ и французскій театръ. Другіе усердно посѣщали церкви и монастыри. Величіемъ Наполеона уже не восторгались. Государя Александра Павловича, послѣ его рѣшимости не оставлять оружія и не подписывать мира, пока хоть единый французскій солдатъ будетъ на русской землѣ, перестали считать только идеалистомъ и добрякомъ.—„Увидите,—радостно говорилъ о немъ Растопчинъ, какъ всѣ знали, бывшій въ личной, непосредственной перепискѣ съ государемъ:—среди этой безтолочи и общаго упадка страны идеальная повязка спадетъ съ его добрыхъ глазъ. Онъ началъ Лагарпомъ, а, помяните, кончитъ Аракчеевымъ; подберетъ вожжи распущенной родной таратайки"...

(Изъ ром. „Сожженная Москва" Г. Данилевскаго).

3.

Послѣ извѣстія о взятіи Смоленска многіе москвичи стали рѣшительно готовиться къ отъѣзду; другіе же только держали наготовѣ лошадей и экипажи. Я [1]) не взялъ ни одной лошади у частныхъ людей и не говорилъ кому бы то ни было, что надо уѣзжать. Но я напустилъ не мало страху, давая понять, что оставаться дольше опасно, и что событія и стеченія обстоятельствъ могутъ заставить меня реквизировать для арміи всѣхъ, лошадей, находящихся въ Москвѣ.

Когда зажиточное населеніе стало выѣзжать черезъ заставы: Ярославскую, Владимірскую, Рязанскую и Тульскую, то волненіе и безпокойство взбудоражили всѣ го-

---

[1]) Растопчинъ.

ловы и породили массу бредней. Городъ наполнился слухами о чудесныхъ явленіяхъ и о голосахъ, слышанныхъ на кладбищѣ, а также пророчествами: сопоставляли нѣкоторыя выраженія или слова изъ священнаго писанія; отыскали въ Апокалипсисѣ пророчество о паденіи Наполеона и о томъ, что сѣверная страна, которую страна южная придетъ покорять, будетъ избавлена избранникомъ Божіимъ, имя коему Михаилъ. На утѣшеніе вѣрующимъ и Барклай, и Кутузовъ, и Милорадовичъ были Михаилы.

Каждый день, въ часы моего пріема, являлось нѣсколько человѣкъ съ библіями подъ мышкою. Они съ таинственнымъ видомъ объясняли мнѣ разные тексты, подносили мнѣ молитвы собственнаго сочиненія, просили о крестныхъ ходахъ.

Подозрѣнія относительно иностранцевъ внезапно обратились въ ненависть къ нимъ, и уже двукратно составлялся планъ истребленія ихъ. Иностранцы, особенно французы—коммерсанты, артисты и другія лица, проживавшія въ Москвѣ, держали себя очень осторожно, такъ какъ я съ самаго начала войны предупредилъ ихъ черезъ ихъ священниковъ, которымъ былъ разосланъ особый циркуляръ. Но русскій народъ всегда глядѣлъ на нихъ косо—не по душѣ были ему преимущества, доставляемыя имъ званіемъ иностранца,—и обвинялъ ихъ въ томъ, что они отнимаютъ у него барыши отъ торговли и работы.

Время отъ времени полиція забирала кой-какихъ появлявшихся болтуновъ, но такъ какъ я не желалъ оглашать подобныя исторіи, то вмѣсто того, чтобы предавать суду этихъ людей, которые сами по себѣ не имѣли значенія, я отсылалъ ихъ въ домъ умалишенныхъ, гдѣ ихъ подвергали послѣдовательному лѣченію, т. е. каждый день дѣлали имъ холодные души, а по субботамъ заставляли глотать микстуру.

Страхъ, подозрительность къ иностранцамъ и похвальное усердіе обращали каждаго въ правительственнаго агента. Каждый день стали приводить ко мнѣ людей, иногда вовсе неповинныхъ въ шпіонствѣ. Къ захвату та-

кихъ мнимыхъ шпіоновъ поощрилъ, между прочимъ, слѣдующій случай: одинъ нѣмецкій лѣкарь вздумалъ проповѣдывать дворнѣ того дома, гдѣ онъ жилъ: онъ рисовалъ ей картину счастья, какимъ бы она пользовалась подъ властью Наполеона. По совѣту одного изъ дворовыхъ, всѣ сговорились донести на народнаго оратора. Я вызвалъ служителя, вѣрнаго своей присягѣ, и при всѣхъ вручилъ ему награду въ 1000 руб. Лѣкарь же былъ посаженъ въ тюрьму.

Но попадались и дѣйствительно шпіоны и сѣятели смуты. Я взялъ къ себѣ француза-повара, который уже былъ у меня въ услуженіи въ Петербургѣ. Ученики его, работавшіе съ нимъ, донесли, что онъ сманиваетъ ихъ къ Наполеону. Такъ какъ поваръ, по разслѣдованіи, оказался ярымъ сторонникомъ непріятеля, то я приказалъ арестовать его, предать въ руки правосудія и сослать въ Пермь.

Два купца, бесѣдовавшіе ночью у открытаго окна нижняго этажа, услышали на улицѣ споръ какихъ-то двухъ людей. Одинъ заявлялъ, что пора поджечь нѣкоторые московскіе кварталы, ударить въ набатъ и начать грабежъ. Другой возражалъ, что надо обождать извѣстій о сраженіи, которое должно произойти и что къ тому же теперь полная луна. Купцы выскочили изъ окна, бросились за злоумышленниками и успѣли схватить одного изъ нихъ. Его привели ко мнѣ въ полночь. То былъ мелкій московскій мѣщанинъ, торговавшій по деревнямъ въ разносъ. Сначала онъ заперся во всемъ и даже жаловался на произведенное надъ нимъ насиліе. Тогда я ввелъ его въ мой кабинетъ и тамъ, безъ свидѣтелей, отсчиталъ 500 руб. ассигнаціями и поклялся этому человѣку передъ образомъ, что ничего дурного ему не сдѣлаю, кромѣ развѣ высылки изъ города, если онъ откроетъ мнѣ заговоръ и назоветъ соучастниковъ. Битыхъ два часа уговаривалъ я его. Онъ хотѣлъ сознаться, но боялся, что я обману его и не дамъ ему денегъ. Наконецъ, я объявилъ ему, что если онъ не хочетъ быть спасеннымъ и получить обѣ-

щанную сумму, то я предамъ его въ руки полиціи и черезъ четверть часа его подвергнутъ пыткѣ. Онъ сдался, Ихъ всѣхъ было съ дюжину. Они хотѣли устроить поджогъ, ударить въ набатъ и во время переполоха ограбить самые богатые магазины. Товарищъ, говорившій съ нимъ на улицѣ, былъ вольноотпущенный дворовый человѣкъ... Его успѣли захватить уже за городомъ, да еще одного. Остальные, предупрежденные, скрылись. Захваченные были посажены въ острогъ.

Эмиграція [1]) дворянства все усиливалась. Я велѣлъ представить себѣ списокъ экипажей, выѣзжавшихъ черезъ заставы, и оказалось, что число берлинъ [2]), каретъ, бричекъ, колясокъ доходило до 1320 въ одинъ день. Купцы еще держались: имъ тяжелѣе было покидать городъ, гдѣ находились ихъ дома, имущество, торговля. Тѣ, у кого товаръ былъ небольшого вѣса, платили до 8 рублей съ пуда при перевозкѣ въ Ярославль или въ Муромъ — въ 240 верстахъ отъ Москвы. Но торговцы желѣзомъ и мѣдью принуждены были оставлять весь свой товаръ въ лавкахъ, такъ какъ стоимость его была ниже стоимости перевозки. Въ послѣдніе четыре дня передъ занятіемъ Москвы платили до 800 руб., вмѣсто 30—40 р. за переѣздъ на 250 верстъ. Цѣна непомѣрная!—но ее приходилось платить, чтобы избавиться отъ позора и спасти жизнь цѣною имущества.

(Изъ „Записокъ“ гр. Растопчина).

4.

... Мы отложили нашу поѣздку въ деревню, узнавъ, что тамъ происходитъ наборъ ратниковъ. Тяжелое время въ деревняхъ, даже когда на 100 человѣкъ одного берутъ въ солдаты и въ ту пору, когда окончены полевыя работы. Представь же, что это должно быть теперь, когда такое множество несчастныхъ отрывается отъ сохи! Мужики не ропщутъ; напротивъ, говорятъ, что они всѣ охотно пой-

[1]) Выселеніе и переселеніе дворянства.
[2]) Особаго рода экипажъ.

дутъ на враговъ и что во время такой опасности всѣхъ ихъ слѣдовало бы брать въ солдаты. Но бабы въ отчаяніи, страшно стонутъ и вопятъ, такъ что многіе помѣщики уѣхали изъ деревень, чтобы не быть свидѣтелями сценъ, раздирающихъ душу...

Каждый день къ намъ привозятъ раненыхъ. У Татищева, который находится во главѣ всѣхъ госпиталей, не хватило корпіи, и онъ просилъ всѣхъ своихъ знакомыхъ наготовить ему корпію. Сердце обливается кровью, когда только и видишь раненыхъ, только и слышишь, что о нихъ. Какъ часто ни повторяются подобные случаи и сцены, а все нельзя съ ними свыкнуться!

Соллогубы совершенно разорены. Всѣ имѣнія графа находятся въ Бѣлоруссіи, между Могилевомъ и Витебскомъ. Сама посуди, въ какомъ видѣ они должны быть теперь! Бѣдную Соллогубъ ужасно жалко. Она выдана замужъ въ разсчетѣ, что у мужа ея будетъ 6000 душъ крестьянъ, и вотъ теперь у нихъ у обоихъ всего 6000 руб. доходу... У Толстого, женатаго на Кутузовой, восемь человѣкъ дѣтей, и вообрази, что изъ 6000 душъ у него осталось всего триста въ Рязанской губерніи, такъ какъ его имѣнія тоже въ Бѣлоруссіи. Какъ ни вооружайся храбростью, а слыша съ утра до вечера лишь о траурахъ да разоренiи, невозможно не огорчаться и не принимать къ сердцу всего, что видишь и слышишь.

(Изъ писемъ М. А. Волковой къ В. И. Ланской).

Часть III.

Бородинскій бой.

1.

Молебенъ наканунѣ Бородинскаго боя.

Изъ-подъ горы, отъ Бородина, поднималось церковное шествіе. Впереди всѣхъ по пыльной дорогѣ стройно шла пѣхота съ снятыми киверами и ружьями, опущенными книзу. Позади пѣхоты слышалось церковное пѣніе.

Безъ шапокъ бѣжали навстрѣчу идущимъ солдаты и ополченцы.

— Матушку несутъ! Заступницу... Иверскую!..

— Смоленскую матушку,—поправилъ другой.

Ополченцы и тѣ, которые были въ деревнѣ, и тѣ, которые работали на батареѣ, побросавъ лопаты, побѣжали навстрѣчу церковному шествію. За батальономъ, шедшимъ по пыльной дорогѣ, шли въ ризахъ священники, одинъ старичокъ въ клобукѣ, съ причтомъ и пѣвчими. За ними солдаты и офицеры несли большую съ чернымъ ликомъ въ окладѣ икону. Это была икона, вывезенная изъ Смоленска и съ того времени возимая за арміей. За иконой кругомъ ея, впереди ея, со всѣхъ сторонъ шли, бѣжали и кланялись въ землю съ обнаженными головами толпы военныхъ.

Взойдя на гору, икона остановилась, державшіе наполотенцахъ икону люди перемѣнились, дьячки зажгли вновь кадила, и начался молебенъ. Жаркіе лучи солнца били отвѣсно сверху; слабый, свѣжій вѣтерокъ игралъ волосами открытыхъ головъ и лентами, которыми была убрана икона; пѣніе негромко раздавалось подъ открытымъ небомъ Огромная толпа, съ открытыми головами, офицеровъ, солдатъ, ополченцевъ окружала икону. Позади священника

и дьячка, на очищенномъ мѣстѣ, стояли чиновные люди. Одинъ плѣшивый генералъ съ Георгіемъ на шеѣ стоялъ прямо за спиной священника и, не крестясь (очевидно, нѣмецъ), терпѣливо дожидалъ конца молебна, который онъ считалъ нужнымъ выслушать, вѣроятно, для возбужденія патріотизма русскаго народа. Другой генералъ стоялъ въ воинственной позѣ и потряхивалъ рукой передъ грудью, оглядываясь вокругъ себя. Дальше толпа солдатъ и ополченцевъ съ серьезнымъ выраженіемъ лицъ однообразно-жадно смотрѣли на икону. Какъ только уставшіе дьячки (пѣвшіе двадцатый молебенъ) начинали лѣниво и привычно пѣть: „Спаси отъ бѣдъ рабы Твоя, Богородице“, и священники, и дьяконъ подхватывали: „яко вси по Бозѣ къ Тебѣ прибѣгаемъ, яко нерушимой стѣнѣ и предстательству“,—на всѣхъ лицахъ вспыхивало выраженіе сознанія торжественности наступающей минуты.

Толпа, окружавшая икону, вдругъ раскрылась. Кто-то, вѣроятно, очень важное лицо, судя по поспѣшности, съ которою передъ нимъ сторонились, подходилъ къ иконѣ.

Это былъ Кутузовъ, объѣзжавшій позицію. Онъ подошелъ къ молебну.

Въ длинномъ сюртукѣ на огромномъ толщиной тѣлѣ, съ сутуловатою спиной, съ открытою бѣлою головой и съ вытекшимъ бѣлымъ глазомъ на оплывшемъ лицѣ, Кутузовъ вошелъ своею ныряющею раскачивающеюся походкой въ кругъ и остановился позади священника. Онъ перекрестился привычнымъ жестомъ, досталъ рукой до земли и, тяжело вздохнувъ, опустилъ свою сѣдую голову. За Кутузовымъ былъ Бенигсенъ и свита. Несмотря на, присутствіе главнокомандующаго, обратившаго на себя вниманіе всѣхъ высшихъ чиновъ, ополченцы и солдаты, не глядя на него, продолжали молиться.

Когда кончился молебенъ, Кутузовъ подошелъ къ иконѣ, тяжело опустился на колѣни, кланяясь въ землю, и долго пытался и не могъ встать отъ тяжести и слабости. Сѣдая голова его подергивалась отъ усилій. Наконецъ, онъ всталъ и съ дѣтски наивнымъ вытягиваніемъ

губъ приложился къ иконѣ и опять поклонился, дотронувшись рукой до земли. Генералитетъ послѣдовалъ его примѣру, потомъ офицеры, и за ними, давя другъ друга, топчась, пыхтя и толкаясь, съ взволнованными лицами полѣзли солдаты и ополченцы.

(Изъ ром. „Война и миръ“ Л. Н. Толстого).

2.

Бородино.

„Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Недаромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!“
— Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя,
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали бъ Москвы!
Мы долго молча отступали.
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
„Что жъ мы? На зимнія квартиры?
Не смѣютъ, что ли, командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки?“
И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
Построили редутъ.
У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки,—
Французы тутъ какъ тутъ.

Забилъ зарядъ я въ пушку туго,
И думалъ: угощу я друга!
Постой-ка, братъ мусью!
Что тутъ хитрить, пожалуй къ бою;
Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою!

Два дня мы были въ перестрѣлкѣ:
Что толку въ этакой бездѣлкѣ?
Мы ждали третій день.
Повсюду стали слышны рѣчи:
„Пора добраться до картечи!“
И вотъ на поле грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.

Прилегъ вздремнуть я у лафета,
И слышно было до разсвѣта,
Какъ ликовалъ французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:
Кто киверъ чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ.

И только небо засвѣтилось,—
Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ:
Слуга царю, отецъ солдатамъ...
Да, жаль его: сраженъ булатомъ,
Онъ спитъ въ землѣ сырой.

И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
„Ребята, не Москва ль за нами?
Умремте жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!“
И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.

Ну-жъ былъ денекъ!.. Сквозь дымъ летучій
Французы двигались, какъ тучи;
И все на нашъ редутъ.
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами,—
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.
Вамъ не видать такихъ сраженій!..
Носились знамена, какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.
Извѣдалъ врагъ въ тотъ день не мало,
Что значитъ русскій бой удалый,
Нашъ рукопашный бой!..
Земля тряслась, какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой...
Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
Заутра бой затѣять новый
И до конца стоять...
Вотъ затрещали барабаны,—
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.
Да, были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Когда бъ на то не Божья воля,
Не отдали бъ Москвы!

М. Ю. Лермонтовъ.

3.

На редутѣ Раевскаго.

...Редутъ [1]) Раевскаго состоялъ изъ кургана, на которомъ съ трехъ сторонъ были выкопаны канавы. Въ окопанномъ канавами мѣстѣ стояли десять стрѣлявшихъ пушекъ, высунутыхъ въ отверстія валовъ.

Въ линію съ курганомъ стояли съ обѣихъ сторонъ пушки, тоже безпрестанно стрѣлявшія. Немного позади пушекъ стояли пѣхотныя войска. Всходя на курганъ, Пьеръ [2]) никакъ не думалъ, что это окопанное небольшими канавами мѣсто, на которомъ стояло и стрѣляло нѣсколько пушекъ, было самое важное мѣсто въ сраженіи.

Курганъ находился налѣво и нѣсколько впереди деревни Горокъ и былъ укрѣпленъ 18-ю орудіями.

Войдя на курганъ, Пьеръ сѣлъ въ концѣ канавы, окружающей батарею, и съ безсознательно-радостной улыбкой смотрѣлъ на то, что дѣлалось вокругъ него.

Здѣсь, на батареѣ, гдѣ небольшое количество людей, занятыхъ дѣломъ, было отдѣлено отъ другихъ канавой, здѣсь чувствовалось одинаковое и общее всѣмъ, какъ бы семейное, оживленіе.

Появленіе невоенной фигуры Пьера въ бѣлой соломенной шляпѣ сначала непріятно поразило этихъ людей. Солдаты, проходя мимо него, удивленно и даже испуганно косились на его фигуру. Старшій артиллерійскій офицеръ, высокій, съ длинными ногами, рябой человѣкъ, какъ-будто для того, чтобы посмотрѣть на дѣйствіе крайняго орудія, подошелъ къ Пьеру и любопытно посмотрѣлъ на него.

Молоденькій круглолицый офицерикъ, еще совершенный ребенокъ, очевидно, только что выпущенный изъ

---

[1]) Редутъ Раевскаго былъ центральнымъ редутомъ.

[2]) Пьеръ Безуховъ—одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ романѣ Л. Н. Толстого „Война и миръ“.

корпуса, распоряжаясь весьма старательно порученными ему двумя пушками, строго обратился къ Пьеру.

— Господинъ, позвольте васъ попросить съ дороги,— сказалъ онъ ему,—здѣсь нельзя.

Солдаты неодобрительно покачивали головами, глядя на Пьера. Но когда всѣ убѣдились, что этотъ человѣкъ въ бѣлой шляпѣ не только не дѣлалъ ничего дурного, но или смирно сидѣлъ на откосѣ вала, или съ робкой улыбкой, учтиво сторонясь передъ солдатами, прохаживался по батареѣ подъ выстрѣлами такъ же спокойно, какъ по бульвару,—тогда понемногу чувство недоброжелательнаго недоумѣнія къ нему стало переходить въ ласковое и шутливое участіе, подобно тому, которое солдаты имѣютъ къ своимъ животнымъ: собакамъ, пѣтухамъ, козламъ, и вообще животнымъ, живущимъ при воинскихъ командахъ. Солдаты эти сейчасъ же мысленно приняли Пьера въ свою семью, присвоили себѣ и дали ему прозвище: „Нашъ баринъ“ прозвали его и про него ласково смѣялись между собой.

Одно ядро взрыло землю въ двухъ шагахъ отъ Пьера. Онъ, обчищая взбрызнутую ядромъ землю съ платья, съ улыбкой оглянулся вокругъ себя.

— И какъ это вы не боитесь, баринъ, право!—обратился къ Пьеру красноражій широкій солдатъ, оскаливая крѣпкіе бѣлые зубы.

— А ты развѣ боишься?—спросилъ Пьеръ.

— А то какъ же?—отвѣчалъ солдатъ.—Вѣдь она не помилуетъ... Она шмякнетъ, такъ кишки вонъ. Нельзя не бояться,—сказалъ онъ, смѣясь.

Нѣсколько солдатъ съ веселыми и ласковыми лицами остановились подлѣ Пьера. Они какъ-будто не ожидали того, чтобы онъ говорилъ, какъ всѣ, и это открытіе обрадовало ихъ.

— Наше дѣло солдатское. А вотъ баринъ, такъ удивительно! Вотъ такъ баринъ!

— По мѣстамъ!—крикнулъ молоденькій офицеръ на собравшихся вокругъ Пьера солдатъ.

Молоденькій офицеръ этотъ, видимо, исполнялъ свою должность въ первый или во второй разъ и потому съ особенной отчетливостью и форменностью обращался и съ солдатами, и съ начальникомъ.

Перекатная пальба пушекъ и ружей усиливалась по всему полю, въ особенности влѣво, тамъ, гдѣ были флеши Багратіона; но изъ-за дыма выстрѣловъ, съ того мѣста, гдѣ былъ Пьеръ, нельзя было почти ничего видѣть.

Къ десяти часамъ уже человѣкъ двадцать унесли съ батареи; два орудія были разбиты, и чаще и чаще на батарею попадали снаряды и залетали, жужжа и свистя, дальнія пули. Но люди, бывшіе на батареѣ, какъ-будто не замѣчали этого; со всѣхъ сторонъ слышался веселый говоръ и шутки.

— Чиненка!—кричалъ солдатъ на приближающуюся, летѣвшую со свистомъ гранату.

— Не сюда! Къ пѣхотнымъ!—съ хохотомъ прибавлялъ другой, замѣтивъ, что граната перелетѣла и попала въ ряды прикрытія.

— Что, знакомая?—смѣялся другой солдатъ на присѣвшаго мужика подъ пролетѣвшимъ ядромъ.

Нѣсколько солдатъ собрались у вала, разглядывая то, что дѣлалось впереди.

— И цѣпь сняли, видишь; назадъ прошли,—говорили они, указывая черезъ валъ.

— Свое дѣло гляди,—крикнулъ на нихъ старый унтеръ-офицеръ.—Назадъ пошли,—значитъ, назади дѣло есть.

И унтеръ-офицеръ, взявъ за плечо одного изъ солдатъ, толкнулъ его колѣнкой. Послышался хохотъ.

— Къ пятому орудію накатывай!—кричали съ одной стороны.

— Разомъ, дружнѣе, по-бурлацки,—слышались веселые крики перемѣнявшихъ пушку.

— Ай, нашему барину чуть шляпку не сбила,—показывая зубы, смѣялся на Пьера краснорожій шутникъ.—

Эхъ, нескладная,—укоризненно прибавилъ онъ на ядро, попавшее въ колесо и ногу человѣка.

— Ну вы, лисицы!—смѣялся другой на изгибающихся ополченцевъ, всходившихъ на батарею за раненымъ.

— Аль не вкусна каша? Ахъ, вороны, заколянились!— кричали на ополченцевъ, замявшихся передъ солдатомъ съ оторванной ногой.

— Тое-кое, малый, — передразнивали мужиковъ:— Страсть не любятъ!

Пьеръ замѣчалъ, какъ послѣ каждаго попавшаго ядра, послѣ каждой потери, все болѣе и болѣе разгоралось общее оживленіе.

Какъ изъ придвигающейся грозовой тучи, чаще и чаще, свѣтлѣе и свѣтлѣе вспыхивали на лицахъ всѣхъ этихъ людей (какъ бы въ отпоръ совершающагося) молніи скрытаго, разгорающагося огня.

Въ десять часовъ пѣхотные солдаты, бывшіе впереди батареи въ кустахъ и по рѣчкѣ Каменкѣ, отступили. Съ батареи видно было, какъ они пробѣгали назадъ мимо нея, неся на ружьяхъ раненыхъ. Какой-то генералъ со свитой взошелъ на курганъ и, поговоривъ съ полковникомъ, сердито посмотрѣвъ на Пьера, сошелъ опять внизъ, приказавъ прикрытію пѣхоты, стоявшему позади батареи, лечь, чтобы менѣе подвергаться выстрѣламъ. Вслѣдъ за этимъ въ рядахъ пѣхоты, правѣе батареи, послышался барабанъ, командные крики, и съ батареи видно было, какъ ряды пѣхоты двинулись впередъ.

Пьеръ смотрѣлъ черезъ валъ. Одно лицо особенно бросилось ему въ глаза. Это былъ офицеръ, который съ блѣднымъ молодымъ лицомъ шелъ задомъ, неся опущенную шпагу, и безпокойно оглядывался.

Ряды пѣхотныхъ солдатъ скрылись въ дыму, послышался ихъ протяжный крикъ и частая стрѣльба ружей. Черезъ нѣсколько минутъ толпы раненыхъ и носилокъ прошли оттуда. На батарею еще чаще стали попадать снаряды. Нѣсколько человѣкъ лежали неубранные. Около пушекъ хлопотливѣе и оживленнѣе двигались солдаты.

Никто уже не обращалъ вниманія на Пьера. Раза два на него сердито крикнули за то, что онъ былъ на дорогѣ. Старшій офицеръ, съ нахмуреннымъ лицомъ, большими быстрыми шагами переходилъ отъ одного орудія къ другому. Молоденькій офицерикъ, еще больше разрумянившись, еще старательнѣе командовалъ солдатами. Солдаты подавали заряды, поворачивались, заряжали и дѣлали свое дѣло съ напряженнымъ щегольствомъ. Они на ходу подпрыгивали, какъ на пружинахъ.

Молоденькій офицеръ подбѣжалъ, съ рукой къ киверу, къ старшему.

— Имѣю честь доложить, господинъ полковникъ, зарядовъ имѣется только восемь, прикажете ли продолжать огонь?—спросилъ онъ.

— Картечь!—не отвѣчая, крикнулъ старшій офицеръ, смотрѣвшій черезъ валъ.

Вдругъ что-то случилось; офицерикъ ахнулъ и, свернувшись, сѣлъ на землю, какъ на лету подстрѣленная птица.

Одно за другимъ свистѣли ядра и бились въ брустверъ, въ солдатъ, въ пушки. Съ боку батареи, справа, съ крикомъ „ура“ бѣжали солдаты не впередъ, а назадъ, какъ показалось Пьеру.

Ядро ударило въ самый край вала, передъ которымъ стоялъ Пьеръ, осыпало землю, и въ глазахъ его мелькнулъ черный мячикъ, и въ то же мгновеніе шлепнуло во что-то. Ополченцы, вошедшіе было на батарею, побѣжали назадъ.

— Всѣ картечью!—кричалъ офицеръ.

Унтеръ-офицеръ подбѣжалъ къ старшему офицеру и испуганнымъ шопотомъ (какъ за обѣдомъ докладываетъ дворецкій хозяину, что нѣтъ больше требуемаго вина) сказалъ, что зарядовъ больше не было.

— Разбойники, что дѣлаютъ!—закричалъ офицеръ, оборачиваясь къ Пьеру.

Лицо старшаго офицера было красно и потно, нахмуренные глаза блестѣли.

— Бѣги къ резервамъ, приводи ящики!—крикнулъ онъ, сердито обходя взглядомъ Пьера и обращаясь къ своему солдату.

— Я пойду,—сказалъ Пьеръ.

Офицеръ, не отвѣчая ему, большими шагами пошелъ въ другую сторону.

— Не стрѣлять... Выжидай!—кричалъ онъ.

Солдатъ, которому приказано было итти за зарядами, столкнулся съ Пьеромъ.

— Эхъ, баринъ, не мѣсто тебѣ тутъ,—сказалъ онъ и побѣжалъ внизъ.

Пьеръ побѣжалъ за солдатомъ, обходя мѣсто, на которомъ сидѣлъ молоденькій офицерикъ.

Одно другое, третье ядро пролетало надъ нимъ, ударялось впереди, съ боковъ, сзади. Пьеръ сбѣжалъ внизъ. „Куда я?“—вдругъ вспомнилъ онъ, уже подбѣгая къ зеленымъ ящикамъ. Онъ остановился въ нерѣшительности, итти назадъ или впередъ. Вдругъ страшный толчокъ откинулъ его назадъ, на землю. Въ то же мгновеніе блескъ большого огня освѣтилъ его и въ то же мгновеніе раздался оглушающій, зазвенѣвшій въ ушахъ громъ, трескъ и свистъ.

Пьеръ, очнувшись, сидѣлъ на заду, опираясь руками о землю; ящика, около котораго онъ былъ, не было; только валялись зеленыя, обожженныя доски и тряпки на выжженной травѣ, и лошадь, трепля обломками оглобель, проскакала отъ него, а другая такъ же, какъ и самъ Пьеръ, лежала на землѣ и пронзительно, протяжно визжала.

Пьеръ, не помня себя отъ страха, вскочилъ и побѣжалъ назадъ, на батарею, какъ на единственное убѣжище отъ всѣхъ ужасовъ, окружавшихъ его.

Въ то время, какъ Пьеръ входилъ въ окопъ, онъ замѣтилъ, что на батареѣ выстрѣловъ не слышно было, но какіе-то люди что-то дѣлали тамъ. Пьеръ не успѣлъ понять того, какіе это были люди. Онъ увидѣлъ старшаго полковника, задомъ къ нему лежащаго на валу, какъ-будто разсматривающаго что-то внизу, и видѣлъ одного,

замѣченнаго имъ солдата, который, порываясь впередъ отъ людей, державшихъ его за руку, кричалъ: „братцы!“, и видѣлъ еще что-то странное.

Но онъ не успѣлъ еще сообразить того, что полковникъ былъ убитъ, что кричавшій „братцы“ былъ плѣнный, что въ глазахъ его былъ заколотъ штыкомъ въ спину другой солдатъ. Едва онъ вбѣжалъ въ окопъ, какъ худощавый, желтый, съ потнымъ лицомъ человѣкъ въ синемъ мундирѣ, со шпагой въ рукѣ, набѣжалъ на него, крича что-то. Пьеръ, инстинктивно обороняясь отъ толчка, такъ какъ они, не видавъ, разбѣжались другъ противъ друга, выставилъ руки и схватилъ этого человѣка (это былъ французскій офицеръ) одной рукой за плечо, другой за горло. Офицеръ, выпустивъ шпагу, схватилъ Пьера за шиворотъ.

Нѣсколько секундъ они оба испуганными глазами смотрѣли на чуждыя другъ другу лица, и оба были въ недоумѣніи о томъ, что они сдѣлали и что имъ дѣлать. „Я ли взятъ въ плѣнъ или онъ взятъ въ плѣнъ мною?“ думалъ каждый изъ нихъ. Но, очевидно, французскій офицеръ болѣе склонялся къ мысли, что въ плѣнъ взятъ онъ, потому что сильная рука Пьера, движимая невольнымъ страхомъ, все крѣпче и крѣпче сжимала его горло. Французъ что-то хотѣлъ сказать, какъ вдругъ надъ самой головой ихъ низко и страшно просвистѣло ядро, и Пьеру показалось, что голова французскаго офицера оторвана: такъ быстро онъ нагнулъ ее.

Пьеръ тоже нагнулъ голову и опустилъ руки. Не думая болѣе о томъ, кто кого взялъ въ плѣнъ, французъ побѣжалъ назадъ на батарею, а Пьеръ—подъ гору, спотыкаясь на убитыхъ и раненыхъ, которые, казалось ему, ловятъ его за ноги. Но не успѣлъ онъ сойти внизъ, какъ навстрѣчу ему показались плотныя толпы бѣгущихъ русскихъ солдатъ, которые, падая, спотыкаясь и крича, весело и бурно бѣжали на батарею.

Французы, занявшіе батарею, побѣжали. Наши войска, съ крикомъ „ура“, такъ далеко за батарею прогнали французовъ, что трудно было остановить ихъ.

Съ батареи свезли плѣнныхъ, въ томъ числѣ раненаго французскаго генерала, котораго окружили офицеры. Толпы раненыхъ, знакомыхъ и незнакомыхъ Пьеру, русскихъ и французовъ, съ изуродованными страданіемъ лицами, шли, ползли и на носилкахъ неслись съ батареи. Пьеръ взошелъ на курганъ, гдѣ провелъ болѣе часа времени, и изъ того семейнаго кружка, который принялъ его къ себѣ, онъ не нашелъ никого. Много было тутъ мертвыхъ, незнакомыхъ ему. Но нѣкоторыхъ онъ узналъ. Молоденькій офицеръ сидѣлъ, все такъ же свернувшись, у края вала, въ лужѣ крови. Красноружій солдатъ еще дергался, но его не убирали.

Пьеръ побѣжалъ внизъ.

„Нѣтъ, теперь они оставятъ это; теперь они ужаснутся того, что они сдѣлали!“—думалъ Пьеръ, безцѣльно направляясь за толпами носилокъ, двигавшихся съ поля сраженія.

Но солнце, застилаемое дымомъ, стояло еще высоко, и впереди, и въ особенности налѣво, у Семеновскаго, кипѣло что-то въ дыму, и гулъ выстрѣловъ, стрѣльба и канонада не только не ослабѣвали, но усиливались до отчаянности, какъ человѣкъ, который, надрываясь, кричитъ изъ послѣднихъ силъ...

*
* *

Въ 11 часовъ утра Кутузову привезли извѣстіе о томъ, что занятыя французами флеши были опять отбиты, но что князь Багратіонъ раненъ. Кутузовъ ахнулъ и покачалъ головой.

— Поѣзжай къ князю Петру Ивановичу и подробно узнай, что и какъ,—сказалъ онъ одному изъ адъютантовъ, и вслѣдъ за тѣмъ обратился къ принцу Виртембергскому, стоявшему позади его.

— Не угодно ли будетъ вашему высочеству принять командованіе 1-ой арміей!

Вскорѣ послѣ отъѣзда принца, такъ скоро, что онъ еще не могъ доѣхать до Семеновскаго, адъютантъ принца

вернулся отъ него и доложилъ свѣтлѣйшему, что принцъ проситъ войскъ.

Кутузовъ поморщился и послалъ Дохтурову приказаніе принять командованіе 1-ою арміей, а принца, безъ котораго, какъ онъ сказалъ, онъ не можетъ обойтись въ эти важныя минуты, просилъ вернуться къ себѣ. Когда привезено было извѣстіе о взятіи въ плѣнъ Мюрата, и штабные поздравляли Кутузова, онъ улыбнулся.

— Подождите, господа,—сказалъ онъ.—Сраженіе выиграно, и въ плѣненіи Мюрата нѣтъ ничего необыкновеннаго. Но лучше подождать радоваться. — Однако, онъ послалъ адъютанта проѣхать по войскамъ съ этимъ извѣстіемъ.

Когда съ лѣваго фланга прискакалъ Щербининъ съ донесеніемъ о занятіи французами флешей и Семеновскаго, Кутузовъ, по звукамъ съ поля сраженія и по лицу Щербинина угадавъ, что извѣстія были нехорошія, всталъ, какъ бы разминая ноги, и, взявъ подъ руку Щербинина, отвелъ его въ сторону.

— Съѣзди, голубчикъ,—сказалъ онъ Ермолову,—посмотри, нельзя ли что сдѣлать.

Кутузовъ былъ въ Горкахъ, въ центрѣ позиціи русскаго войска. Направленная Наполеономъ атака на нашъ лѣвый флангъ была нѣсколько разъ отбиваема. Въ центрѣ французы не подвинулись далѣе Бородина. Съ лѣваго фланга кавалерія Уварова заставила бѣжать французовъ.

Въ третьемъ часу атаки французовъ прекратились. На всѣхъ лицахъ, пріѣзжавшихъ съ поля сраженія и на тѣхъ, которыя стояли вокругъ него, Кутузовъ читалъ выраженіе напряженности, дошедшей до высшей степени. Кутузовъ былъ доволенъ успѣхомъ дня сверхъ ожиданія. Но физическія силы оставляли старика. Нѣсколько разъ голова его низко опускалась, какъ бы падая, и онъ задремывалъ. Ему подали обѣдать.

Флигель-адъютантъ Вольцогенъ во время обѣда подъѣхалъ къ Кутузову. Вольцогенъ пріѣхалъ отъ Барклая съ донесеніемъ о ходѣ дѣлъ на лѣвомъ флангѣ. Благо-

разумный Барклай-де-Толли, видя толпы отбѣгающихъ раненыхъ и разстроенные зады арміи, взвѣсивъ всѣ обстоятельства дѣла, рѣшилъ, что сраженіе проиграно, и съ этимъ извѣстіемъ прислалъ къ главнокомандующему своего любимца.

Кутузовъ съ трудомъ жевалъ жареную курицу и сузившимися, повеселѣвшими глазами взглянулъ на Вольцогена.

Вольцогенъ, небрежно разминая ноги, съ полупрезрительною улыбкой на губахъ, подошелъ къ Кутузову, слегка дотронувшись до козырька рукой.

Вольцогенъ обращался съ свѣтлѣйшимъ съ нѣкоторою преувеличенною небрежностью, имѣющею цѣлью показать, что онъ, какъ высоко образованный военный, предоставляетъ русскимъ дѣлать кумира изъ этого стараго, безполезнаго человѣка, а самъ знаетъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. „Старый господинъ (какъ называли Кутузова въ своемъ кругу нѣмцы) покойно устраивается“—подумалъ Вольцогенъ и, строго взглянувъ на тарелки, стоявшія передъ Кутузовымъ, началъ докладывать старому господину положеніе дѣлъ на лѣвомъ флангѣ такъ, какъ приказалъ ему Барклай и какъ онъ самъ его видѣлъ и понялъ.

— Всѣ пункты нашей позиціи въ рукахъ непріятеля, и отбить нечѣмъ, потому что войскъ нѣтъ; они бѣгутъ, и нѣтъ возможности остановить ихъ,—докладывалъ онъ.

Кутузовъ, остановившись жевать, удивленно, какъ будто не понимая того, что ему говорили, уставился на Вольцогена. Вольцогенъ, замѣтивъ волненіе „стараго господина“, съ улыбкой сказалъ:

— Я не считалъ себя въ правѣ скрыть отъ вашей свѣтлости того, что я видѣлъ... Войска въ полномъ разстройствѣ...

— Вы видѣли? Вы видѣли?..—нахмурившись закричалъ Кутузовъ, быстро вставая и наступая на Вольцогена.— Какъ вы... какъ вы смѣете!..—дѣлая угрожающіе жесты трясущимися руками и захлебываясь, закричалъ онъ.

— Какъ смѣете вы, милостивый государь, говорить это *мнѣ*. Вы ничего не знаете. Передайте отъ меня генералу

Барклаю, что его свѣдѣнія несправедливы и что настоящій ходъ сраженія извѣстенъ мнѣ, главнокомандующему, лучше, чѣмъ ему.

Вольцогенъ хотѣлъ возразить что-то, но Кутузовъ перебилъ его.

— Непріятель отбитъ на лѣвомъ и пораженъ на правомъ флангѣ. Ежели вы плохо видѣли, милостивый государь, то не позволяйте себѣ говорить того, чего вы не знаете. Извольте ѣхать къ генералу Барклаю и передать ему на завтра мое непремѣнное намѣреніе атаковать непріятеля, — строго сказалъ Кутузовъ. Всѣ молчали, и слышно было одно тяжелое дыханіе запыхавшагося стараго генерала.—Отбиты вездѣ, за что я благодарю Бога и наше храброе войско. Непріятель побѣжденъ, и завтра погонимъ его изъ священной земли русской,—сказалъ Кутузовъ, крестясь; и вдругъ всхлипнулъ отъ наступившихъ слезъ.

(Изъ ром. «Война и миръ» Л. Н. Толстого).

4.

Наполеонъ на Бородинскомъ полѣ.

Генералы Наполеона, Даву, Ней и Мюратъ, находившіеся въ близости области огня и даже иногда заѣзжавшіе въ нее, нѣсколько разъ вводили въ эту область огня стройныя и огромныя массы войскъ. Но противно тому, что неизмѣнно совершалось во всѣхъ прежнихъ сраженіяхъ, вмѣсто ожидаемаго извѣстія о бѣгствѣ непріятеля, стройныя массы войскъ возвращались *оттуда* разстроенными, испуганными толпами. Они вновь устраивали ихъ, но людей все становилось меньше. Въ половинѣ дня Мюратъ послалъ къ Наполеону своего адъютанта съ требованіемъ подкрѣпленія.

Наполеонъ сидѣлъ подъ курганомъ и пилъ пуншъ, когда къ нему прискакалъ адъютантъ Мюрата съ увѣреніями, что русскіе будутъ разбиты, ежели его величество дастъ еще дивизію.

— Подкрѣпленія?—сказалъ Наполеонъ съ строгимъ удивленіемъ, какъ бы не понимая его словъ и глядя на красиваго мальчика-адъютанта съ длинными, завитыми черными волосами (такъ же, какъ носилъ волоса Мюратъ). „Подкрѣпленія!—подумалъ Наполеонъ.—Какого они просятъ подкрѣпленія, когда у нихъ въ рукахъ половина арміи, направленной на слабое, неукрѣпленнное крыло русскихъ?“

— Скажите Неаполитанскому королю,—строго сказалъ Наполеонъ,—что еще нѣтъ полдня, и что я еще недостаточно ясно вижу положеніе шахматъ на своей доскѣ. Ступайте.

Красивый мальчикъ-адъютантъ съ длинными волосами, не отпуская руки отъ шляпы, тяжело вздохнувъ, поскакалъ опять туда, гдѣ убивали людей.

Наполеонъ всталъ и, подозвавъ Коленкура и Бертье, сталъ разговаривать съ ними о дѣлахъ, не касающихся сраженія.

Въ серединѣ разговора, который началъ занимать Наполеона, глаза Бертье обратились на генерала со свитой, который на потной лошади скакалъ къ кургану. Это былъ Бельяръ. Онъ, слѣзши съ лошади, быстрыми шагами подошелъ къ императору и смѣло, громкимъ голосомъ, сталъ доказывать необходимость подкрѣпленій. Онъ клялся честью, что русскіе погибли, ежели императоръ дастъ еще дивизію.

Наполеонъ вздернулъ плечами и, ничего не отвѣтивъ, продолжалъ свою прогулку. Бельяръ громко и оживленно сталъ говорить съ генералами свиты, окружавшими его.

— Вы очень пылки, Бельяръ,—сказалъ Наполеонъ, опять подходя къ пріѣхавшему генералу.—Легко ошибиться въ пылу огня. Поѣзжайте и посмотрите, и тогда пріѣзжайте ко мнѣ.

Не успѣлъ Бельяръ скрыться изъ вида, какъ съ другой стороны прискакалъ новый посланный съ поля сраженія.

— Ну, чего вамъ?—сказалъ Наполеонъ тономъ человѣка, раздраженнаго безпрестанными помѣхами.

— Государь, принцъ [1])...—началъ адъютантъ.

— Просить подкрѣпленія?—съ гнѣвнымъ жестомъ проговорилъ Наполеонъ. Адъютантъ утвердительно наклонилъ голову и сталъ докладывать; но императоръ отвернулся отъ него...

... Когда Наполеонъ перебиралъ въ воображеніи всю эту странную русскую кампанію, въ которой не было выиграно ни одного сраженія, въ которой въ два мѣсяца не взято ни знаменъ, ни пушекъ, ни корпусовъ войскъ, когда глядѣлъ на скрытно-печальныя лица окружающихъ и слушалъ донесенія о томъ, что русскіе все стоятъ,—страшное чувство, подобное чувству, испытываемому въ сновидѣніяхъ, охватывало его; и ему приходили въ голову всѣ несчастныя случайности, могущія погубить его. Русскіе могли напасть на его лѣвое крыло, могли разорвать его середину, шальное ядро могло убить его самого. Все это было возможно. Въ прежнихъ сраженіяхъ своихъ онъ обдумывалъ только случайности успѣха, теперь же безчисленное количество несчастныхъ случайностей представлялось ему, и онъ ожидалъ ихъ всѣхъ. Да, это было какъ во снѣ, когда человѣку представляется наступающій на него злодѣй, и человѣкъ во снѣ размахнулся и ударилъ своего злодѣя съ тѣмъ страшнымъ усиліемъ, которое, онъ знаетъ, должно уничтожить его, и чувствуетъ, что рука его, безсильная и мягкая, падаетъ, какъ тряпка, и ужасъ неотразимой погибели охватываетъ безпомощнаго человѣка.

Извѣстіе о томъ, что русскіе атакуютъ лѣвый флангъ французской арміи, возбудило въ Наполеонѣ этотъ ужасъ. Онъ молча сидѣлъ подъ курганомъ на складномъ стулѣ, опустивъ голову и положивъ локти на колѣни. Бертье подошелъ къ нему и предложилъ проѣхаться по линіи, чтобъ убѣдиться, въ какомъ положеніи находилось дѣло.

---

[1]) Мюратъ.

— Что? Что вы говорите?—сказалъ Наполеонъ.—Да, велите подать мнѣ лошадь.

Онъ сѣлъ верхомъ и поѣхалъ къ Семеновскому.

Въ медленно расходившемся пороховомъ дыму, по всему тому пространству, по которому ѣхалъ Наполеонъ, въ лужахъ крови лежали лошади и люди поодиночкѣ и кучами. Подобнаго ужаса, такого количества убитыхъ на такомъ маломъ пространствѣ, никогда не видали еще и Наполеонъ, и никто изъ его генераловъ [1]). Гулъ орудій, не перестававшій десять часовъ сряду и измучившій ухо, придавалъ особенную значительность зрѣлищу (какъ музыка при живыхъ картинахъ). Наполеонъ выѣхалъ на высоту Семеновскаго и сквозь дымъ увидалъ ряды людей въ мундирахъ цвѣтовъ, непривычныхъ для его глазъ. Это были русскіе.

Русскіе плотными рядами стояли позади Семеновскаго и кургана, и ихъ орудія, не переставая, гудѣли и дымили по ихъ линіи. Сраженія уже не было. Было продолжавшееся убійство, которое ни къ чему не могло повести ни русскихъ, ни французовъ. Наполеонъ остановилъ лошадь и впалъ опять въ ту задумчивость, изъ которой вывелъ его Бертье; онъ не могъ остановить того дѣла, которое дѣлалось передъ нимъ и вокругъ него, и которое считалось руководимымъ имъ и зависящимъ отъ него; и дѣло это ему въ первый разъ, вслѣдствіе неуспѣха, представлялось ненужнымъ и ужаснымъ.

---

[1]) Наши потери въ Бородинской битвѣ были около 50.000. Тотъ же уронъ понесли и французы. Французы называютъ Бородино „битвой генераловъ“—такъ много выбыло съ обѣихъ сторонъ генераловъ изъ строя. У французовъ было убито и ранено 43 генерала. У насъ убитыми и ранеными были: Тучковъ 1-й, Багратіонъ, Тучковъ 4-й (Тучковъ 3-й взятъ французами въ плѣнъ подъ Смоленскомъ), Ермоловъ, Воронцовъ, оба Бахметьевы, кн. Горчаковъ, принцъ Мекленбургскій, Невѣровскій, Лихачевъ и еще 9 генераловъ. Дивизія Лихачева была на центральномъ редутѣ и погибла почти цѣликомъ. Французъ Ложье такъ записываетъ на утро слѣдующаго послѣ боя дня. „Дивизія Лихачева, кажется, мертвой продолжаетъ охранять свой редутъ“.

Одинъ изъ генераловъ, подъѣхавшихъ къ Наполеону, позволилъ себѣ предложить ему ввести въ дѣло старую гвардію. Ней и Бертье, стоявшіе подлѣ Наполеона, переглянулись между собой и презрительно улыбались на безсмысленное предложеніе генерала.

Наполеонъ опустилъ голову и долго молчалъ.

— За 3500 верстъ отъ Франціи я не дамъ разгромить свою гвардію,—сказалъ онъ и, повернувъ лошадь, поѣхалъ назадъ къ Шевардину.

(Изъ ром. „Война и миръ“ Л. Н. Толстого).

5.

Совѣтъ въ Филяхъ.

Въ просторной, лучшей избѣ мужика Андрея Савостьянова въ два часа собрался совѣтъ. Мужики, бабы и дѣти мужицкой большой семьи тѣснились въ черной избѣ черезъ сѣни. Одна только внучка Андрея, Малаша, шестилѣтняя дѣвочка, которой свѣтлѣйшій, приласкавъ ее, далъ за чаемъ кусокъ сахару, оставалась на печи въ большой избѣ. Малаша робко и радостно смотрѣла съ печи на лица, мундиры и кресты генераловъ, одного за другимъ входившихъ въ избу и разсаживавшихся въ красномъ углу, на широкихъ лавкахъ подъ образами. Самъ дѣдушка, какъ внутренно называла Малаша Кутузова, сидѣлъ отъ нихъ особо, въ темномъ углу за печкой. Онъ сидѣлъ, глубоко опустившись въ складное кресло, и безпрестанно покряхтывалъ и расправлялъ воротникъ сюртука, который, хотя и растегнутый, все какъ будто жалъ его шею. Входившіе одинъ за другимъ подходили къ фельдмаршалу; нѣкоторымъ онъ пожималъ руку, нѣкоторымъ кивалъ головой. Адъютантъ Кайсаровъ хотѣлъ было отдернуть занавѣску въ окнѣ противъ Кутузова, но Кутузовъ сердито замахалъ ему рукой, и Кайсаровъ понялъ, что свѣтлѣйшій не хочетъ, чтобы видѣли его лицо.

Вокругъ мужицкаго еловаго стола, на которомъ лежали карты, планы, карандаши, бумаги, собралось такъ

много народа, что денщики принесли еще лавку и поставили у стола. На лавку эту сѣли пришедшіе Ермоловъ, Кайсаровъ и Толь. Подъ самыми образами, на первомъ мѣстѣ, сидѣлъ, съ Георгіемъ на шеѣ, съ блѣднымъ, болѣзненнымъ лицомъ и съ своимъ высокимъ лбомъ, сливающимся съ голою головой, Барклай-де-Толли. Второй уже день онъ мучился лихорадкой, и въ это самое время его знобило и ломало. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ Уваровъ и негромкимъ голосомъ (какъ и всѣ говорили) что-то, быстро дѣлая жесты, сообщалъ Барклаю. Маленькій, кругленькій Дохтуровъ, приподнявъ брови и сложивъ руки на животѣ, внимательно прислушивался. Съ другой стороны сидѣлъ, облокотивши на руку свою широкую, съ смѣлыми чертами и блестящими глазами, голову, графъ Остерманъ-Толстой и казался погруженнымъ въ свои мысли. Раевскій съ выраженіемъ нетерпѣнія, привычнымъ жестомъ напередъ курчавя свои черные волосы на вискахъ, поглядывалъ то на Кутузова, то на выходную дверь. Твердое, красивое и доброе лицо Коновницына свѣтилось нѣжною и хитрою улыбкой. Онъ встрѣтилъ взглядъ Малаши и глазами дѣлалъ ей знаки, которые заставляли дѣвочку улыбаться.

Всѣ ждали Бенигсена, который доканчивалъ свой вкусный обѣдъ подъ предлогомъ новаго осмотра позиціи. Его ждали отъ четырехъ до шести часовъ и во все это время не приступали къ совѣщанію и тихими голосами вели посторонніе разговоры.

Только когда въ избу вошелъ Бенигсенъ, Кутузовъ выдвинулся изъ своего угла и подвинулся къ столу, но настолько, что лицо его не было освѣщено поданными на столъ свѣчами.

Бенигсенъ открылъ совѣтъ вопросомъ: „Оставить ли безъ боя священную и древнюю столицу Россіи или защищать ее?“ Послѣдовало долгое и общее молчаніе. Всѣ лица нахмурились, и въ тишинѣ слышалось сердитое кряхтенье и покашливанье Кутузова. Всѣ глаза смотрѣли она него. Малаша тоже смотрѣла на дѣдушку. Она ближе

всѣхъ была къ нему и видѣла, какъ лицо его сморщилось: онъ точно собрался плакать. Но это продолжалось недолго.

— *Священную древнюю столицу Россіи!*—вдругъ заговорилъ онъ, сердитымъ голосомъ повторяя слова Бенигсена и этимъ указывая на фальшивую ноту этихъ словъ. —Позвольте вамъ сказать, ваше сіятельство, что вопросъ этотъ не имѣетъ смысла для русскаго человѣка. (Онъ перевалился впередъ своимъ тяжелымъ тѣломъ). Такой вопросъ нельзя ставить, и такой вопросъ не имѣетъ смысла. Вопросъ, для котораго я просилъ собраться этихъ господъ, это—вопросъ военный. Вопросъ слѣдующій: „Спасеніе Россіи въ арміи. Выгоднѣе ли рисковать потерею арміи и Москвы, принявъ сраженіе, или отдать Москву безъ сраженія?“ Вотъ на какой вопросъ я желаю знать ваше мнѣніе. (Онъ откачнулся назадъ, на спинку кресла).

Начались препія. Бенигсенъ не считалъ еще игры проигранною. Допуская мнѣніе Барклая и другихъ о невозможности принять оборонительное сраженіе подъ Филями, онъ, проникнувшись русскимъ патріотизмомъ и любовью къ Москвѣ, предлагалъ перевести войска въ ночи съ праваго на лѣвый флангъ и ударить на другой день на правое крыло французовъ. Мнѣнія раздѣлились, были споры въ пользу и противъ этого мнѣнія. Ермоловъ, Дохтуровъ и Раевскій согласились съ мнѣніемъ Бенигсена. Руководимые ли чувствомъ потребности жертвы предъ оставленіемъ столицы или другими личными соображеніями, но эти генералы какъ бы не понимали того, что настоящій совѣтъ не могъ измѣнить неизбѣжнаго хода дѣла, и что Москва уже теперь оставлена. Остальные генералы понимали это и, оставляя въ сторонѣ вопросъ о Москвѣ, говорили о томъ направленіи, которое въ своемъ отступленіи должно было принять войско. Малаша, которая, не спуская глазъ, смотрѣла на то, что дѣлалось передъ ней, иначе понимала значеніе этого совѣта. Ей казалось, что дѣло было только въ личной борьбѣ между „дѣдушкой“ и „длиннополымъ“, какъ она называла Бенигсена. Она видѣла, что они зли-

лись, когда говорили другъ съ другомъ, и въ душѣ своей она держала сторону дѣдушки. Въ серединѣ разговора она замѣтила быстрый, лукавый взглядъ, брошенный дѣдушкой на Бенигсена, и вслѣдъ затѣмъ, къ радости своей, замѣтила, что дѣдушка, сказавъ что-то длиннополому, осадилъ его: Бенигсенъ вдругъ покраснѣлъ и сердито прошелся по избѣ. Слова, такъ подѣйствовавшія на Бенигсена, было спокойнымъ и тихимъ голосомъ выраженное Кутузовымъ мнѣніе о выгодѣ и невыгодѣ предложенія Бенигсена: о переводѣ въ ночи войскъ съ праваго фланга на лѣвый флангъ для атаки праваго крыла французовъ.

— Я, господа,—сказалъ Кутузовъ,—не могу одобрить плана графа. Передвиженія войскъ въ близкомъ разстояніи отъ непріятеля всегда бываютъ опасны, и военная исторія подтверждаетъ это соображеніе. Такъ, напримѣръ... (Кутузовъ какъ будто задумался, пріискивая примѣръ и свѣтлымъ, наивнымъ взглядомъ глядя на Бенигсена). Да вотъ, хотя бы Фридландское сраженіе, которое, какъ я думаю, графъ хорошо помнитъ, было... не вполнѣ удачно только отъ того, что войска наши перестраивались въ слишкомъ близкомъ разстояніи отъ непріятеля“...—Послѣдовало показавшееся всѣмъ очень продолжительнымъ минутное молчаніе.

Пренія опять возобновились, но часто наступали перерывы и чувствовалось, что говорить больше не о чемъ.

Во время одного изъ такихъ перерывовъ Кутузовъ тяжело вздохнулъ, какъ бы сбираясь говорить. Всѣ оглянулись на него.

— Итакъ, господа, стало-быть, мнѣ платить за перебитые горшки,—сказалъ онъ. И, медленно приподнявшись, онъ подошелъ къ столу.— Господа, я слышалъ ваши мнѣнія. Нѣкоторые будутъ несогласны со мной. Но я (онъ остановился) *властью*, врученною мнѣ моимъ государемъ и отечествомъ, я—приказываю отступленіе.

Вслѣдъ за этимъ генералы стали расходиться съ тою же торжественною и молчаливою осторожностью, съ которою расходятся послѣ похоронъ.

Малаша, которую уже давно ждали ужинать, осторожно спустилась задомъ съ полатей, цѣпляясь босыми ножонками за уступы печки, и, замѣшавшись между ногъ генераловъ, шмыгнула въ дверь.

Отпустивъ генераловъ, Кутузовъ долго сидѣлъ, облокотившись на столъ, и думалъ все о томъ же страшномъ вопросѣ. „Когда же, когда же, наконецъ, рѣшилось то, что оставлена Москва? Когда было сдѣлано то, что рѣшило вопросъ, и кто виноватъ въ этомъ?“

— Этого, этого я не ждалъ,—сказалъ онъ вошедшему къ нему, уже поздно ночью, адъютанту Шнейдеру:—этого я не ждалъ! Этого я не думалъ!

— Вамъ надо отдохнуть, ваша свѣтлость,—сказалъ Шнейдеръ.

— Да нѣтъ же! Будутъ они лошадиное мясо жрать, какъ турки,—не отвѣчая прокричалъ Кутузовъ, ударяя пухлымъ кулакомъ по столу,—будутъ и они, только-бы!..“

(Изъ ром. „Война и миръ“ Л. Н. Толстого).

6.

Кто побѣдилъ въ Бородинскомъ бою?

Послѣ одного изъ лучшихъ моихъ друзей,—разсказываетъ принцъ Евгеній Виртембергскій—осталось сочиненіе, въ которомъ содержится много замѣчательнаго о Бородинской битвѣ. Оно оканчивается слѣдующими словами:

„Говоря по совѣсти, не было причины ни Кутузову доносить о побѣдѣ императору Александру, ни Наполеону извѣщать о ней Марію-Луизу [1]). Если бы мы, воины обѣихъ сторонъ, забывъ на время вражду нашихъ повелителей, предстали на другой день предъ алтаремъ правды, то слава, конечно, признала бы насъ братьями“.

(«1812 годъ. Истор. обзоръ Отеч. войны и ея причинъ». Изд. Тамб. учен. архивной Комиссіи).

---

[1]) Жена Наполеона.

Часть IV.

Пожаръ Москвы.

1.

Великая панихида.

Не отъ ливня, не отъ града,
И залиты, и побиты,
Полегли хлѣба на полѣ:
То подъ матушкой-Москвою,
По доламъ и по равнинамъ,
Много храбрыхъ ратей русскихъ
И французскихъ полчищъ много
Ко сырой землѣ приникло,
Переколотыхъ, побитыхъ
Палашами и штыками,
И дождемъ и пуль, и ядеръ...
Дѣти матери великой,
Милой родины защита,
Доброму царю радѣльцы!
За любовь, за жертвы ваши,
Что вы душу положили
За народъ свой и за землю,
Въ память вѣчную вамъ, братья,
Мы отпѣли панихиду,
И такую панихиду,
Что не видано на свѣтѣ
И не слыхано донынѣ!..
Но за всѣхъ васъ, славно павшихъ,
Свѣчъ у насъ не доставало,
Воску вдоволь не хватало:
И подъ небомъ, храмомъ Божьимъ,
Мы зажгли отъ всей Россіи

Бородинское поле 15 сентября 1812 года.

Лишь одну свѣчу большую—
Матушку-Москву родную,
Чтобы та свѣча горѣла
Вамъ за упокой душевный,
А врагамъ на посрамленье..!

Н. Щербина.

2.

Наполеонъ вступаетъ въ Москву [1]).

1-го сентября въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы Наполеонъ сѣлъ на лошадь. Опъ подвигался медленно, осторожно, заставляя осматривать впереди себя всѣ лѣса и овраги, взбираться на вершины холмовъ. Ожидали битвы. Мѣстность была подходяща, и даже замѣчались слѣды начатыхъ окоповъ.

Но вотъ и послѣднюю возвышенность заняли развѣдчики. Это была Поклонная гора. Было два часа, и освѣщенный солнцемъ городъ переливалъ тысячью оттѣнковъ. При видѣ этого зрѣлища изумленные французы остановились, восклицая: „Москва! Москва!..“

Подъѣхалъ самъ Наполеонъ. Онъ остановился въ восторгѣ.

— „Такъ вотъ онъ, наконецъ, этотъ знаменитый городъ! Давно пора!“—радостно вырвалось изъ его устъ.

Мюратъ, окруженный развѣдчиками, уже достигъ входа въ предмѣстье, но никакой депутаціи не появлялось. День, между тѣмъ, склонялся къ вечеру, а Москва оставалась мрачной, безмолвной и какъ бы безжизненной. Возрастало томленіе императора; все труднѣй было сдерживать нетерпѣливыхъ солдатъ. Нѣсколько офицеровъ проникло вглубь города. Москва была пуста.

Москва пуста! При этомъ извѣстіи, которому Наполеонъ не хочетъ вѣрить, онъ спускается съ Поклонной

---

[1]) По воспоминаніямъ француза, гр. де-Сегюра, ген.-адъютанта Наполеона.

горы къ Москвѣ рѣкѣ, у Дорогомиловской заставы. Здѣсь онъ еще ждетъ. Но безполезно. Мюратъ его торопитъ: „Да входите же, если они этого хотятъ!“ Наполеонъ отдаетъ приказъ соблюдать строжайшую дисциплину,—онъ все еще надѣется: „Можетъ быть, эти жители не умѣютъ сдаваться. Здѣсь все ново, какъ для насъ, такъ и для нихъ.“

Но тутъ рапорты послѣдовали одинъ за другимъ, подтверждая одно и то же роковое извѣстіе: „Москва пуста!“

Наполеонъ призвалъ Дарю: „Москва пуста! Какое невѣроятное событіе. Надо туда проникнуть. Идите и приведите мнѣ бояръ!“

Дарю вернулся ни съ чѣмъ. Ни одинъ москвичъ не показывался.

Ни одной струйки дыма не поднималось изъ трубъ домовъ, ни малѣйшаго шума не доносилось изъ этого обширнаго многолюднаго города. Казалось, будто триста тысячъ жителей, точно по волшебству, были поражены нѣмой неподвижностью. Это было молчаніе пустыни!

Уже въ теченіе часа Мюратъ и длинная сомкнутая колонна его кавалеріи проникали въ этотъ гигантскій городъ, гдѣ все еще сохраняло прежній видъ, но уже было пусто. Пораженныя удивленіемъ при видѣ великаго запустѣнія этихъ современныхъ Ѳивъ, войска сохраняли такое же торжественное молчаніе. Воины прислушивались съ тайнымъ трепетомъ къ стуку лошадиныхъ копытъ, одиноко раздававшемуся среди опустѣлыхъ дворцовъ. Ихъ удивляло, что посреди такого количества жилищъ, они слышали лишь шумъ своихъ шаговъ!

Сначала французовъ изумилъ необычайный видъ великолѣпныхъ дворцовъ, но потомъ они замѣтили, что дворцы перемѣшивались съ лачугами.

Молчаливая задумчивость войскъ, двигавшихся по этому удивительному городу, была неожиданно нарушена ружейнымъ выстрѣломъ. Колонна остановилась. Послѣдніе ряды были еще за городомъ, а центръ двигался по одной изъ длиннѣйшихъ улицъ Москвы, примыкавшей къ Кремлю. Ворота крѣпости казались запертыми, а из-

Наполеонъ подъ Москвой.

нутри ея доносились дикія завыванія. Нѣсколько мужчинъ и женщинъ, отталкивающей наружности, показались на стѣнахъ въ полномъ вооруженіи. Они распространяли противный запахъ вина и оглашали воздухъ отвратительными ругательствами. Мюратъ отправилъ имъ посланнаго съ предложеніемъ мира, но это было безполезно. Пришлось разбить ворота пушечными выстрѣлами.

Только съ наступленіемъ ночи вошелъ Наполеонъ въ Москву. Онъ остановился въ одномъ изъ домовъ предмѣстья. Тамъ онъ назначилъ губернаторомъ столицы маршала Мортье.

„Главнымъ образомъ слѣдите, чтобы не было грабежа,— сказалъ онъ ему:—вы отвѣчаете мнѣ за это своей головой. Примите всѣ мѣры для защиты Москвы.“

Ночь была печальна. Зловѣщіе рапорты слѣдовали одинъ за другимъ. Французы, жившіе въ Москвѣ, и даже одинъ офицеръ русской полиціи сообщали о готовящемся пожарѣ. Взволнованный Наполеонъ тщетно искалъ покоя: онъ не хотѣлъ вѣрить извѣстію.

Первымъ загорѣлось огромное торговое зданіе, помѣщавшееся въ центрѣ города, въ одномъ изъ богатѣйшихъ кварталовъ. Наполеонъ поспѣшилъ отдать соотвѣтствующія приказанія, а при наступленіи дня самъ отправился на мѣсто пожара и обратился съ грозной рѣчью къ молодой гвардіи и Мортье. Но Мортье въ отвѣтъ указалъ на дома, крытые желѣзомъ: они стояли запертые, нетронутые, безъ малѣйшаго слѣда взлома, а между тѣмъ черный дымъ клубился, выходя изъ нихъ. Наполеонъ, полный раздумья, вступилъ въ Кремль.

3.

Сквозь дымъ пожара.

Намъ [1]) казалось сначала, что причиной пожара были пьянство и разнузданность солдатъ, а что сильный вѣтеръ лишь раздулъ пламя. Поэтому мы смотрѣли другъ на

[1]) Французамъ;—разсказъ ведется графомъ де-Сегюромъ.

друга съ какимъ-то отвращеніемъ. Насъ пугалъ тотъ крикъ ужаса, который долженъ раздаться по всей Европѣ. Мы боялись поднять глаза, подавленные катастрофой: она порочила нашу славу, грозила нашему существованію въ настоящемъ и будущемъ. Отнынѣ мы становились арміей преступниковъ, которыхъ осудитъ весь цивилизованный міръ!

Однако, все больше приходило извѣстій, показывавшихъ, что пожаръ—дѣло рукъ самихъ русскихъ... Былъ отданъ приказъ предавать суду и разстрѣливать всѣхъ поджигателей...

Наступила ночь. Наполеонъ (бывшій уже въ Кремлѣ) нервно ходилъ по комнатѣ, останавливаясь возлѣ каждаго окна. Онъ смотрѣлъ, какъ огонь-побѣдитель яростно уничтожалъ его блестящее завоеваніе, охватывая всѣ мосты, всѣ проходы къ Кремлю, окружая его кольцомъ.

И вдругъ крикъ: „Пожаръ въ Кремлѣ!..“ Итакъ, все было обречено разрушенію, даже древній священный Кремль!.. Наполеонъ приказалъ вести себя за городъ, въ Петровскій дворецъ, что на Петербургской дорогѣ. Но Кремль былъ окруженъ океаномъ пламени. Оно охватило всѣ ворота крѣпости и мѣшало выйти изъ нея. Послѣ долгихъ поисковъ былъ найденъ подземный ходъ, выводившій къ Москвѣ-рѣкѣ. По нему-то и выбрался изъ занявшагося огнемъ Кремля Наполеонъ со своими офицерами и гвардіей.

Но и этотъ выходъ не избавилъ отъ опасности... Всего лишь одна улица, узкая, извилистая и вся охваченная огнемъ, открывалась передъ нами. Она была скорѣе входомъ въ адъ, чѣмъ выходомъ изъ него. Но императоръ, пѣшій, безъ колебаній бросился въ этотъ проходъ. Онъ шелъ среди треска костровъ, грохота рушившихся сводовъ, балокъ и крышъ изъ раскаленнаго желѣза. Огненные языки, пожиравшіе строенія, то взвивались къ небу, то почти касались нашихъ головъ. Мы подвигались по огненной землѣ, подъ огненнымъ небомъ, между двухъ

„Сквозь пожаръ“.

огненныхъ стѣнъ. Нестерпимый жаръ палилъ глаза, даже руки были опалены, потому что приходилось то защищать лицо отъ огня, то отбрасывать горящія головни, падавшія на насъ.

Хорошо, что солдаты перваго корпуса (они занимались тутъ грабежомъ) узнали императора въ этомъ вихрѣ пламени. Они вывели своего вождя къ дымящимся развалинамъ одного квартала, еще съ утра обращеннаго въ пепелъ. Здѣсь мы встрѣтили и маршала Даву. Израненный подъ Бородинымъ, онъ не могъ итти и приказалъ нести себя черезъ огонь, чтобы спасти Наполеона или погибнуть съ нимъ вмѣстѣ...

(Изъ „Воспоминаній“ гр. де-Сегюра).

4.

Вотъ, окруженъ своей дубравой,
Петровскій замокъ. Мрачно онъ
Недавнею гордится славой.
Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Послѣднимъ счастьемъ упоенный,
Москвы колѣнопреклоненной
Съ ключами стараго Кремля:
Нѣтъ, не пошла Москва моя
Къ нему съ повинной головою.
Не праздникъ, не пріемный даръ,—
Она готовила пожаръ
Нетерпѣливому герою!
Отселѣ, въ думу погруженъ,
Глядѣлъ на грозный пламень онъ.

А. Пушкинъ.

5.

Полковникъ Мишо оповѣщаетъ государя объ оставленіи Москвы непріятелю.

...„Вы привезли мнѣ печальныя извѣстія, полковникъ?“—сказалъ государь —„Очень печальныя“,—отвѣтилъ я ему:—„оставленіе Москвы“.—„Неужели же отдали мою древнюю столицу безъ боя?“—„Ваше Величество, окрестности Москвы не представляютъ никакой позиціи, чтобы можно было отважиться на сраженіе, имѣя военныя силы въ меньшемъ числѣ, чѣмъ у непріятеля; фельдмаршалъ разсчитывалъ сдѣлать лучше, сохраняя Вашему Величеству армію, потеря которой безъ спасенія Москвы могла бы быть ужаснымъ результатомъ сраженія, но которая, благодаря только что доставленнымъ Вашимъ Величествомъ подкрѣпленіямъ, встрѣчаемымъ мною со всѣхъ сторонъ, вскорѣ окажется даже переходящею въ наступленіе и заставитъ непріятеля раскаяться въ томъ, что онъ проникъ въ нѣдра ея государства“...—„Непріятель вошелъ въ городъ?“—„Да, Ваше Величество, и городъ обратился въ пепелъ тотчасъ по его входѣ туда; я оставилъ его весь въ пламени“. При этихъ словахъ глаза Монарха повѣдали мнѣ о состояніи его души, которое меня такъ взволновало, что я еле сдерживался... „Я вижу, полковникъ, по всему, происходящему съ нами, что Провидѣніе требуетъ отъ насъ великихъ жертвъ; я вполнѣ готовъ всецѣло подчиниться Его волѣ. Но скажите мнѣ, Мишо, какимъ вы оставили духъ арміи, видящей мою древнюю столицу, покидаемую безъ кровопролитія; развѣ это не повліяло на умы солдатъ? Не замѣтили ли вы упадка духа?“—„Ваше Величество, вы мнѣ позволите говорить съ вами откровенно, какъ подобаетъ военному человѣку“...—„Полковникъ, я этого требую всегда, а въ настоящій моментъ, въ особенности, я прошу васъ говорить со мной такъ, какъ вы дѣлали это въ другое

время; не скрывайте отъ меня ничего, я хочу знать безусловно все то, что есть".—„Ваше Величество, я оставилъ всю армію, начиная съ начальниковъ и до послѣдняго солдата включительно, въ ужасномъ, чрезвычайномъ страхѣ"...—„Какъ это",—возразилъ Монархъ съ негодующимъ видомъ:—„откуда могутъ рождаться страхи? Развѣ когда-либо мои русскіе позволяли какимъ-либо несчастіямъ сломить себя?"...—„Никогда, Ваше Величество; они боятся только, какъ бы Ваше Величество по добротѣ сердечной не рѣшились бы заключить миръ; они сгораютъ отъ нетерпѣнія вступить въ бой и доказать Монарху свое мужество и преданность ему цѣною своей жизни"...—„Ахъ, вы меня успокаиваете, полковникъ (при этомъ онъ меня похлопалъ по плечу); итакъ, возвращайтесь въ армію, скажите нашимъ храбрецамъ, всѣмъ моимъ вѣрноподданнымъ, всюду, гдѣ только вы будете проѣзжать, что, если у меня не останется ни одного солдата, я самъ стану во главѣ моего дорогого дворянства, моихъ дорогихъ крестьянъ и употреблю всѣ до послѣдняго средства моей имперіи; она мнѣ предлагаетъ ихъ еще больше, чѣмъ разсчитываютъ мои враги; но, если только Судьбы Божіи предопредѣлили моей династіи прекращеніе царствованія на престолѣ моихъ предковъ, то я, истощивъ всѣ до послѣдняго средства, находящіяся въ моей власти, отращу себѣ бороду до сихъ поръ (при этомъ онъ показалъ рукой по поясъ) и пойду ѣсть картофель съ послѣднимъ изъ моихъ крестьянъ скорѣе, чѣмъ подпишу миръ, позорный для моего отечества и для моего дорогого народа, всѣ жертвы котораго, приносимыя для меня я умѣю цѣнить"...

(Изъ письма гр. Мишо къ Михайловскому-Данилевскому) [1].

---

[1]) См. сборн. „Россія и Наполеонъ". Кн-во „Задруга".

6.

Предана на разграбленіе

Когда утромъ взошло солнце, на бивуакахъ, вокругъ Москвы, еще царили совершенное спокойствіе и порядокъ. Около 8 час. черезъ ворота, мимо нашего [1]) расположенія, проѣхали польскіе уланы и разсказали, что Москва будетъ предана грабежу. Извѣстіе это съ быстротой молніи распространилось среди солдатъ. Одновременно пришло приказаніе отправить солдатъ въ городъ за провіантомъ и фуражомъ. Солдаты возвратились часъ спустя всѣ нагруженные виномъ, ромомъ, чаемъ, сахаромъ и всевозможными цѣнными вещами. Это подтверждало извѣстіе о преданіи Москвы на разграбленіе.

Кавалеристы, верхомъ и спѣшившись, нагруженные награбленнымъ добромъ, по большей части пьяные, шли и ѣхали по тому же пути и призывали къ грабежу встрѣчныхъ солдатъ на всѣхъ языкахъ, какими только владѣли разноплеменные люди, входившіе въ составъ кавалеріи. Солдаты, не стоявшіе уже подъ ружьемъ и не несшіе службы, подъ всевозможными предлогами, втихомолку уходили и пробирались изъ бивуаковъ въ городъ. Покинутые кашеварами котлы стояли безъ огня, посланные за дровами, соломой и водой солдаты не возвращались. Въ дисциплинированномъ до сихъ поръ войскѣ воцарился такой безпорядокъ, что даже назначенные въ патрули солдаты, забывая о своихъ обязанностяхъ, по одиночкѣ тайкомъ бѣжали въ городъ.

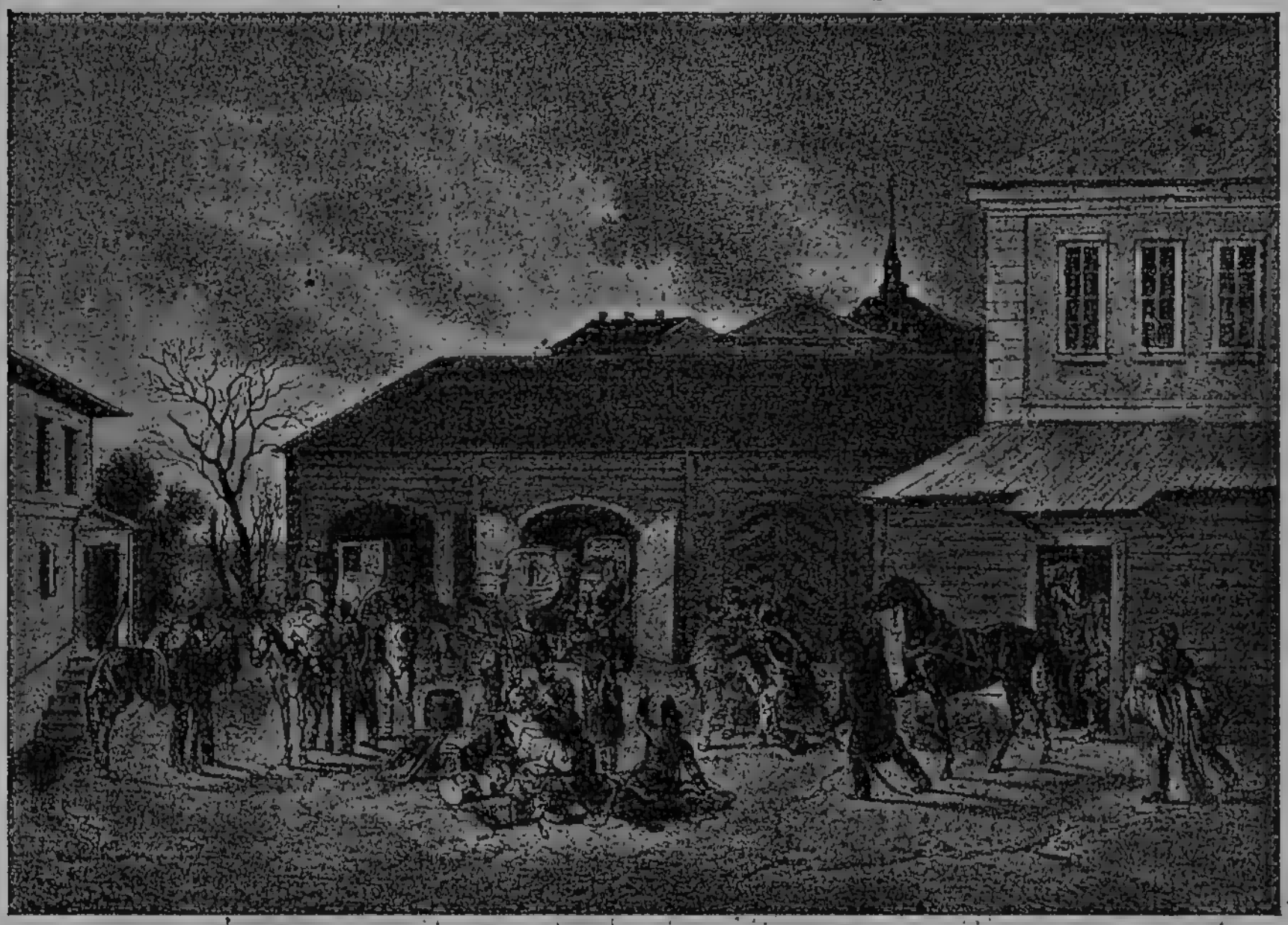
Волна грабителей разлилась по всѣмъ частямъ столицы. Церкви, дворцы, общественныя зданія—ничто не уцѣлѣло. Множество серебряныхъ сосудовъ и драгоцѣнностей было расхищено разошедшимися грабителями. Святыя иконы разныхъ размѣровъ въ ризахъ изъ серебряной

---

[1]) Разсказъ офицера, находившагося въ составѣ Наполеоновской арміи.

жести, столовое серебро, подсвѣчники, стулья—все это свозили на бивуаки и продавали за ничтожную цѣну падкимъ на наживу маркитантамъ. Дорогіе мѣха, матеріи, одѣяла поступали въ пользованіе обоза, въ бараки.

Провіантъ былъ доставленъ въ избыткѣ. Сырая и соленая говядина, всевозможныхъ породъ копченыя рыбы, лососина, осетрина наполняли котлы. Вино, ромъ, спиртъ, водка во всемъ лагерѣ находились въ изобиліи.



Французы въ Москвѣ. Съ современной литографіи.

Вечеромъ на всѣхъ кострахъ жарили, пекли, варили. Когда возвращалась новая шайка грабителей, ее привѣтствовали криками. Не малое число русскихъ таскали награбленное побѣдителямъ. Приводили, въ качествѣ плѣнныхъ, и раненыхъ жителей Москвы. Вѣроятно, эти несчастные защищали свое имущество, хотя, можетъ быть, это также были грабители мѣстнаго происхожденія...

(Изъ „Записокъ“ польскаго офицера Генриха Брандта).

7.

Какъ бѣдствовали въ разоренной Москвѣ ея оставшіеся жители.

1. Разсказъ няни А. И. Герцена.

Папенька-то вашъ, знаете какой, все въ долгій ящикъ откладываетъ; собирался, собирался, да вотъ и собрался! Всѣ говорили, пора ѣхать, чего ждать, почитай въ городѣ никого не оставалось. Нѣтъ, все съ Павломъ Ивановичемъ [1]) переговариваютъ, какъ вмѣстѣ ѣхать: то тотъ не готовъ, то другой. Накопецъ-таки мы уложились, и коляска была готова; господа сѣли завтракать, вдругъ нашъ кухмистръ вошелъ въ столовую, такой блѣдный, да и докладываетъ: „Непріятель въ Драгомиловскую заставу вступилъ“,—такъ у насъ у всѣхъ сердце и опустилось, сила, молъ, крестная съ нами! Все переполошилось; пока мы суетились да ахали, смотримъ—а по улицѣ скачутъ драгуны въ такихъ каскахъ и съ лошадинымъ хвостомъ сзади. Заставы всѣ заперли, вотъ вашъ папенька и остался у праздника, да и вы съ нимъ; васъ кормилица Дарья тогда еще грудью кормила, такіе были тщедушные да слабые.

Сначала еще шло кое-какъ, первые дни, т.-е., ну такъ бывало: войдутъ два-три солдата и показываютъ, нѣтъ ли выпить; поднесемъ имъ рюмочки, какъ слѣдуетъ, они и уйдутъ, да еще сдѣлаютъ подъ козырекъ. А тутъ видите, какъ пошли пожары, все больше да больше, сдѣлалась такая неурядица, грабежъ пошелъ и всякіе ужасы. Вы тогда жили во флигелѣ у княжны [3]). Домъ загорѣлся; вотъ Павелъ Ивановичъ говоритъ,—пойдемте ко мнѣ, мой домъ каменный, стоитъ глубоко во дворѣ, стѣны капитальныя; пошли мы, и господа и люди, всѣ вмѣстѣ, тутъ не было разбора; выходимъ на Тверской

---

[1]) Голохвостовъ, мужъ сестры отца А. И. Герцена,—Яковлева.
[2]) Хованской, родственницы Яковлевыхъ.

бульваръ, а ужъ и деревья начинаютъ горѣть; добрались мы, наконецъ, до Голохвостовскаго дома, а онъ такъ и пышетъ — огонь изъ всѣхъ оконъ. Павелъ Ивановичъ остолбенѣлъ, глазамъ не вѣритъ. За домомъ, знаете, большой садъ, мы туда: думаемъ, тамъ останемся сохранны; сѣли, пригорюнившись, по скамеечкамъ; вдругъ откуда ни возьмись ватага солдатъ, препьяныхъ. Одинъ бросился съ Павла Ивановича дорожный тулупчикъ скидывать; старикъ не даетъ, солдатъ выхватилъ тесакъ да по лицу его и хвать,—такъ у нихъ до кончины шрамъ и остался; другіе принялись за насъ; одинъ солдатъ вырвалъ васъ у кормилицы, развернулъ пеленки, нѣтъ ли де какихъ ассигнацій или брильянтовъ; видитъ, что ничего нѣтъ, такъ нарочно озорникъ изорвалъ пеленки, да и бросилъ. Только они ушли, случилась вотъ какая бѣда. Помните нашего Платона, что въ солдаты отдали? Онъ сильно любилъ выпить, и былъ онъ въ этотъ день очень въ куражѣ; повязалъ себѣ саблю, такъ и ходилъ. Графъ Растопчинъ всѣмъ раздавалъ въ арсеналѣ за день до вступленія непріятеля всякое оружіе, вотъ и онъ промыслилъ себѣ саблю. Подъ вечеръ видитъ онъ, что драгунъ верхомъ въѣхалъ на дворъ: возлѣ конюшни стояла лошадь; драгунъ хотѣлъ ее взять съ собой, но только Платонъ стремглавъ бросился къ нему и, уцѣпившись за поводья, сказалъ: „Лошадь наша, я тебѣ ее не дамъ“. Драгунъ погрозилъ ему пистолетомъ, да, видно, онъ не былъ заряженъ; баринъ самъ видѣлъ и закричалъ ему: „Оставь лошадь, не твое дѣло“. Куда ты! Платонъ выхватилъ саблю, да какъ хватитъ его по головѣ, драгунъ-то покачнулся, а онъ его еще и еще. Ну, думаемъ мы, теперь пришла наша смерть: какъ увидятъ его товарищи, тутъ намъ и конецъ. А Платонъ-то, какъ драгунъ свалился, схватилъ его за ноги и стащилъ въ творило, такъ его и бросилъ бѣдняжку, а еще онъ былъ живъ; лошадь его стоитъ; ни съ мѣста и бьетъ ногой землю, словно понимаетъ; наши люди заперли ее въ конюшню, должно-быть, она тамъ сгорѣла. Мы всѣ скорѣй со двора долой, по-

жаръ-то все страшнѣе и страшнѣе; измученные, не ѣвши, взошли мы въ какой-то уцѣлѣвшій домъ и бросились отдохнуть. Не прошло часу, наши люди съ улицы кричатъ: „Выходите, выходите, огонь, огонь!“ Тутъ я взяла кусокъ равендюка съ бильярда и завернула васъ отъ ночного вѣтра; добрались мы такъ до Тверской площади. Тутъ французы тушили, потому что ихъ набольшій жилъ въ губернаторскомъ домѣ; сѣли мы такъ просто на улицѣ; караульные вездѣ ходятъ, другіе верховые ѣздятъ. А вы-то кричите, надсаждаетесь, у кормилицы молоко пропало, ни у кого ни куска хлѣба. Съ нами была тогда Наталья Константиновна, знаете, бой дѣвка; она увидѣла, что въ углу солдаты что-то ѣдятъ, взяла васъ и прямо къ нимъ, показываетъ: маленькому, молъ, манже; они сначала посмотрѣли на нее такъ сурово, да и говорятъ: але, але; а она ихъ ругать, экіе моль окаянные, такіе-сякіе; солдаты ничего не поняли, а таки прыснули со смѣха и дали ей для васъ хлѣба моченаго съ водой и ей дали краюшку. Утромъ рано подходитъ офицеръ и всѣхъ мужчинъ забралъ и вашего папеньку тоже, оставилъ однѣхъ женщинъ да раненаго Павла Ивановича, и повелъ ихъ тушить окольные дома. Такъ до самаго вечера пробыли мы одни; сидимъ и плачемъ, да и только...

(А. И. Герценъ. „Былое и Думы“).

2. Изъ дневника москвича.

2-го числа воспослѣдовала со мною [1]) величайшая перемѣна: я видѣлъ уже въ Москву входящихъ французовъ, отъ коихъ пришелъ въ безпамятство. Не зная, за что взяться и что убирать, копалъ яму для сундука съ величайшимъ напряженіемъ силъ моихъ; въ замѣ-

---

[1]) Это разсказываетъ въ своемъ дневникѣ одинъ московскій обыватель, противъ воли оставшійся въ Москвѣ, уже занятой французами.

шательствѣ мыслей укладывалъ въ него самое лучшее изъ имѣнія; наконецъ, вдругъ увидѣлъ входящаго въ домъ мой одного француза, который бѣгалъ, какъ бѣшеный, смотрѣлъ на ту и другую сторону и говорилъ мнѣ па своемъ французскомъ языкѣ; а какъ я не зналъ онаго, то дѣлалъ ему рукою знакъ, чтобы онъ вошелъ въ комнаты мои. Описывая горестное свое состояніе, долженъ упомянуть и о несчастныхъ женщинахъ, не имѣющихъ никакого пристанища, коихъ было седмь человѣкъ: мать съ дочерью больною, умѣвшею говорить на французскомъ языкѣ, посредствомъ коея и отвѣтствовалъ я на вопросы оному французу. Упомянутый непріятель, войдя въ комнаты мои, стремительно обѣгалъ ихъ, удивлялся вопросамъ дѣвицы, говорившей ему по-французски, и, подумавъ нѣсколько, отвѣчалъ ей, что онъ смотритъ, нѣтъ ли здѣсь солдатъ россійскихъ и оружія; потомъ просилъ хлѣба. Я велѣлъ дать онаго и, сверхъ сего, полштофа сладкой водки, коей у меня только и было. Онъ, наливши рюмку, приказывалъ мнѣ напередъ выпить. Я, увидя его сомнѣвающагося, принялъ рюмку и пилъ; потомъ, по приказанію его, я подалъ ему масла коровьяго и еще мяса, и онъ столько ѣлъ жадно, что ничего поставленнаго мною не оставилъ. Во время сіе хвалилъ онъ своего императора и обнадеживалъ насъ, что съ нами ничего не будетъ: „домы же ваши будутъ цѣлы и имѣнія ваши не будутъ разграблены; если кто осмѣлится тронуть, то объявите офицеру, и грабители будутъ наказаны“. Я хотѣлъ продолжать съ нимъ разговоръ чрезъ сію дѣвицу, но увидѣвъ, что она слаба, да и не понимаетъ смысла французскаго языка, оставилъ ихъ и пошелъ въ другую половину комнаты, гдѣ бъ дать волю течь слезамъ моимъ; потомъ опять вошелъ къ нимъ и увидѣлъ, что онъ вышелъ вонъ, довольно укрѣпивши себя пищею.

Наступила почь, въ которую я хотя и безпокоился, однако съ нами ничего не случилось. Часто выходилъ на дворъ, гдѣ слышалъ стоны въ сосѣднихъ домахъ, стоны, означающіе грабежъ. Въ третій день, поутру, при-

шелъ ко мнѣ мой родственникъ и говорилъ мнѣ, что французы вошли самымъ благовиднымъ образомъ, и что одинъ французскій офицеръ говорилъ съ нимъ ласково и потчевалъ арбузомъ, за который онъ заплатилъ столько, сколько потребовалъ лавочникъ. Поговоривши, я съ симъ моимъ родственникомъ разстался, и послѣ него ничего не дѣлалъ и не убиралъ, а только ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и былъ въ глубокой задумчивости. Въ половинѣ дня пошелъ я къ Арбатскимъ воротамъ увѣдомить онаго родственника и, пришедши въ домъ его, увидѣлъ, что у него шесть человѣкъ французовъ искали хлѣба, а у сосѣда его и другія прихоти исполнять хотѣли: кто что хотѣлъ, тотъ то и бралъ. Увидя непріятелей въ домѣ его, я пустился бѣжать въ домъ свой. Не прошло часа, какъ явились и ко мнѣ четыре француза, начали искать всего, копали и брали все то, что имъ надобно, именно: рубашки, платки, манишки. Сколько я имъ ни представлялъ бѣдность свою, но они, ни на что не взирая, брали все оное. За ними еще вслѣдъ другіе пять человѣкъ пришли и тоже грабили, изъ коихъ одинъ, будучи благосклоннѣе, вошелъ со мною въ разговоръ чрезъ оную дѣвицу, соболѣзновалъ объ участи моей, совѣтовалъ, чтобъ я убралъ оставшееся имущество, и научалъ, какъ спастись отъ грабительства непріятелей; потомъ, вынувъ бугылку дреймадеры, съ нимъ бывшую, пилъ самъ, также просилъ меня неотступно выпить. Сколько я ни отговаривался, но принужденъ былъ пить, смѣшавъ со слезами моими. Многихъ приходившихъ сей французъ отводилъ отъ моего дому, говоря, что онъ здѣсь отъ начальниковъ приставленъ для сохраненія онаго дому и имѣнія, и тѣмъ самымъ сохранялъ отъ грабителей. Сіе продолжалось до самыхъ сумерекъ. Выходилъ оный непріятель къ стучавшимся въ сіе время четыремъ французамъ и не могъ уже ихъ уговорить отъ грабежа; они выгнали и его и дѣлались мнѣ защитниками, при чемъ увѣряли, чтобъ я ничего не опасался, а между тѣмъ, спрашивали сахару, пива, водки

и бѣлыхъ хлѣбовъ. Но какъ у меня сего не было, да и достать негдѣ, то отъ сего они пришли въ бѣшенство, начали мнѣ угрожать опасностью и убѣжденіямъ моимъ не могли повѣрить до тѣхъ поръ, пока не обыскали весь домъ и погреба. Ничего не нашедши, нѣсколько успокоились, стали обходиться ласковѣе; потомъ вышли двое куда-то, не знаю, и принесли чугунъ готовой живности, велѣли намъ поставить на очагъ. Покамѣстъ это готовилось, они, между тѣмъ, пили принесенные съ собою напитки и, напившись пьяны, потребовали перинъ. Я тотчасъ велѣлъ постлать имъ постели; двое изъ нихъ легли, а двое... сѣли съ нами, и казалось мнѣ, что они старались за мною примѣчать. Я часто выходилъ на дворъ смотрѣть на пламя, пылающее въ рядахъ, и на загорающіяся въ другихъ мѣстахъ зданія. Также и они, растворивъ окошко, смотрѣли и увѣряли меня, что это не французы жгутъ, а русскіе. Въ сіе время, т.-е. часу въ первомъ ночи, загорѣлся сосѣда моего домъ, смежный съ моимъ. Тогда я, оставя все, домъ свой и имѣніе, въ немъ находящееся, хотѣлъ бѣжать, сказавъ родительницѣ, чтобы и она за мною слѣдовала. Лишь только за ворота вышелъ, какъ они выбѣгли на улицу и, схвативши меня, велѣли опять итти въ домъ мой. Сколько я ихъ ни убѣждалъ, прося у нихъ со слезами увольненія и отпущенія себя, но они сего не сдѣлали. Нечаянно наѣхалъ на насъ объѣздной ихъ офицеръ, кой, будучи тронутъ моею просьбою и слезами, велѣлъ меня отпустить. Освободяся отъ нихъ, пустился я бѣжать со всѣми прочими, взявши подъ руку родительницу свою. Въ замѣшательствѣ и забвеніи не знали сами, куда шли. Приближаясь къ Пречистенскимъ воротамъ, увидѣли бѣгущихъ прямо на насъ двоихъ французовъ съ обнаженными мечами, кои, остановя меня, приставляли къ груди моей обнаженный мечъ и угрожали мнѣ смертью. Родительница, видя сіе мое несчастье, повергласъ къ ногамъ сихъ непріятелей, и всѣ вообще, со мною бывшіе, просили ихъ о помилованіи меня. Они жъ, не внимая ихъ прошеніямъ, требовали

денегъ. При такихъ опасностяхъ, желая сохранить жизнь свою, я всѣ ихъ прошенія дерзостныя принужденъ былъ исполнять. Вынималъ имъ денегъ, но не болѣе 50 копеекъ, кои они, брося, начали болѣе мнѣ угрожать смертью и требовали безотступно отъ меня серебра. Послѣдніе три рубля отдавъ имъ, велѣлъ имъ себя осмотрѣть всего, какъ имъ угодно. По обысканіи, нашли у меня они ножикъ перочинный и, взявши оный, отпустили меня.

По претерпѣніи сихъ ужасовъ, пустились мы бѣжать на Каменный мостъ, стараясь всячески укрываться отъ непріятелей. Между тѣмъ, видѣли мы издали, какъ пламень пожиралъ огромныя зданія, какъ непріятели повсюду учиняли грабежи. Въ отчаяніи и страхѣ прибѣжали на Каменный мостъ и, поднявшись до половины онаго, увидѣли на той сторонѣ темноту страшную, возвратились и пошли по набережной. Прошедъ ее, нѣсколько сошли по сходамъ внизъ къ Москвѣ-рѣкѣ. Потомъ смотрѣли на огонь, кой пожиралъ строенія, проливали слезы, наполняли воздухъ стенаніями, вздыхали; но все было тщетно. Долгое время мы тамъ сидѣли, не видавъ никого. Потомъ, обративши взоры вверхъ на набережную, увидѣли одного француза, идущаго за водою. Поравнявшись съ нами, началъ онъ спрашивать, зачѣмъ мы здѣсь. Мы, обливая слезами лицо наше, отвѣчали чрезъ ту же дѣвицу, что мы лишились домовъ и отъ огня ищемъ спасенія у рѣки. Непріятель сей, видя меня дрожащаго отъ холода, далъ мнѣ водки, и я, выпивши нѣсколько, благодарилъ его. По отшествіи его пришли еще четыре француза, не такую ласковость намъ оказавшіе, какъ прежній ихъ товарищъ: они были дерзки и жестокосерды, требовали съ ногъ моихъ сапоговъ, и я, поспѣшно скинувъ, отдалъ имъ и получилъ отъ нихъ худшіе, и еще жесточайшій ударъ, лишившись узелка, въ коемъ, не знаю что, было положено родительницею.

Послѣ сей встрѣчи мы рѣшились итти дальше по набережной къ мосту Москворѣцкому, думая, гдѣ ихъ много,

тамъ ихъ и начальники есть, кои не допустятъ больше насъ грабить, въ чемъ и не ошиблись. Пришедши къ мосту, увидѣли нашихъ русскихъ, сидящихъ на бревнахъ, и говорили имъ, почему они здѣсь сидятъ. На сей вопросъ они намъ отвѣтствовали, что намъ непріятели не даютъ пропуску чрезъ мостъ на ту сторону, упомянувъ притомъ и то, что у мосту французовъ великое множество. Рѣшились и мы съ ними сѣсть. Французы, видя насъ, подходили и разспрашивали насъ о нашихъ состояніяхъ и о родѣ. Увидя несчастное наше состояніе, пришли въ жалость и отвели насъ на свою квартиру, въ коей была цырульня, и предлагали намъ, чтобъ мы шли въ верхній этажъ онаго дома. Но я, опасаясь, не пошелъ вверхъ, но началъ просить, чтобъ оставили насъ здѣсь, внизу: мы и симъ довольны будемъ. Засвѣтивши свѣчу, съ нами разговаривали и ободряли насъ, чтобъ мы ничего не опасались.

Вотъ уже наступилъ и день 4 числа. Непріятели начали для себя готовить кушанье; изготовя, поѣли и намъ дѣлили по нѣскольку. Потомъ уходили, говоря намъ, чтобъ мы дому сего не оставляли. Находясь мы въ семъ домѣ, видѣли, что все приходили разные французы, пекли, варили для себя и опять отправлялись, а куда — намъ совсѣмъ было неизвѣстно. Улицею же была ѣзда непрерывная въ два ряда, по одной сторонѣ мостовой въ гору, а по другой внизъ, т. е. на мостъ.

Сіе продолжалось отъ утра до самой ночи. А пожаръ былъ такъ силенъ, что, куда ни посмотришь, вездѣ объято было пламенемъ; огонь пожиралъ зданія и производилъ сильный вѣтеръ. Вьющіеся надъ зданіями клубы огненные представляли взору нашему ужасное и страшное зрѣлище; наши же несчастные русскіе ходили взадъ и впередъ, не находя себѣ мѣста къ выходу. Потомъ видѣли, что и у нихъ смятеніе умножалось: говорили съ величайшимъ жаромъ, спѣшили къ выходу, какъ будто бы изъ Москвы, вздыхая сильно и взявъ свои ружья, пошли въ гору самымъ скорѣйшимъ образомъ, оставя насъ

однихъ въ семъ домѣ. Чрезъ двѣ минуты пришелъ полякъ прямо въ этотъ домъ, гдѣ мы. Онъ почелъ меня хозяиномъ сего дома, да и цырульникомъ, на что я ему отвѣчалъ, что я ни тотъ, ни другой, и что мы оставлены здѣсь французами укрыться отъ огня, бури и холода, и что я лишился дому и имѣнія. Онъ слушалъ слова мои со злобнымъ видомъ и, чувствуя эту отраду, что онъ могъ мстить за прошедшія свои разоренія, отъ россіянъ учиненныя, стращалъ меня и, ударя по уху, требовалъ серебра, вынималъ саблю и показывалъ глупую свою храбрость надъ обезоруженнымъ. Наконецъ, обличаемый товарищемъ своимъ въ дерзкихъ сихъ поступкахъ, совсѣмъ перемѣнился и сдѣлался даже для меня удивительнымъ: повергшись на колѣни предо мною, приставлялъ къ своимъ губамъ саблю, хотѣлъ цѣловаться. Но я, схватя свою шляпу, ушелъ съ поспѣшностью со всѣми товарищами. Хотя же онъ пустился за мною бѣжать, но офицеръ ихъ его остановилъ. Между тѣмъ, какъ я удалялся на набережную, вдругъ сей офицеръ догналъ меня и говорилъ мнѣ, что онъ сего унтеръ-офицера накажетъ за его поступки. Унижаясь предъ нимъ, и отъ него старался я удалиться, потому что и у него лицо было показываемо исполненнымъ сладострастья: онъ дѣлалъ изъ себя какъ бы видъ сострадательности... потомъ предлагалъ итти намъ на свою квартиру. Я просилъ его, чтобы онъ насъ оставилъ. Тронутъ будучи и убѣжденъ моими словами, онъ не показалъ никакого насилія, и мы тотчасъ рѣшились итти опять къ набережной, къ Москвѣ же рѣкѣ, гдѣ нашихъ сидящихъ было уже множество.

Лишь только начали мы сходить на сходъ, какъ вдругъ увидѣли посланныхъ отъ онаго офицера двухъ солдатъ, кои насильно стали тащить дѣвицу лѣтъ двѣнадцати. Мать ея громко закричала, и они оставили ее. Потомъ и къ оной дѣвицѣ, со мною бывшей, приступали; я опять ихъ усовѣщевалъ словами и тѣмъ обратилъ всѣ ихъ звѣрства на себя: приступивши ко мнѣ, велѣли снять съ себя капотъ, жилетъ, манишку и платокъ. Покорствуясь

власти непріятельской, яко плѣнникъ, снялъ я съ себя все сіе и отдалъ имъ, при чемъ взяли у меня бумажникъ и портретъ аминеатурный, обдѣланный въ золотѣ, оставя меня въ одномъ кафтанѣ, и ударивъ двумя ударами саблей плашмя, со мной разсталися. Послѣ сего случившагося со мною несчастья, сошелъ я внизъ и, сѣвши подлѣ матушки, обернулся ея салопа полами и тѣмъ нѣсколько сохранялся отъ стужи.

Ночь сія для насъ была самая жестокая; поминутно приходили, обирали насъ, и все разные непріятели. Но мы были такъ ужъ бѣдны, что нечего уже болѣе у насъ брать. Потомъ пришли къ намъ еще французы и велѣли за собою слѣдовать. Пришедши въ Зарядье, загнали насъ, какъ овецъ, на дворъ и заперли за нами ворота. Здѣсь мы, видя премного предлинныхъ скамей, думали, что съ нами хотѣли дѣлать. Видѣли, какъ выносилъ одинъ французъ мѣшокъ, ставилъ у воротъ, потомъ пошелъ за другимъ, и такъ вынесъ ихъ до 30 или больше. Непріятели приказывали намъ взять сіи мѣшки и нести за собой. Мы, взявшись за сіи ноши, любопытствовали и узнали, что это были сухари; несли за ними въ другой домъ, кой былъ въ довольномъ разстояніи отъ сего дому. Пришедшимъ намъ сюда, непріятели дали намъ саломаты; я только отвѣдалъ, и если бы ѣсть хотѣлъ, то и тогда бы не сталъ ѣсть. Потомъ поставили пива самаго дурного и, спустя немного времени, опять велѣли намъ нести сіи ноши изъ этого дома. Мы брали и выносили оные мѣшки уже на набережную, гдѣ, поставя, спрашивалъ я ихъ о своихъ женщинахъ, и они мнѣ говорили, якобы онѣ пошли впередъ, изъ чего ясно узналъ ихъ ложь, что они меня хотѣли отъ нихъ отклонить. Въ семъ случаѣ предался я волѣ Провидѣнія Божія и просилъ ихъ, чтобъ они меня отпустили посмотрѣть на мой домъ, и они мнѣ дали на волю выбирать любое изъ двухъ: или остаться съ ними, или итти въ домъ. Отнесъ я имъ съ набережной, внизъ къ Москвѣ-рѣкѣ свой мѣшокъ, въ награду получа отъ нихъ три кренделя. Идя набережной,

я обращалъ взоръ свой на всѣ стороны, не познавалъ мѣстъ и дороги, куда мнѣ итти, наконецъ узналъ, что я у моста Москворѣцкаго, кой уже весь сгорѣлъ. Далѣе, продолжая путь свой, встрѣтился со мною злодѣй и заставилъ меня нести за собою свѣчи сальныя. Пришедши въ часовню, непріятель сей говорилъ мнѣ по-русски, мѣшая французскія слова, показывая пальцемъ на образа, чтобъ съ нихъ содрать ризы, отъ чего и будутъ деньги. Я ему ничего въ семъ не прекословилъ, но только отъ него отвернулся... Непріятель изъ сего моего поступка увидѣлъ, что я ему не надежный рабъ, остановился и спрашивалъ: „Ты нашъ?“ Я сказалъ ему, что русскій, и онъ, ощупавъ меня, сказалъ: „О, ты голый!“ толкнулъ рукой и, ударя одинъ разъ палкой, сказалъ: „Поди!“ Отошедши нѣсколько, думалъ я: „Ну, ежели попадусь къ такому же злодѣю!“

Наконецъ, рѣшился итти туда же, гдѣ я сухари носилъ, и увидѣлъ вдали человѣка, идущаго прямо ко мнѣ, кой, пришедши, проливалъ со мною слезы. Въ сіе время я былъ внѣ себя, и, по долгомъ испытаніи, едва я могъ узнать его: оный человѣкъ былъ г-на Нестерова. Я звалъ его въ подвалъ, въ домъ Новосильцова, чтобъ нѣсколько успокоиться; пришедъ туда, уснули мы крѣпко.

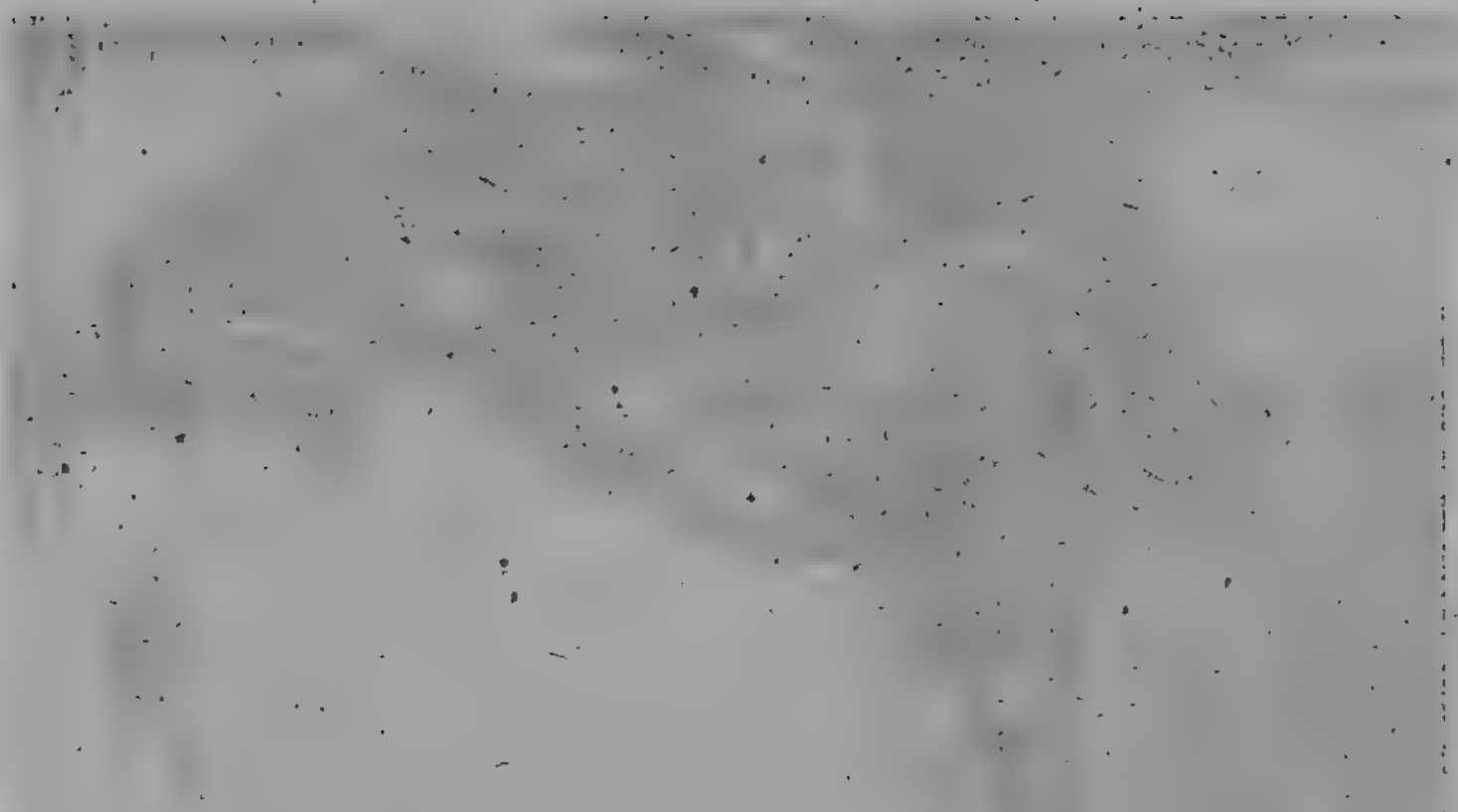
Поутру 5 сентября всталъ я очень рано, но товарища моего уже не было. Потомъ видѣлъ влѣзающаго ко мнѣ непріятеля, коего я самъ, да и изъ отвѣтовъ его узналъ, что онъ былъ полякъ, и потому ударилъ его такъ сильно, что онъ, не могши стоять на ногахъ, упалъ; потомъ, поднявши за воротъ и ударивши его вторично, выбросилъ изъ подвала. По учиненіи сего поступка ясно увидѣлъ, что худо сдѣлалъ. Размышлялъ, какъ бы спастись, и вышелъ въ то же время въ другой подвалъ, скрывшись въ вырытой ямѣ. И здѣсь меня непріятели увидѣли и сыпали мелкимъ кирпичомъ на голову мою; потомъ два половинчатые кирпича бросили на меня. Сіи удары едва могъ я вытерпѣть; однакожъ не вставалъ. Они, видя меня не встающаго, начали ворочать штыкомъ, потомъ

сами влѣзли ко мнѣ въ яму, ощупывали меня, ударили и ругали, однакожъ оставили. Послѣ ихъ, спустя нѣсколько, вышелъ я вонъ посмотрѣть, куда бы мнѣ удалиться, и увидѣлъ близъ церкви Покрова Левшина многихъ нашихъ русскихъ, стремглавъ пустился къ нимъ и, прибѣжавши, старался подлѣ нихъ сѣсть. Потомъ по приглашенію нѣкоторыхъ пошли мы въ домъ какого-то князя, гдѣ жила мнѣ неизвѣстная нѣмка, знакомая симъ. У ней нѣсколько обогрѣлись и вдругъ увидѣли, что и этотъ домъ зажгли, отъ чего я поспѣшно вышелъ одинъ и пошелъ къ своему дому, гдѣ постоялъ, какъ сумасшедшій. Потомъ, пришедши въ свое положеніе, обратился къ церкви священно-мученика Власія, пошелъ поклопиться ему; но, дошедъ къ церкви, увидѣлъ множество прихожанъ другихъ церквей, діаконовъ и священниковъ, квартальнаго поручика съ женою и дѣтьми, коего при мнѣ также ограбили и раздѣвали, оставя въ однихъ портахъ. Въ горячности хотѣлъ было онъ бѣжать и жаловаться ихъ генералу, но злодѣи, остервенившись, приставили издали прямо на него ружье и тѣмъ самымъ его отвратили отъ бѣгства и не лишили жизни. Я съ ужасомъ и трепетомъ взиралъ на сіе страшное позорище, дрожалъ отъ холода и стужи. Въ сихъ горестныхъ обстоятельствахъ предалъ себя совершенно промыслу Божію, потомъ увидѣлъ идущую ко мнѣ родительницу, коя чрезвычайно обрадовалась мнѣ, равно и я ей; давала мнѣ, будучи сама томима голодомъ, засохлыя корочки. Я бралъ оныя и дѣлилъ съ нею пополамъ, видя, что и ей себя нужно было подкрѣпить. Посторонніе, видя наше преніе, дали намъ хлѣба небольшой ломтикъ, кой мы принявши, благодарили ихъ. Послѣ сего я разспрашивалъ, гдѣ она оставила мать съ дочерью. Она разсказывала мнѣ такимъ образомъ: „Когда вы несли сухари на набережную, то воспрепятствовалъ намъ слѣдовать за вами тотъ самый непріятель, кой вралъ намъ по-русски, и велѣлъ намъ за собой итти. Пришедши въ домъ, заперъ насъ. Чрезъ нѣсколько минутъ явился въ такомъ же одѣяніи непріятель не тотъ

уже, а другой; старался всячески обольщать сію дѣвицу, но не имѣлъ успѣха; обратилъ мысли на служанку, оставя дѣвицу... Потомъ приходилъ оный же французъ къ намъ, стращалъ насъ, кричалъ: „Подпаливай!“ Изъ чего мы заключили, что насъ хотѣли сжечь. Опять приходилъ первый, сюда насъ приведшій, и сего пьянаго выгналъ, а насъ отвелъ въ Воспитательный домъ. Оставилъ насъ однѣхъ въ темныхъ покояхъ, гдѣ мы, сидя, думали, что намъ дѣлать. Наконецъ я рѣшилася итти и искать тебя, и они за мною вслѣдъ шли. На тотъ часъ, по счастью моему, часовой ихъ спалъ, и мы безпрепятственно прошли ворота. Обрадовавшись сему, пустилась я бѣжать, а они останавливали меня для отдохновенія; тогда рѣшительно я имъ сказала: „Пусть вы здѣсь отдыхаете, а я пойду искать зятя моего!“ Оставя ихъ, пошла съ рабочей дѣвкой,—и тѣмъ она окончила свою повѣсть.

При наступленіи ночи квартальный предлагалъ намъ всѣмъ, чтобъ мы оставили сіе мѣсто и шли бы съ нимъ въ садъ Корсаковъ. На что многіе согласились, и я съ родительницею за ними слѣдовалъ. Пришедши въ оный садъ, нарвалъ для себя рябины и употреблялъ ее въ пищу. Прочіе имѣли здѣсь кое-что сокрыто и тѣмъ самымъ питались, а у меня ничего не было, кромѣ упомянутой рябины. Началъ сожалѣть о томъ, что ушелъ отъ церкви, и опять рѣшился итти къ оной. Со мной же пошелъ неизвѣстный мнѣ мужчина съ женой и малымъ грудным ребенкомъ. На пути встрѣтился съ нами злодѣй, имѣющій на головѣ шапку архимандричью; я отъ него съ поспѣшностью старался убѣжать... Спасшись бѣгствомъ отъ непріятеля, пришли мы опять къ церкви, легли на травѣ, сжавшися всѣ въ кучу, чтобъ тѣмъ согрѣть самихъ себя. При наступленіи ночи видѣли мы одного молодого человѣка, подходящаго къ намъ, ищущаго своихъ родственниковъ и не нашедшаго въ нашей кучѣ. Мы, остановя его, спрашивали, что у него въ подолѣ, и узнали изъ словъ его, что говядина. Я первый началъ просить его, чтобъ онъ удѣлилъ мнѣ немного. Получивши отъ него, дѣлилъ пополамъ

Разстрѣлъ поджигателей.



съ родительницею и, употребляя въ пищу, горестно восклицалъ сими словами; „О, Боже мой! При всемъ моемъ голодѣ, чувствую омерзѣніе и запахъ отвратительный, худшій самыя падали“, и заглушалъ опый заразительный духъ рябиною. Всю сію ночь проводили мы на травѣ...

7 сентября рѣшились мы жить въ церкви. Насъ было числомъ 18 человѣкъ и малыхъ и большихъ. Въ семъ священномъ мѣстѣ мы какъ-бы уже готовили себя въ жертву безчеловѣчнымъ грабителямъ и условились между собой всѣ вмѣстѣ ѣсть, кто что ни имѣетъ. Пріуготовляли для себя пищу самую небогатую и ѣли съ умѣренностью. Но не долго сіе продолжалось. Очень скоро пашло къ намъ народу такого, который нашу связь разстроилъ.

8 числа поутру приходили къ намъ наши русскіе и говорили, что выйти изъ Москвы никакъ нельзя: кто и хотѣлъ тотъ едва-ли спасется отъ смерти...

Изъ „Дневника анонимнаго москвича“. [1])

3. Изъ разсказа дворовой женщины. [2]).

Какъ вошла я въ Москву, такой ужасъ! По улицамъ валяются мертвыя тѣла, такія уже черныя, что просто страшно на нихъ глядѣть, да тутъ же валяются мертвыя лошади, не прибираютъ ихъ, смрадъ такой распустили по улицѣ.

До своего дома добралась я хорошохонько, прошла набережной да Каменнымъ мостомъ, вхожу на дворъ... вижу, ни живой души: домъ обгорѣлъ, нашихъ тамъ никого нѣтъ. Должно-быть, всѣ уже перебрались въ подмосковную. Вспомнила я про кладовую въ подвалѣ, хотѣлось мнѣ посмотрѣть, цѣло ли наше добро—дверь выломана; думаю: „Ничего, у насъ стѣна тамъ выложена да

---

1) Заимствовано изъ сборн. В. В. Каллаша „Двѣнадцатый годъ“.
2) Рус. Арх. 1871 г. кн. 6.

замазана, хоть и взошли—авось, не догадались". Какъ я спустилась по ступенькамъ, мнѣ пухъ въ лицо!.. Ничего не видать, утерлась; вижу, вся въ пуху и попала въ пухъ по колѣни, а стѣна новая, вижу, разломана. Они, должно-быть, пухъ и перья высыпали, а въ пустыя наволочки набили всякаго добра, да и вытаскали. Не осталось ничего, ни барскаго, ни нашего. Я всплеснула руками, да какъ взвою: стала припоминать, что я туда сама запрятала, и французовъ-то принялась честить по-своему.

А какъ я послѣ узнала, вытаскали не французы, а наши русскіе. Пока нашъ домъ не горѣлъ, въ немъ стоялъ какой-то начальникъ; наши домашніе тамъ оставались и разсказывали, что съ французами жить было очень хорошо; они жили тихо, смирно, никого не обижали, только иногда пошлютъ что-нибудь имъ принести, и мальчишки наши тоже были у нихъ на посылкахъ. А коли добудутъ чего много, сами подѣлятся и ребятишекъ чѣмъ-нибудь приласкаютъ за то, что въ посылки ходятъ.

Да еще кто укралъ-то! Нашъ знакомый сосѣдъ... онъ просилъ къ намъ его добро спрятать. Онъ былъ отъ Шульгиныхъ, его Ѳедотомъ звали. Такъ приставалъ, что мы его пожалѣли, кирпичей двадцать скинули, потому что стѣна была почти докладена, а его сундукъ не проходилъ. Онъ-то намъ за наше доброе дѣло и заплатилъ зломъ. А что онъ укралъ, это вѣрно, потому что послѣ разоренія видѣли у него и наши платья, и наши одѣяла, и кое-что другое... Постояла я тутъ, погоревала. Какъ быть—ночевать одной страшно, и спѣшила выйти, пока еще не смеркалось. Дни-то ужъ коротки были, того и гляди, что будетъ смеркаться, а мнѣ надобно было пробираться къ загородному двору... По той же дорогѣ назадъ пошла, нельзя: на Каменномъ мосту стоитъ бикетъ [1])—все французы, и никого не пропускаютъ ни взадъ, ни впередъ. Утромъ ходи сколько хочешь, а около вечеренъ разставляли вездѣ бикеты. Я торопилась дойти

[1] Пикетъ.

до Москворѣцкаго моста. Москворѣцкій мостъ былъ снесенъ. Я пошла плутать по улицамъ; я улицъ и такъ не знала, а тутъ ужъ ихъ никакъ не узнаешь и примѣтъ не найдешь. Вездѣ все голо, вездѣ черно, только торчатъ трубы да печи обгорѣлыя, да виднѣются своды да подвалы; а жилье все сгорѣло.

Плутала я долго, и зашла, сама не знаю куда; поутру и къ мосту дороги не найду. Опять цѣлый день ходила, все дороги не найду, и устала, и проголодалась, другія сутки не ѣмши, насилу ноги таскаю; опять смерклось, ночлега себѣ не придумаю—стоитъ пень обгорѣлый, я на него сѣла; думаю, вотъ тебѣ, Дуняша, и ночлегъ—воздушнымъ плетнемъ обнесу да небомъ покроюсь. Мнѣ кажется, я весь этотъ пенушекъ облила своими слезами.

Стало уже совсѣмъ темно; слышу, идутъ двое; я испугалась и прижалась—авось, меня не разглядятъ. Идутъ прямо ко мнѣ и увидали. Одинъ спрашиваетъ: „Кто ты?“—„Я, батюшка“.—„Да кто ты такая?“—„Соймоновыхъ господъ, говорю, батюшка, вотъ другія сутки плутаю не ѣмши: макова зерна въ ротъ не пропустила“.—„Поди за мною“. Я встала и пошла...

Онъ меня проводилъ и довелъ до самой калитки загороднаго двора; мы съ нимъ дорогой разговорились; онъ былъ купецъ богатый—у него одинъ домъ сгорѣлъ, а въ другомъ домѣ стоялъ французскій генералъ; отъ того-то онъ ничего не боялся.

Ну, пришла я на загородный дворъ, сказала Настасьѣ, что своихъ никого не нашла... а потомъ и стала собираться съ Андреемъ въ наше Теплое, всего 80 верстъ отъ Москвы. Дорогу-то я знала. Тутъ была старушка старенька-старенькая; вижу, она сбирается въ дорогу—я къ ней.—„По какой дорогѣ ты пойдешь?“—„Въ Тверскую заставу прямо на Воскресенскъ“.—„Мнѣ тоже въ Воскресенскъ, и потомъ своротить въ сторону, зайти къ своимъ роднымъ, узнать, всѣ ли живы да здоровы. Хоть половину дороги пойду не одна, а оттуда меня родные къ мужу проводятъ“.

Только у меня не было ни гроша денегъ на дорогу, а у старухи было 25 рублей, все мѣдными въ мѣшкѣ; гдѣ-то она ихъ набрала. „Слушай, голубушка,—говоритъ мнѣ старушка,—ты помоложе меня; пособи мнѣ деньги нести; за то я тебя буду дорогой поить да кормить, да за ночлегъ платить“. Мѣшокъ тяжелый такой, что дѣлать, пришлось на себѣ нести.

Вышли мы раненько изъ Москвы въ самый Покровъ день. Слышимъ, ударяютъ къ заутренѣ. Перекрестились и пошли. Заутрени уже служили и часы, и вечерни, а обѣдни еще нигдѣ не служили, затѣмъ, что антиминсовъ не было: всѣ были отобраны и увезены, чтобы не хватали ихъ нечистыми руками. Бонапарту хотѣлось, чтобы въ церквахъ служба была, въ тѣхъ, которыя еще остались чисты; а то въ другихъ стояли лошади, какъ въ конюшняхъ. Ну, такъ и велѣлъ Бонапартъ всѣхъ поповъ ловить, гдѣ ни попадутся; поймаютъ дьякона на мѣсто попа—все равно и тотъ годится, и велятъ ему обѣдню служить. Такъ и начали служить въ церквахъ, гдѣ заутреню, гдѣ часы. Бонапартъ былъ всѣмъ доволенъ, лишь бы только была служба, а намъ какъ было отрадно, когда стали благовѣстить и по церквамъ службу справлять. Подошли мы къ Каменному мосту еще рано, только что бикетъ сняли. (А бикетъ ставили только въ вечерню на ночь, чтобы въ Кремль никого не пропускать). Идутъ къ намъ навстрѣчу такіе все молодцы, все французы, такіе бравые, такъ одѣты хорошо—на шапкахъ у нихъ хвосты изъ гривы, длинные, распредлинные!.. А изъ себя-то какіе молодцы, весело смотрѣть, даромъ что французы. А ужъ эти новобранцы ихъ! Бывало, норовятъ ограбить да отколотить. Они спросили, куда мы. „Домой“.—„Карашо, аленъ“—да еще и поклонились намъ, такіе славные, а „аленъ“ по-ихнему значитъ: проходи домой (мы уже понимали).

Вышли мы изъ Тверской заставы—тутъ всѣ разсыпались, кто пошелъ вправо, кто влѣво. Во всѣхъ деревняхъ все солдаты, ужъ мужиковъ нѣтъ, выбрались по-добру по-здорову. Шли мы своей дорогой, насъ не трогали.

8.

Ворона и курица [1]).

Когда Смоленскій князь,
Противу дерзости искусствомъ воружась,
Вандаламъ новымъ сѣть поставилъ
И на погибель имъ Москву оставилъ:
Тогда всѣ жители, и малый, и большой,
Часа не тратя, собралися
И вонъ изъ стѣнъ московскихъ поднялися,
Какъ изъ улья пчелиный рой.
Ворона съ кровли тутъ на эту всю тревогу
Спокойно, чистя носъ, глядитъ.
„А ты что жъ, кумушка, въ дорогу?“
Ей съ возу курица кричитъ:
„Вѣдь говорятъ, что у порогу
Нашъ супостатъ“.
— „Мнѣ что до этого за дѣло?“—
Вѣщунья ей въ отвѣтъ: „я здѣсь останусь смѣло.
Вотъ ваши сестры, какъ хотятъ;
А вѣдь воронъ ни жарятъ, ни варятъ:
Такъ мнѣ съ гостьми не мудрено ужиться,
А, можетъ быть, еще удастся поживиться
Сыркомъ иль косточкой, иль чѣмъ-нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!“
Ворона подлинно осталась:
Но, вмѣсто всѣхъ поживокъ ей,
Какъ голодомъ морить Смоленскій сталъ гостей,—
Она сама къ нимъ въ супъ попалась.

И. А. Крыловъ.

---

[1]) И. А. Крыловъ написалъ нѣсколько басенъ на событія Отечественной войны. Въ этой баснѣ рисуются бѣдствія французовъ въ Москвѣ отъ голода. Разсказываютъ, что въ Москвѣ французы ежедневно ходили стрѣлять воронъ и варили изъ нихъ супъ. Въ одной изъ тогдашнихъ газетъ („Сынъ Отечества“) было по этому поводу даже напечатано, что теперь можно дать отставку старинной русской пословицѣ: „попалъ, какъ куръ во щи“, а лучше говорить: „попалъ, какъ ворона во французскій супъ“.

Часть V.

Народная война и партизаны. [1]).

1.

Народная пѣсня о двѣнадцатомъ годѣ.

Не въ лузьяхъ-то вода полая разливается:
Тридцать три кораблика во походъ пошли,
Съ дорогими со припасами—свинцомъ-порохомъ.
Французскій король царю Бѣлому отсылается:
«Припаси-ка ты мнѣ квартиръ-квартиръ, ровно сорокъ тысячъ,
Самому мнѣ, королю, бѣлыя палатушки».
На это нашъ православный царь призадумался,
Его царская персонушка перемѣнилася.
Передъ нимъ стоялъ генералушка—самъ Кутузовъ.
Ужъ онъ рѣчь-то говорилъ, генералушка,
Словно какъ въ трубу трубилъ:
«Не пужайся ты, нашъ батюшка, православный царь!
«А мы встрѣтимъ злодѣя среди пути,
«Середи пути, на своей землѣ,

---

[1]) *Участіе крестьянства въ войнѣ.* Крѣпостные крестьяне на своихъ плечахъ вынесли 200-тысячное ополченіе, составленное исключительно изъ крѣпостныхъ помѣщичьихъ крестьянъ. Изъ крѣпостныхъ и государственныхъ крестьянъ пополнялись усиленные комплекты дѣйствующихъ армій. По душамъ крестьянъ разверстывались всѣ денежные сборы, поставка лошадей и продовольствія, поставка подводъ, печеніе сухарей и всевозможныя чрезвычайныя повинности, на разорительность которыхъ жаловался самъ предсѣдатель департамента военныхъ дѣлъ Государственнаго Совѣта—новгородскій помѣщикъ, графъ Аракчеевъ (извѣстный дѣятель второй половины Александрова царствованія, правая рука государя и знаменитый создатель печальной памяти военныхъ поселеній).

«А мы столики поставимъ ему—пушки мѣдныя,
«А мы скатерти ему постелимъ—каленыхъ картечъ,
«Угощать его будутъ—канонерушки,
«Провожать его будутъ—все казачушки».

2.

„Вся Россія въ походъ пошла".

...Война 1812 года пробудила народъ русскій къ жизни и составляетъ важный періодъ въ его политическомъ существованіи. Всѣ распоряженія и усилія правительства были бы недостаточны, чтобы изгнать вторгшихся въ Россію французовъ и съ ними двунадесять языцы, если бы народъ по прежнему остался въ оцѣпенѣніи. Не по распоряженію начальства жители при приближеніи французовъ удалялись въ лѣса и болота, оставляя свои жилища на сожженіе. Не по распоряженію начальства выступило все народонаселеніе Москвы вмѣстѣ съ арміей изъ древней столицы. По рязанской дорогѣ, направо и налѣво, поле было покрыто пестрой толпой, и мнѣ теперь еще помнится слово шедшаго около меня солдата: „Ну, слава Богу, вся Россія въ походъ пошла!.."

(Изъ „Записокъ" И. Д. Якушкина).

3.

О партизанскихъ дѣйствіяхъ.

...21 августа князь (Багратіонъ) позвалъ меня къ себѣ—пишетъ въ своемъ „*Дневникѣ партизанскихъ дѣйствій*" Денисъ Давыдовъ.—Представъ къ нему, я объяснилъ ему выгоды партизанской войны при обстоятельствахъ того времени: „Непріятель идетъ однимъ путемъ; путь сей протяженіемъ своимъ очень великъ; транспорты съ продовольствіемъ непріятеля покрываютъ пространство отъ Гжатска до Смоленска и далѣе. Между тѣмъ, обширность части Россіи, лежащей на югѣ московскаго пути, способ-

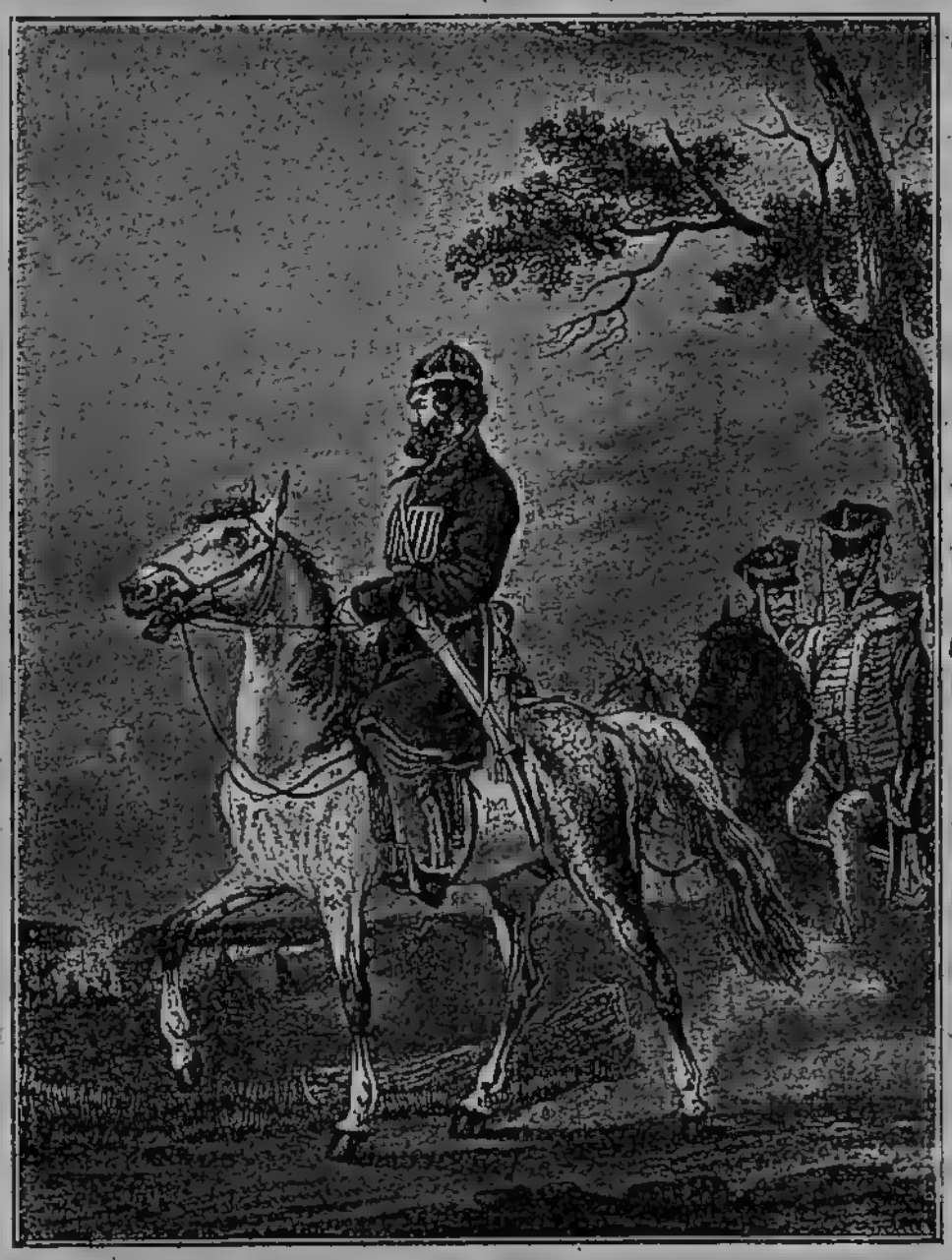
ствуетъ изворотамъ не только партій, но и цѣлой нашей арміи. Что дѣлаютъ толпы казаковъ при авангардѣ? Оставя достаточное число ихъ для содержанія аванпостовъ, надо раздѣлить остальное на партіи и пустить ихъ въ средину каравана, слѣдующаго за Наполеономъ. Пойдутъ ли на нихъ сильные отряды? —Имъ есть довольно простора, чтобы избѣжать пораженія. Оставятъ ли ихъ въ покоѣ?—Они истребятъ источникъ жизни и силы непріятельской арміи. Откуда возметъ она заряды и пропитаніе?—Наша земля не такъ изобильна, чтобы придорожная часть могла прокормить двѣсти тысячъ войска, а оружейные и пороховые заводы не на Смоленской дорогѣ. Къ тому же обратное появленіе нашихъ посреди разсѣянныхъ отъ войны поселянъ ободритъ ихъ и обратитъ настоящую войну въ *народную*...

* *
*

...Огромные обозы, парки и шайки мародеровъ слѣдовали за непріятельской арміей, стремившейся къ Москвѣ. Они шли по обѣимъ сторонамъ дороги, на пространствѣ тридцати или сорока верстъ. Вся эта сволочь, пользуясь безначаліемъ, преступала всѣ мѣры насилія и неистовства. Пожаръ разливался по этой широкой чертѣ опустошенія, и жители волостей съ остатками имущества бѣжали отъ этой всепожирающей лавы. Чѣмъ дальше моя партія удалялась отъ арміи, тѣмъ опаснѣй становился путь. Даже мѣста, въ которыхъ еще не было непріятеля, представляли не мало препятствій. Общее и добровольное ополченіе поселянъ преграждало намъ путь. Въ каждомъ селеніи ворота были заперты; при нихъ стояли старъ и младъ съ вилами, кольями, топорами, и нѣкоторые съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Къ каждому селенію одинъ изъ насъ долженъ былъ подъѣзжать и говорить жителямъ, что мы русскіе, что мы пришли къ нимъ на помощь, на защиту православныхъ церквей. Часто отвѣтомъ намъ былъ выстрѣлъ или пущенный съ размаха топоръ. Мы могли бы обходить селенія, но я хотѣлъ рас-

пространить слухъ, что войска возвращаются и, утвердивъ поселянъ въ намѣреніи защищаться, склонить ихъ къ немедленному извѣщенію насъ о приближеніи къ нимъ непріятеля. Потому съ каждымъ селеніемъ долго продолжались переговоры до вступленія въ улицы. Едва сомнѣніе уступало мѣсто увѣренности, что мы русскіе, какъ хлѣбъ, пиво, пироги были подносимы солдатамъ.

Сколько разъ я спрашивалъ жителей: „Отчего вы полагали насъ французами?“ Каждый разъ отвѣчали они мнѣ: „Да вишь, родимый, это (показывая на мой гусарскій ментикъ), баютъ, на ихъ одежу схоже!“—„Да развѣ я не русскимъ языкомъ говорю?“—Да, вѣдь, у нихъ всякаго сброда люди!“ Тогда я на опытѣ узналъ, что въ народной войнѣ должно не только говорить языкомъ черни, но приноравливаться къ ней, къ ея обычаямъ и одеждѣ. Я надѣлъ мужичій кафтанъ, сталъ отпускать бороду, вмѣсто ордена св. Анны повѣсилъ образъ св. Николая и заговорилъ языкомъ вполнѣ народнымъ [1])...



Партизанъ Давыдовъ.

* * *

...Предоставленные самостоятельному дѣйствію, русскіе партизаны должны были прибѣгать къ особымъ мѣрамъ предосторожности; двигаться большею частью ночью, по

[1]) Д. Давыдовъ.

проселочнымъ дорогамъ и лѣснымъ тропинкамъ, безъ шума, постепенно передвигаясь съ мѣста на мѣсто, на отдыхъ располагаясь въ лѣсахъ и оврагахъ. Обыкновенно никто, кромѣ начальника отряда, не зналъ, куда идетъ отрядъ, съ какою цѣлью. Партизаны были обречены: французы смотрѣли на нихъ, какъ на разбойниковъ, и плѣнныхъ безжалостно разстрѣливали. Партизаны, не имѣя возможности при своихъ быстрыхъ переходахъ водить за собою плѣнныхъ, поставили себѣ въ правило „брать плѣнныхъ какъ можно меньше“...[1])

* *
*

...Партизанскіе отряды сопровождали длинную, растянувшуюся на нѣсколько верстъ, колонну Наполеона съ фланговъ. Какъ слѣпни липнутъ къ измученному животному, такъ же точно и мелкія партизанскія партіи вились около французской арміи, безсильной въ борьбѣ съ ними... Партизаны направляли свои удары, главнымъ образомъ, въ промежутки между двигавшимися эшелонами, срывали слѣдовавшіе здѣсь обозы, отбивали отсталыхъ, орудія, отрывали иногда отъ колоннъ непріятельскихъ цѣлыя части, растянувшіяся на утомительномъ маршѣ. Съ приближеніемъ войскъ партизаны отхлынутъ отъ дороги, а затѣмъ опять появятся въ другомъ мѣстѣ и, постоянно тревожа противника, не даютъ ему покоя ни на маршѣ, ни на бивакѣ“...[2])

* *
*

Хвала безтрепетнымъ вождямъ!
На коняхъ окрыленныхъ
По доламъ скачутъ, по горамъ
Во слѣдъ враговъ смятенныхъ.
По всѣмъ разсыпаны путямъ,
Невидимы и зримы,

---

[1]) Михайловскій-Данилевскій.
[2]) Фонъ-Гершельманъ.

„Съ оружіемъ въ рукахъ? Разстрѣлять!“

Сломили здѣсь, сражаютъ тамъ,
И всюду невредимы.
Нашъ Фигнеръ старцемъ въ станъ враговъ
Идетъ во мракѣ ночи,
Какъ тѣнь, прокрался въ кругъ шатровъ,
Все зрѣли быстры очи...
Сеславинъ, гдѣ ни пролетитъ
Съ крылатыми полками,
Тамъ брошенъ въ прахъ и мечъ, и щитъ,
И устланъ путь врагами.
Давыдовъ, пламенный боецъ,
Онъ вихремъ въ бой кровавый,
Онъ въ мирѣ счастливый пѣвецъ
Вина, любви и славы.

В. Жуковскій.

4.

Наказъ партизана.

Узнавъ, что въ село Токарево пришла шайка мародеровъ, мы 2-го сентября, на разсвѣтѣ, напали на нее и захватили въ плѣнъ девяносто человѣкъ, прикрывавшихъ обозъ съ ограбленными у жителей пожитками. Едва казаки и крестьяне занялись раздѣломъ между собою добычи, какъ выставленные за селеніемъ скрытые пикеты дали намъ знать о приближеніи къ Токареву другой шайки мародеровъ. Это селеніе лежитъ на скатѣ возвышенности у берега рѣчки Вори, почему непріятель нисколько не могъ насъ примѣтить и слѣдовалъ безъ малѣйшей предосторожности; мы тотчасъ сѣли на коней, скрылись позади избъ и атаковали его со всѣхъ сторонъ съ крикомъ и стрѣльбою; ворвавшись въ середину, мы еще захватили семьдесятъ человѣкъ въ плѣнъ. Тогда я созвалъ міръ и объявилъ ему о мнимомъ прибытіи большого числа нашихъ войскъ на помощь уѣздовъ Юхновскаго и Вяземскаго, роздалъ крестьянамъ взятые у непріятеля ружья и патроны, уговорилъ ихъ защищать свою собственность и далъ имъ наставленіе, какъ поступать съ

шайками мародеровъ, числомъ ихъ превышающихъ. „Примите ихъ—говорилъ я имъ—дружелюбно, поднесите съ поклонами (ибо, не зная русскаго языка, поклоны они понимаютъ лучше словъ) все, что у васъ есть съѣстного, а особенно питейнаго, уложите спать пьяными, и когда примѣтите, что они точно заснули, бросьтесь всѣ на ихъ оружіе, обыкновенно кучею въ углѣ избы или на улицѣ поставленное, и совершите то, что Богъ повелѣлъ совершить съ врагами Христовой церкви и вашей родины. Истребивъ ихъ, закопайте тѣла въ хлѣву, въ лѣсу или въ какомъ-нибудь непроходимомъ мѣстѣ. Во всякомъ случаѣ берегитесь, чтобы мѣста, гдѣ тѣла зарыты, не были примѣтны отъ свѣжей, недавно вскопанной земли; для того разбросайте на этомъ мѣстѣ кучу камней, бревенъ; всю добычу военную, какъ мундиры, каски, ремни и прочее—все жгите или зарывайте въ такихъ же мѣстахъ, какъ и тѣла французовъ. Эта осторожность потому вамъ нужна, что другая шайка басурмановъ, вѣрно, будетъ рыться на свѣжей землѣ, думая найти въ ней или деньги, или ваше имущество; но, открывши вмѣсто того тѣла своихъ товарищей и вещи, имъ принадлежавшія, васъ всѣхъ побьетъ и село сожжетъ. А ты, братъ староста, имѣй надзоръ надъ всѣмъ тѣмъ, о чемъ я приказываю, да прикажи, чтобы на дворѣ у тебя всегда были готовы три или четыре парня, которые, когда завидятъ очень многое число французовъ, садились бы на лошадей и скакали бы въ разныя стороны искать меня,—я приду къ вамъ на помощь. Богъ велитъ православнымъ христіанамъ жить мирно между собою и не выдавать врагамъ другъ друга, особенно чадамъ антихриста, которые не щадятъ и храмовъ Божіихъ. Все что я вамъ сказалъ, перескажите сосѣдямъ вашимъ“. Я не смѣлъ дать письменнаго наставленія изъ опасенія, чтобы оно не попалось въ руки непріятеля, который могъ быть увѣдомленъ о мѣрахъ, предложенныхъ мною жителямъ для истребленія мародеровъ.

(Изъ „Воспоминаній“ партизана Д. Давыдова).

5.

Рюховскій дьячокъ Василій Григорьевичъ Рагозинъ.

Про одного партизана добровольца, Рюховскаго дьячка Вас. Григ. Рагозина, разсказываютъ, что онъ особенно ловко выслѣживалъ непріятельскія партіи.

„Обыкновенно онъ отправлялся одинъ, пробираясь верхомъ на своей лошадкѣ лѣсами, которыхъ тогда было немало между Рюховскимъ, Рузой и Можайскомъ. Узнавъ отъ скрывавшихся въ лѣсу крестьянъ, что въ такой-то деревнѣ расположился непріятель, В. Г. Рагозинъ пряталъ свою лошадку въ лѣсу, наряжался нищимъ, выходилъ на дорогу и спокойно шелъ въ занятую непріятелемъ деревню, ходилъ между французами и выпрашивалъ у нихъ, какъ умѣлъ, подаянія. Французы всегда добродушно относились къ мнимому нищему. Только разъ, заподозрѣвъ въ немъ шпіона, они едва не убили его“...

Выслѣдивъ французовъ, Рагозинъ гналъ на своей лошадкѣ въ Волоколамскъ, гдѣ стояли казаки, и велъ ихъ къ лагерю непріятеля. Въ разное время Рагозинымъ было взято въ плѣнъ 700 человѣкъ.

(С. Князьковъ „Священной памяти двѣнадцатаго года“).

6.

Два типа партизановъ.

Слѣдуя 26-го октября къ Дубосищамъ, я примѣтилъ что авангардъ мой бросился въ погоню за конными французами. Вечернее время и туманная погода не позволяли ясно разсмотрѣть силу непріятеля; почему я, стянувъ полки, велѣлъ взять дротики на перевѣсъ и двинулся рысью вслѣдъ за авангардомъ. Но едва вступилъ я въ маленькую деревушку, имя которой я забылъ, какъ увидалъ нѣсколько авангардныхъ казаковъ моихъ, ведущихъ ко мнѣ лейбъ-жандармовъ французскихъ. Они

объявили мнѣ, что принадлежатъ къ корпусу Бараге-Дилье, расположенному между Смоленскомъ и Ельнею, и требовали свободы, поставляя на видъ, что ихъ обязанность не сражаться, а сохранять лишь порядокъ въ арміи. Я отвѣчалъ имъ: „Вы вооружены, французы, и находитесь въ Россіи, слѣдовательно, молчите и повинуйтесь“. Обезоруживъ ихъ и приставивъ къ нимъ караулъ, я приказалъ при первомъ удобномъ случаѣ отослать ихъ въ главную квартиру, а такъ какъ было уже поздно, то мы, разставивъ посты, расположились на ночлегъ.

Спустя часъ времени соединились съ нами и Сеславинъ, и Фигнеръ. Я давно слыхалъ о варварскихъ поступкахъ Фигнера, но не могъ вѣрить, чтобы жестокосердіе его доходило до убійства враговъ обезоруженныхъ, особенно въ такое время, когда обстоятельства наши стали, видимо, измѣняться къ лучшему. Казалось, никакое злобное чувство, еще менѣе чувство мщенія, не должно было имѣть мѣста въ сердцахъ нашихъ солдатъ, исполненныхъ священною радостью. Едва узналъ онъ о моихъ плѣнныхъ, какъ поспѣшилъ ко мнѣ съ просьбой дозволить растерзать ихъ какимъ-то новымъ казакамъ, еще, по его мнѣнію, не натравленнымъ. Не могу выразить того, что я почувствовалъ при этихъ словахъ—красивыя черты лица и доброе, пріятное выраженіе глазъ Фигнера, казалось, говорили противное. Вспомнивъ его превосходныя военныя дарованія, отважность, предпріимчивость, дѣятельность, знаніе многихъ иностранныхъ языковъ, всѣ эти качества необыкновеннаго воина, я съ сожалѣніемъ сказалъ ему: „Не выводи меня, Александръ Самойловичъ, изъ заблужденія, оставь мнѣ думать, что героизмъ есть душа твоихъ славныхъ подвиговъ, безъ него они—мертвый капиталъ; я, какъ русскій, желалъ бы, чтобы у насъ было бы побольше славныхъ, но великодушныхъ воиновъ“. На это онъ мнѣ отвѣчалъ: „Развѣ ты не разстрѣливаешь?“—„Да,— сказалъ я,—разстрѣлялъ двухъ измѣнниковъ отечеству, изъ которыхъ одинъ былъ

грабитель храма Божія“.—„Вѣдь ты разстрѣливалъ плѣнныхъ?“—сказалъ онъ.

Я отвѣчалъ: „Никогда, вели хоть тайно разспросить о томъ моихъ казаковъ“.—„Ну, такъ походимъ вмѣстѣ,—сказалъ онъ,—и ты, вѣрно, бросишь эти предразсудки“.—„Если солдатская честь и состраданіе къ несчастью суть предразсудки,—сказалъ я,—то я съ ними умру“. Мы замолчали.

(Изъ „Дневника партизанскихъ дѣйствій“ Д. Давыдова).

7.

Какъ расправлялись крестьяне съ французами.

...На пунктахъ возвышенныхъ, господствующихъ надъ окрестной мѣстностью, выставляемы были отъ крестьянъ посты, зорко сторожившіе появленіе непріятеля. Ежели подходившая команда была малочисленна, то крестьяне старались окружить и захватить ее скрытно, чтобы не обнаружить своего становища; если же наступали значительныя силы, то сторожевые подавали о томъ вѣсть въ ближайшее село. Раздавался набатъ, и на условленномъ мѣстѣ сходились крестьяне сосѣднихъ деревень, вооруженные, кто чѣмъ попало, подъ начальствомъ ими самими выбранныхъ предводителей. Распоряженія къ бою были очень просты: люди, имѣвшіе ружья, занимали строенія, сады, рощи и встрѣчали непріятеля пальбой. Когда французы бросались въ атаку, ихъ встрѣчали въ топоры...

(Михайловскій-Данилевскій).

* * *

И до отступленія французовъ, и послѣ, народная война отличалась страшнымъ озлобленіемъ. Народные отряды „плѣнныхъ не брали“.

...„Графъ Растопчинъ разсказалъ мнѣ,—записываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ кн. А. А. Шаховской, — что онъ встрѣтилъ кучу непріятельскихъ мародеровъ, кото-

рыхъ вели вооруженные ихъ же оружіемъ мужики, подъ предводительствомъ дородной бабы, гордо выступавшей съ длинной саблей, повѣшенной черезъ плечо, поверхъ французской шинели. Графъ узналъ отъ провожатыхъ, что она ихъ *старостиха Василиса*, и хотя ея женское дѣло, но она на свою руку охулки не положитъ.

На вопросъ, много ли они перевели басурманской саранчи?—Василиса за всѣхъ отвѣчала: „Таки ихъ посильно мѣсто передушила наша вотчина, да та бѣда, что сперва наши-то сглупа боялись ихъ убивать, чтобъ не попасть за окаянныхъ въ отвѣтъ, и только что отъ нихъ хоронилися; а какъ узнали, что нѣтъ запрета изводить злое сѣмя, то и пошли всѣхъ душить, на кого нападутъ врасплохъ. Только, видишь, начальники не вѣрили мужицкимъ разсказамъ и дали такую повѣстку, чтобы-де мы видѣли ваше усердіе и промыселъ, то берите больше въ полонъ супостатовъ, и кого намъ живого представите, за того будетъ награда, а за мертвыхъ награды не будетъ *). Вотъ тутъ наши и взялись за умъ: какъ заслышали этихъ супостатовъ, прятался по задворью. Въ моемъ домишкѣ осталось-таки довольно винца и пивца; вотъ они, какъ голодные волки, вбѣжали въ деревню, да позарясь на бѣлую избу, вошли въ нее гурьбой, отыскали хмѣльное, ружья къ сторонѣ и ну бражничать, да и ошалѣли. Тутъ, выждя ночи, наши нагрянули и ну работать: кто забарахтался, тому карачунъ, а кто не ерошился, того живьемъ привели къ вашей милости, чтобъ товаръ лицомъ продать“.

Ник. Васил. Обресковъ прибавилъ къ графскому разсказу донесенное ему исправникомъ:

„Вечеромъ вошла въ деревню шайка французовъ, а какъ, вслѣдствіе приказа земскаго начальства ко всѣмъ селеніямъ были учреждены отводные караулы, то они

*) Въ самомъ дѣлѣ, Кутузовъ, чтобы унять крестьянъ отъ ужасныхъ убійствъ попадающихъ имъ въ руки непріятелей, приказалъ оповѣстить объ этомъ по вотчинамъ и за безвредный приводъ плѣнныхъ давать награды.

Плѣнные французы.

дали вѣсть крестьянамъ,—тѣ спрятались, куда знали. Усталые мародеры забрались въ богатую избу на ночлегъ. Мужики пообѣщались выстроить хозяину новую, и около полуночи подослали въ подклѣть мальчика прислушать, что дѣлаютъ незванные гости... Храпятъ. Крестьяне, благословясь, тихомолкомъ подкрались, приперли бревенцемъ дверь, привалили хворосту къ сѣнцамъ, зажгли и натѣшили свою душеньку крикомъ и воемъ горящихъ съ избою злодѣевъ святой Руси...„

(Изъ „Воспоминаній“ кн. А. А. Шаховского. См. „Пожаръ Москвы“, ч. II. изд. „Образованіе“).

* * *

У Ив. Сер. Тургенева разсказана такая исторія француза.

Францъ Ивановичъ Лежень мой сосѣдъ и орловскій помѣщикъ, не совсѣмъ обыкновеннымъ образомъ достигъ почетнаго званія русскаго дворяпина. Родился онъ въ Орлеанѣ, отъ французскихъ родителей, и вмѣстѣ съ Наполеономъ отправился на завоеваніе Россіи, въ качествѣ барабаньщика. Сначала все шло, какъ по маслу, и нашъ французъ вошелъ въ Москву съ поднятой головой. Но на возвратномъ пути бѣдный Лежень, полузамерзшій и безъ барабана, попался въ руки смоленскимъ мужикамъ. Смоленскіе мужички заперли его на ночь въ пустую сукповальню, а на другое утро привели къ проруби, возлѣ плотины, и начали просить барабанщика „de la grrrrande armèe“ [1]) уважить ихъ, т. е. нырнуть подъ ледъ. Лежень не могъ согласиться на ихъ предложеніе и, въ свою очередь, началъ убѣждать смоленскихъ мужичковъ, на французскомъ діалектѣ, отпустить его въ Орлеанъ. „Тамъ, messieurs“,—говорилъ онъ,—мать у меня живетъ, „une tendre mère“. Но мужички, вѣроятно, по незнанію географическаго положенія города Орлеана, продолжали предлагать ему подводное путешествіе внизъ по теченію извилистой рѣчки Гнило-

[1]) „Великой арміи“.

терки и уже стали поощрять его легкими толчками въ шейные и спинные позвонки, какъ вдругъ, къ неописуемой радости Леженя, раздался звукъ колокольчика, и на плотину въѣхали огромныя сани съ пестрѣвшимъ ковромъ на преувеличенно-возвышенномъ задкѣ, запряженныя парой саврасыхъ вятокъ. Въ саняхъ сидѣлъ толстый и румяный помѣщикъ въ волчьей шубѣ.

— Что вы тамъ такое дѣлаете?—спросилъ онъ мужиковъ.

— А французя топимъ, батюшка.

— А!—равнодушно возразилъ помѣщикъ и отвернулся.

— Monsieur! monsieur!—закричалъ бѣднякъ.

— А, а!—съ укоризной заговорила волчья шуба:—съ двунадесятью языкъ на Россію шелъ, Москву сжегъ, окаянный, крестъ съ Ивана Великаго стащилъ, а теперь—мусье, мусье! а теперь и хвостъ поджалъ! По дѣломъ вору и мука... Пошелъ Филька-а!—Лошади тронулись.

— А, впрочемъ, стой!—прибавилъ помѣщикъ... Эй, ты, мусье, умѣешь ты музыкѣ?

— Sauvez moi, sauvez moi, mon bon monsieur [1])! твердилъ Лежень.

— Вѣдь, вишь, народецъ! и по русски то ни одинъ изъ нихъ не знаетъ! Мюзикъ, мюзикъ, савэ мюзикъ, ву? савэ? Ну, говори же! Компрэнэ? савэ мюзикъ ву? на фортепьяно жуэ савэ?

Лежень понялъ, наконецъ, чего добивается помѣщикъ, и утвердительно закивалъ головой.

— Oui, monsieur, oui, oui! je suis musicien; je joue tous les instruments possibles! Oui, monsieur... Sauvez moi, monsieur [2])!

— Ну, счастливъ твой Богъ,—возразилъ помѣщикъ... Ребята, отпустите его; вотъ вамъ двугривенный на водку.

— Спасибо, батюшка, спасибо. Извольте, возьмите его.

(Изъ разсказа И. С. Тургенева „Однодворецъ Овсяниковъ“).

---

[1]) „Спасите, спасите меня, добрый господинъ!“

[2]) „Да, господинъ, да! Я музыкантъ, играю на всевозможныхъ инструментахъ. Спасите меня, господинъ!“

*
* *

По всѣмъ деревнямъ (подъ Москвой,) были (французскіе) солдаты... Только за Воскресенскомъ французовъ больше не было... Въ Глѣбово, гдѣ у меня были дяди, ужъ я пріѣхала на лошади. Пока я тутъ была, вдругъ приходятъ двое солдатъ: не французы, а новобранцы какіе-то, такіе оборванные, общипанные, голодные, просятъ поѣсть. А деревня то была нетронутая, все цѣло, ничего не вывезено. Мужики скорѣй за пики: говорятъ, коли мы этихъ выпустимъ, они сотню наведутъ, другимъ укажутъ дорогу. Стали со старостой спорить. Староста взялъ солдатъ въ избу, посадилъ за столъ, поставилъ молока, хлѣба, а мужики то съ пиками подъ окошкомъ шумятъ и пиками въ окно солдатамъ чуть не въ спину. Староста туда-сюда; не хотѣлось ему этихъ двухъ губить, да вѣдь онъ одинъ; а мужиковъ-то много. Какъ онъ ихъ накормилъ, тутъ мужики ихъ сытыхъ-то, сердечныхъ, и потащили въ лѣсъ, да въ лѣсу и убили.

Куда на такія страсти смотрѣть—мы подальше спрятались. А вѣдь какіе они догадливые! Какъ ихъ въ лѣсу то убили и раздѣли, у нихъ чего-чего не было навьючено кругъ тѣла, сколько однихъ платковъ! Шинели были всѣ въ заплатахъ, мужики ихъ и брать не хотѣли; да одинъ мужичокъ увидалъ, что изъ заплатки что-то свѣтится. Глядь, золотой! Пошарили: что-же? въ каждой заплаткѣ все золотые зашиты. Много ихъ тогда вынули этихъ золотыхъ.

(Изъ „Разсказа дворовой женщины о 1812 годѣ“. Русск. Арх. 1871 г., кн 6).

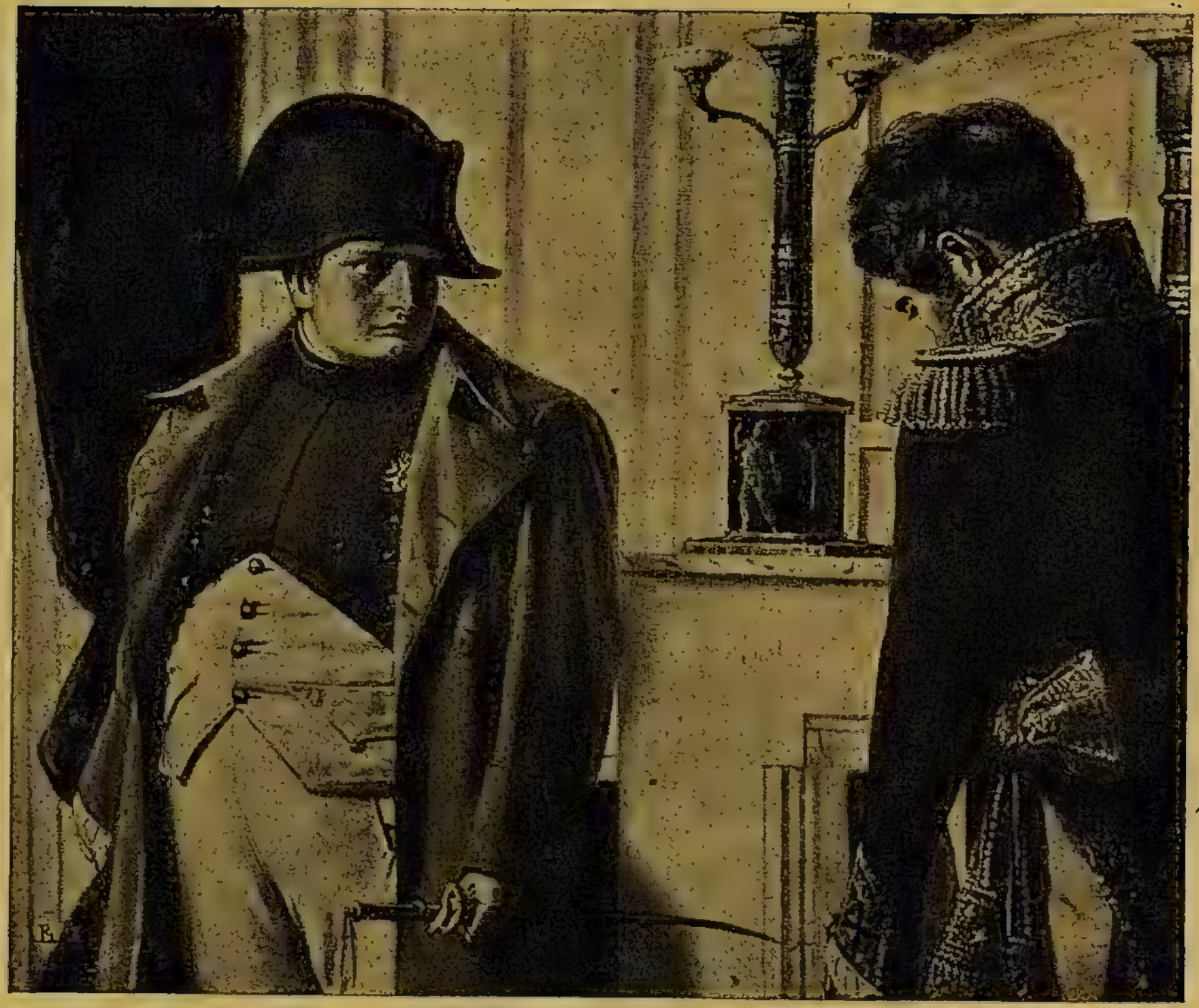
Часть VI.

Отступленіе французовъ.

1.

Волкъ на псарнѣ.

Волкъ ночью, думая залѣзть въ овчарню,
Попалъ на псарню.
Поднялся вдругъ весь псарный дворъ.
Почуя сѣраго такъ близко забіяку,
Псы залились въ хлѣвахъ и рвутся вонъ на драку,
Псари кричатъ:—„Ахти, ребята, воръ!“
И вмигъ ворота на запоръ;
Въ минуту псарня стала адомъ.
Бѣгутъ:—иной съ дубьемъ,
Иной съ ружьемъ.
— „Огня!“—кричатъ—„огня!“—Пришли съ огнемъ.
Мой Волкъ сидитъ, прижавшись въ уголъ задомъ;
Зубами щелкая и ощетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть;
Но видя то, что тутъ не передъ стадомъ,
И что приходитъ, наконецъ,
Ему разсчесться за овецъ,
Пустился мой хитрецъ
Въ переговоры
И началъ такъ:—„Друзья! къ чему весь этотъ шумъ?
Я вашъ старинный сватъ и кумъ,
Пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры.
Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ!
А я не только впредь не трону здѣшнихъ стадъ,
Но самъ за нихъ съ другими грызться радъ
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я...“—„Послушай-ка, сосѣдъ,“—



Наполеонъ и маршалъ Лористонъ—„Миръ во что бы то ни стало!“

Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ:—
„Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
Съ Волками иначе не дѣлать мировой,
Какъ снявши шкуру съ нихъ долой.“
И тутъ же выпустилъ на Волка гончихъ стаю. [1])

И. А. Крыловъ.

2.

Не „Великая Армія“, а орда кочевниковъ.

Въ южной части Москвы, у заставы, одно изъ ея главныхъ предмѣстій примыкаетъ къ двумъ большимъ дорогамъ: обѣ онѣ ведутъ въ Калугу. Одна изъ нихъ, что лѣвѣе, самая старая, другая проложена позднѣе. На первой изъ нихъ Кутузовъ только что разбилъ Мюрата. И по этой же дорогѣ Наполеонъ вышелъ изъ Москвы 7 октября, объявивъ своимъ офицерамъ, что онъ идетъ поразить Кутузова, а затѣмъ двинется къ границамъ Польши, черезъ Калугу, Медынь, Юхновъ, Ельню и Смоленскъ. Одинъ изъ нихъ, Рапп, замѣтилъ: „Уже поздно и зима можетъ захватить насъ дорогой“. Императоръ отвѣтилъ, что онъ долженъ былъ дать солдатамъ время поправиться, а раненымъ, находившимся въ Москвѣ, Можайскѣ и Колотскомъ—добраться до Смоленска. Затѣмъ, указавъ на небо, по прежнему безоблачное, сказалъ: „Развѣ вы не узнаете моей звѣзды въ этомъ сверкающемъ небѣ?“ Но этотъ призывъ къ счастью противорѣчилъ мрачному выраженію его лица и обнаруживалъ лишь дѣланное спокойствіе.

---

[1]) Въ этой баснѣ И. А. Крыловъ намекаетъ на попытки Наполеона вступить изъ Москвы въ переговоры съ Кутузовымъ. Кутузовъ представленъ въ баснѣ въ образѣ стараго ловчаго.

Наполеонъ, вступившій въ Москву съ 90 тысячами строевыхъ солдатъ и 20 тысячами больныхъ и раненыхъ, выходя изъ нея, имѣлъ болѣе 100 тысячъ здоровыхъ солдатъ, оставивъ въ Москвѣ 1,200 раненыхъ. Пребываніе Императора въ Москвѣ, несмотря на ежедневныя потери, дало ему возможность предоставить отдыхъ пѣхотѣ, пополнить провіантъ войска и увеличить свои силы на 10 тысячъ человѣкъ. Кромѣ того, удалось помѣстить часть раненыхъ въ госпиталѣ, а остальныхъ заблаговременно вывести изъ города. И тѣмъ не менѣе съ перваго же дня выступленія Наполеонъ замѣтилъ, что его кавалерія и артиллерія едва волочили ноги.

Выступленіе французовъ изъ Москвы.

Еще одно обстоятельство натолкнуло Наполеона на печальныя предчувствія. Армія, накапунѣ вышедшая изъ Москвы, двигалась безъ перерыва. Въ колоннѣ, состоящей изъ 140,000 человѣкъ и приблизительно 50,000 лошадей всѣхъ породъ, сто тысячъ строевыхъ солдатъ,

шедшихъ впереди въ полномъ снаряженіи съ пушками и съ артиллерійскими повозками, еще напоминали своимъ видомъ прежнихъ всемірныхъ побѣдителей; что же касается остальныхъ, то они походили скорѣе на татарскую орду послѣ удачнаго нашествія.

На безконечномъ разстояніи, въ три или четыре ряда тянулась пестрая вереница каретъ, фуръ, богатыхъ экипажей и всевозможныхъ повозокъ. Тутъ были и трофеи въ видѣ русскихъ, турецкихъ и персидскихъ знаменъ, и гигантскій крестъ съ колокольни Ивана Великаго, и бородатые крестьяне, которые везли и несли добычу, сами составляя часть ея; многіе изъ нашихъ [1]) собственноручно везли тачки, наполненныя всѣмъ, что имъ удалось захватить; эти безумцы не хотѣли думать, что уже къ вечеру имъ придется отказаться отъ своей непосильной ноши: охваченные безсмысленной жадностью, они забыли и о восьмистахъ миляхъ пути, и о предстоящихъ сраженіяхъ.

Особенно бросалась въ глаза среди идущей въ походъ арміи толпа людей всѣхъ національностей, безъ формы, безъ оружія, и слугъ, громко ругавшихся на всѣхъ языкахъ и погонявшихъ криками и ударами плохенькихъ лошаденокъ, впряженныхъ веревочной упряжью въ элегантные экипажи, наполненные добычей, уцѣлѣвшей отъ пожара, или съѣстными припасами. Въ этихъ экипажахъ ѣхали со своими дѣтьми французскія женщины, которыя когда-то были счастливыми обитательницами Москвы, а теперь убѣгали отъ ненависти москвичей,—армія являлась для нихъ единственнымъ убѣжищемъ. Нѣсколько русскихъ дѣвокъ слѣдовали за нами въ качествѣ добровольныхъ плѣнницъ.

Можно было подумать, что двигался какой-то караванъ кочевниковъ или одна изъ армій древнихъ временъ, возвращавшаяся послѣ великаго нашествія съ рабами и добычей.

---

[1]) Французовъ. Это пишетъ гр. де-Сегюръ.

Трудно было себѣ представить, какъ сможетъ регулярное войско тянуть за собой и сохранять такое количество тяжелыхъ экипажей въ теченіе столь длиннаго перехода.

Несмотря на ширину дороги и крики свиты Наполеону съ трудомъ удавалось пробираться сквозь эту невообразимую толкотню. Безъ сомнѣнія, достаточно было попасть въ узкій проходъ, ускорить движеніе или подвергнуться нападенію казаковъ, чтобы избавиться отъ этой поклажи; но лишь судьба или непріятель могли облегчить насъ отъ нея. Императоръ же отлично сознавалъ, что онъ не имѣетъ права ни упрекнуть своихъ солдатъ за захватъ этой, съ трудомъ пріобрѣтенной добычи, ни тѣмъ болѣе отнять ее у нихъ. Кромѣ того, такъ какъ награбленныя вещи были спрятаны подъ съѣстными припасами, а Императоръ не имѣлъ возможности выдавать своимъ солдатамъ должный паекъ, то могъ ли онъ запретить имъ уносить все это съ собою? Наконецъ, въ виду того, что не хватало военныхъ повозокъ, эти экипажи служили единственнымъ спасеніемъ для больныхъ и раненыхъ.

Поэтому Наполеонъ безмолвно миновалъ длинный хвостъ своей арміи и выѣхалъ на старую Калужскую дорогу...

(Изъ „Воспоминаній“ гр. де-Сегюра).

3.

Вѣсть о выходѣ французовъ изъ Москвы.

... Кутузовъ, какъ всѣ старые люди, мало спалъ по ночамъ,—не спалъ и думалъ. Такъ онъ лежалъ и теперь на своей кровати, облокотивъ тяжелую, изуродованную голову на пухлую руку, и думалъ, открытымъ однимъ глазомъ присматриваясь къ темнотѣ.

Неразрѣшенный вопросъ о томъ, смертельна или не смертельна была рана, нанесенная въ Бородинѣ, уже цѣ-

лый мѣсяцъ висѣлъ надъ головой Кутузова. Съ одной стороны, французы заняли Москву. Съ другой стороны, несомнѣнно, всѣмъ существомъ своимъ Кутузовъ чувствовалъ, что тотъ страшный ударъ, въ которомъ онъ вмѣстѣ со всѣми русскими людьми напрягъ всѣ свои силы, долженъ былъ быть смертеленъ. Но, во всякомъ случаѣ, нужны были доказательства, и онъ ждалъ ихъ уже мѣсяцъ, и чѣмъ дальше проходило время, тѣмъ нетерпѣливѣе онъ становился.

Въ сосѣдней комнатѣ зашевелились. Послышались шаги...

— Эй, кто тамъ? Войдите, войди! Что новенькаго?— окликнулъ Кутузовъ.

Вошли Толь, Коновницынъ. Пока лакей зажигалъ свѣчку, Толь передалъ содержаніе привезенныхъ извѣстій.

— Кто привезъ?—спросилъ Кутузовъ, съ лицомъ, поразившимъ Толя своей холодной строгостью.

— Не можетъ быть сомнѣнія, ваша свѣтлость.

— Позови, позови его сюда.

Кутузовъ сидѣлъ, спустивъ одну ногу съ кровати и навалившись большимъ животомъ на другую согнутую ногу. Онъ щурилъ свой зрячій глазъ, чтобы лучше разсмотрѣть посланнаго, какъ будто въ его чертахъ онъ хотѣлъ прочесть то, что занимало его.

— Скажи, скажи, дружокъ!—сказалъ онъ Болховитинову своимъ тихимъ старческимъ голосомъ, закрывая распахнувшуюся на груди рубашку.

— Подойди, подойди поближе. Какія ты привезъ мнѣ вѣсточки?.. А? Наполеонъ изъ Москвы ушелъ! Воистину такъ? А?

Болховитиновъ подробно доносилъ сначала все то, что ему было приказано.

— Говори, говори скорѣе, не томи душу,—перебилъ его Кутузовъ.

Болховитиновъ разсказалъ все и замолчалъ, ожидая приказаній. Толь началъ было говорить что-то, но Кутузовъ перебилъ его. Онъ хотѣлъ сказать что-то, но вдругъ

лицо его сморщилось, и онъ, махнувъ рукой на Толя, повернулся въ противную сторону, къ красному углу избы, чернѣвшему отъ образовъ.

— Господи, Создатель мой! Вняль Ты молитвѣ нашей!..— дрожащимъ голосомъ сказалъ онъ, сложивъ руки.—Спасена Россія! Благодарю Тебя, Господи!..

И онъ заплакалъ...

(Изъ ром. „Война и миръ“ Л. Н. Толстого).

4.

Къ тѣни полководца [1])

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой...
Все спитъ кругомъ; одни лампады
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.
Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.
Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ русскій гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
„Иди, спасай!“ Ты всталъ и спасъ...

А. С. Пушкинъ.

---

[1]) Кутузова.

5.

Выигрышъ, равный проигрышу.

Покинувъ Москву, Наполеонъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ двигался по старой Калужской дорогѣ, на которой стоялъ и Кутузовъ. Но въ серединѣ дня Императоръ неожиданно приказалъ повернуть направо и, двигаясь напрямикъ, черезъ поля, въ три перехода достигъ со всей арміей новой Калужской дороги. Корпусъ Нея и остатки кавалеріи Мюрата, стоявшіе позади рѣки Мочи и въ Вороновѣ, заслоняли движеніе арміи и помогли Наполеону удачно скрыть это свое движеніе отъ русскихъ.

Кутузовъ продолжалъ бы ждать французовъ на старой Калужской дорогѣ, въ то время какъ они, опередивъ русскихъ, захватили бы Малоярославецъ и открыли бы себѣ путь къ Калугѣ по изобильному и неразоренному краю.

Въ ту пору Кутузовъ еще ничего не зналъ о выступленіи Наполеона изъ Москвы. Онъ получилъ лишь донесеніе (черезъ партизана Дорохова) о приближеніи сильной непріятельской колонны и отправилъ навстрѣчу ей корпусъ Дохтурова съ Ермоловымъ. Передъ выступленіемъ Ермоловъ приказалъ партизанамъ Фигнеру и Сеславину собрать свѣдѣнія о непріятелѣ. Сеславинъ, оставивъ позади свою партію, пѣшкомъ пробрался до боровской дороги и сквозь лѣсъ, на которомъ еще сохранилось немного листьевъ, увидѣлъ, что глубокія непріятельскія колонны слѣдуютъ одна за другой по направленію къ Боровску. Замѣтилъ онъ и Наполеона, окруженнаго маршалами и гвардіей. Тогда безстрашный Сеславинъ вскочилъ на лошадь, выхватилъ изъ непріятельской колонны унтеръ-офицера, связалъ его, перекинулъ черезъ сѣдло и поскакалъ къ корпусу Дохтурова.

Получивъ такое извѣстіе, Ермоловъ сейчасъ же послалъ гонца къ Кутузову съ извѣщеніемъ объ оставленіи

Москвы и съ просьбой поспѣшить съ прибытіемъ арміи къ Малоярославцу.

Малоярославецъ и окружавшіе его лѣса, тѣмъ не менѣе, еще не были заняты русскими, когда туда прибылъ Дельзонъ со своей дивизіей, бывшей въ авангардѣ. Иначе говоря, путь отступленія по новой Калужской дорогѣ еще не былъ отрѣзанъ. Получивъ донесеніе Дельзона, Наполеонъ собрался сейчасъ же самъ двинуться въ Малоярославецъ и уже отдалъ приказъ къ выступленію изъ Боровска, гдѣ остановился. Но потомъ, неизвѣстно почему, этотъ приказъ отмѣнилъ. Какая-то половинчатость, какое-то колебаніе сказывались во всѣхъ его дѣйствіяхъ, во всѣхъ его распоряженіяхъ...

А на другой день подоспѣли русскіе и загорѣлся достопамятный кровавый бой подъ Малоярославцемъ. Хотя поле сраженія осталось за французами и потери русскихъ были велики, но, по словамъ Сегюра, это не могло быть утѣшеніемъ для французовъ. „Мы вспоминали, что Петръ I, находясь въ подобномъ же положеніи, жертвовалъ десятью русскими на каждаго шведа и считалъ, что не только потери обѣихъ сторонъ равны, но что онъ даже выигралъ въ ужасной схваткѣ“...

И въ самомъ дѣлѣ, русскіе подались и отступили, но они укрѣпились на новой Калужской дорогѣ, отрѣзавъ французамъ путь къ Калугѣ.

(По воспоминаніямъ гр. де-Сегюра).

6.

Наполеонъ чуть не попадаетъ въ руки казаковъ.

Наполеонъ получилъ донесеніе о результатахъ сраженія подъ Малоярославцемъ, въ Боровскѣ. Онъ послалъ Бессьера осмотрѣть расположеніе непріятеля. „Ихъ невозможно атаковать“—сказалъ тотъ по возвращеніи. Наполеонъ всплеснулъ руками: „Хорошо ли вы въ этомъ убѣдились? Ручаетесь ли вы мнѣ за это?“ Бессьеръ подтвердилъ сказанное. Наполеонъ съ подавленнымъ видомъ

скрестилъ руки и погрузился въ размышленія. Они были, повидимому, такъ безотрадны!..

Съ первыми лучами солнца онъ сѣлъ на лошадь и направился къ Малоярославцу. За императоромъ слѣдовало всего лишь нѣсколько офицеровъ. Онъ не предупредилъ свой обычный эскортъ [1]), который поэтому выѣхалъ нѣсколько позже, торопясь догнать его.

Дорога была покрыта артиллерійскими и лазаретными фурами, экипажами. Но такъ какъ все это составляло внутреннюю часть его арміи, то Наполеонъ подвигался впередъ безъ всякихъ опасеній.

Вдругъ вдалекѣ, съ правой стороны, замелькали какіе то небольшіе отряды, а за ними и черныя линіи войскъ. Поднялась тревога. Нѣсколько женщинъ и кое-кто изъ челяди стремглавъ кинулись назадъ, не слушая, не отвѣчая на вопросы. Въ рядахъ экипажей произошло замѣшательство: одни хотѣли продолжать путь, другіе поворачивали; произошло столкновеніе; часть экипажей опрокинулась.

Наполеонъ, не видя и не понимая причины этого внезапнаго переполоха, приписывая его безпричинному, паническому страху, продолжалъ спокойно подвигаться впередъ. Вдругъ генералъ Раппъ крикнулъ ему: „Скорѣй назадъ,—это они!“ Императоръ, потому ли, что онъ не успѣлъ еще разглядѣть, или потому, что считалъ для себя унизительнымъ обращаться въ бѣгство, продолжалъ ѣхать впередъ. Его бы навѣрно окружили, еслибъ Раппъ, схвативъ за поводъ лошадь Наполеона, не повернулъ ее назадъ, со словами: „Ваше Величество, это необходимо!“ Но гордость не позволила Наполеону бѣжать. Онъ обнажилъ шпагу. Принцъ Невшательскій и оберъ-шталмейстеръ послѣдовали его примѣру. И ставъ налѣво отъ дороги, они ждали казаковъ, отъ которыхъ ихъ отдѣляли ужъ какихъ-нибудь сорокъ шаговъ. (Это были казаки партизана Дениса Давыдова).

---

[1]) Свита.

Раппъ едва успѣлъ повернуться лицомъ къ казакамъ, какъ одинъ изъ нихъ съ такой силой вонзилъ копье въ грудь лошади этого генерала, что опрокинулъ его на землю. Въ ту же минуту вся лава казацкая, пересѣкая дорогу, устремилась на обозъ, опрокидывая людей, лошадей, экипажи. Часть казаковъ рубила и колола обозныхъ солдатъ, другая, повернувъ лошадей, впряженныхъ въ орудія, пыталась увезти пушки черезъ поля. Но ихъ торжество длилось лишь короткое мгновеніе. Подоспѣла гвардейская кавалерія, составлявшая обычную свиту Наполеона, и быстро обратила ихъ въ бѣгство. На счастье Наполеона, казаки не поняли и не узнали, кого они могли захватить, и увлеклись грабежомъ обоза.

(По воспоминаніямъ гр. де-Сегюра).

7.

Ничего не осталось, кромѣ отступленія.

Въ Малоярославцѣ Наполеонъ собралъ совѣтъ. Въ грязной, темной комнаткѣ бѣднаго ремесленника рѣшилась судьба арміи, завоевавшей Европу. Обсуждался вопросъ, какой путь выбрать къ Смоленску, какъ итти туда—черезъ Калугу, Медынь или Можайскъ.

„Наполеонъ,—разсказываетъ Сегюръ,—молча сидѣлъ передъ столомъ, подперевъ голову руками такъ, что онѣ скрывали его лицо и отражавшуюся, вѣроятно, на немъ скорбь. Сначала никто не рѣшался нарушить этого рокового молчанія. Первымъ заговорилъ нетерпѣливый Мюратъ: „Пусть меня снова обвинятъ въ неосторожности, но на войнѣ все рѣшается и опредѣляется обстоятельствами. Тамъ, гдѣ остается одинъ исходъ—атака, всякая осторожность становится отвагой и отвага осторожностью. Остановиться нѣтъ никакой возможности, бѣжать опасно. Поэтому намъ необходимо преслѣдовать непріятеля. Что намъ за дѣло до грознаго положенія русскихъ и ихъ непроходимыхъ лѣсовъ? Я презираю все это! Дайте мнѣ

только остатки кавалеріи и гвардіи, и я углублюсь въ ихъ лѣса, брошусь на ихъ батальоны, разрушу все и вновь открою арміи путь къ Калугѣ".

Наполеонъ, поднявъ голову, прервалъ эту пламенную рѣчь:

— Довольно отваги! Мы слишкомъ много дѣлали для славы. Теперь надо думать лишь о спасеніи остатковъ арміи.

Тутъ Бессьеръ, сформировавшій гвардейскую кавалерію, за которую онъ отвѣчалъ передъ Наполеономъ и которая состояла подъ его начальствомъ, чувствуя поддержку, осмѣлился прибавить:

— Для подобнаго предпріятія у арміи, даже и у гвардіи не хватитъ мужества. Уже теперь поговариваютъ о томъ, что не хватаетъ повозокъ и что впредь раненому побѣдителю придется оставаться въ рукахъ побѣжденныхъ и, такимъ образомъ, всякая рана будетъ смертельна. Мы только что убѣдились въ недостаточности нашихъ силъ. А съ какимъ непріятелемъ намъ придется сражаться? Развѣ не видѣли мы поля послѣдней битвы? Развѣ не замѣтили вы, съ какимъ ожесточеніемъ русскіе ополченцы, кое-какъ вооруженные и обмундированные, шли на вѣрную смерть?

Онъ закончилъ свою рѣчь, словомъ *отступленіе*, которое Наполеонъ одобрилъ своимъ молчаніемъ.

Тотчасъ же маршалъ Даву заявилъ, что если отступленіе рѣшено, то нужно отступать черезъ Медынь и Смоленскъ. Но Мюратъ не то съ досадой, не то съ изумленіемъ прервалъ Даву...

Ссора разгоралась. Вмѣшались Бессьеръ и Бертье. Выведенный изъ своей задумчивости Наполеонъ прервалъ ихъ словами:

— Хорошо, господа, я рѣшу самъ.

И онъ рѣшилъ отступать по той дорогѣ, которая дастъ возможность скорѣй уйти отъ непріятеля. Но это рѣшеніе было такъ мучительно, такъ оскорбляло его гордость, что онъ лишился чувствъ...

Замѣчательно то, что Наполеонъ приказалъ отступать къ сѣверу въ ту самую минуту, когда Кутузовъ отступилъ къ югу... Двѣ арміи повернулись спиной другъ къ другу, обманывая одна другую оставшимися на мѣстахъ аріергардами...

Опустивъ глаза, словно пристыженные и сконфуженные, шли французскіе солдаты, а посреди нихъ ихъ вождь, мрачный и молчаливый. Казалось, онъ тревожно измѣрялъ глазами разстояніе, отдѣлявшее его отъ береговъ Вислы, гдѣ, можетъ быть, ждала подмога...

(По «Воспоминаніямъ» гр. де-Сегюра).

8.

Ужасы отступленія.

1.

Вѣтеръ гонитъ отъ востока
Съ воемъ снѣжныя метели...
Дикой пѣснью злая вьюга
Заливается въ пустынѣ...
По безлюдному простору,
Безъ ночлега, безъ привала,
Точно сонмъ тѣней, проходятъ
Славной арміи остатки,
Егеря и гренадеры,
Кто окутанъ дамской шалью,
Кто церковною завѣсой,—
То въ сугробахъ снѣжныхъ вязнутъ,
То скользятъ, вразбродъ взбираясь
На подъемъ оледенѣлый...
Гдѣ пройдутъ—по всей дорогѣ
Пушки брошены, лафеты;
Снѣгъ заноситъ трупы коней,
И людей, и колымаги,
Нагруженныя добычей

Изъ святыхъ московскихъ храмовъ...
Посреди разбитой рати
Ѣдетъ вождь ея, привыкшій
Къ торжествамъ лишь да побѣдамъ...
Въ пошевняхъ на жалкихъ клячахъ
Ѣдетъ той же онъ дорогой,
Гдѣ прошелъ еще недавно
Полный гордости и славы...

А. Майковъ.

2. Изъ писемъ французовъ на родину [1]).

Рео, директоръ продовольственнаго отдѣла при главной квартирѣ, пишетъ своей женѣ:

„Я сохранилъ свое здоровье, и это все, на что ты можешь разсчитывать съ моей стороны во время этого похода. Приходится много тратить, чтобы кормиться, спать, на освѣщеніе, на пріобрѣтеніе самыхъ необходимыхъ принадлежностей хозяйства, на проѣзды и, наконецъ, на зимнюю одежду. Этотъ разъ приходится покупать все на свой счетъ, и мы не встрѣчаемъ никакой поддержки въ странѣ, гдѣ мало жителей, а у тѣхъ, которые остались, нѣтъ желанія притти намъ на помощь".

Г-нъ Бомари къ женѣ:

„Я никогда не буду въ состояніи описать тебѣ положеніе, въ коемъ мы оказались по выступленіи нашемъ изъ Москвы! Насъ безпрестанно тревожилъ непріятель и казаки. Послѣдніе не оставляютъ насъ въ покоѣ ни днемъ, ни ночью и вѣчно рыщутъ по бокамъ. Мы были среди мертвыхъ и умирающихъ, безъ съѣстныхъ припасовъ и въ странѣ, совершенно разоренной уже 3 мѣсяца назадъ"...

Баронъ Ларрей [2]) женѣ:

---

1) См. изд. моск. кн-ва „Образованіе"—„Календарь Наполеона".

2) Главноначальствующій санитарной частью Наполеоновской арміи.

„Никогда еще такъ не страдалъ. Египетскій и испанскій походы были ничто въ сравненіи съ теперешнимъ. И все-таки злоключенія наши далеко еще не окончились. Но я могу все-таки сказать, что здоровъ, а потому не безпокойся. Какъ и товарищи мои, я потерялъ почти все; и мы не имѣемъ никакой надежды на вознагражденіе. Приходится радоваться даже кусочкамъ мяса отъ павшихъ лошадей, что попадаются намъ по пути; ихъ поджариваютъ на угольяхъ. Въ этомъ вся наша пища".

3.

...25 октября стоялъ такой туманъ, что ни зги не было видно, и трещалъ морозъ свыше двадцати двухъ градусовъ; у насъ губы слипались, внутри носа стыло, и самый мозгъ, казалось, замерзалъ. Мы двигались въ ледяной атмосферѣ. Весь день при сильномъ вѣтрѣ падалъ снѣгъ небывало крупными хлопьями; не только не видно было неба, но даже и тѣхъ, кто шелъ впереди насъ...

Мы остановились неподалеку отъ лѣса: чтобы двинуться дальше, надо было долго дожидаться, — дорога была узкая, а скопленіе народа значительное...

За тѣ полчаса, что мы стояли на мѣстѣ, у насъ умерло нѣсколько человѣкъ. Много другихъ свалилось еще, пока колонна была въ движеніи. Когда мы останавливались закусить наскоро, то пускали кровь брошеннымъ лошадямъ или тѣмъ, которыхъ удалось стащить незамѣтно. Кровь собирали въ котелъ, варили ее и ѣли.

Но часто случалось, что только успѣвали развести огонь, какъ приходилось немедля съѣдать это кушанье почти въ сыромъ видѣ, потому что получался приказъ итти дальше или вблизи показывались русскіе. Если требовалось сниматься съ мѣста немедленно, уносили съ собой котелъ и каждый на ходу черпалъ изъ него пригоршнями и ѣлъ; поэтому у всѣхъ лица были выпачканы въ крови.

Зачастую, когда приходилось бросать заколотыхъ лошадей, потому что некогда было разрѣзать ихъ, люди нарочно отставали и прятались, чтобы ихъ не заставляли слѣдовать за полкомъ. Тогда они накидывались на сырое мясо, какъ хищные звѣри; рѣдко случалось, чтобы эти люди опять появлялись среди насъ— они или попадали въ плѣнъ къ непріятелю, или замерзали...

Было часовъ около десяти, когда я кончилъ свой жалкій ужинъ, состоявшій изъ кусочка печенки отъ лошади, убитой нашими саперами, а вмѣсто питья, проглотилъ пригоршню снѣга. Маршалъ Мортье также съѣлъ печенки, зажаренной для него денщикомъ, но только онъ ѣлъ ее съ кускомъ сухаря и запилъ каплей водки; ужинъ, какъ видите, не особенно изысканный для маршала Франціи, но и то было еще недурно при нашемъ злосчастномъ положеніи.

Послѣ ужина онъ вдругъ спросилъ у часового, стоявшаго, опершись на ружье, у дверей риги, зачѣмъ онъ тутъ? Солдатъ отвѣчалъ, что онъ стоитъ на часахъ. „Для кого и для чего? возразилъ маршалъ,—вѣдь все равно, это не помѣшаетъ холоду и нуждѣ вторгнуться сюда и терзать насъ! Ступай лучше, займи мѣсто у огня“. Немного погодя, онъ попросилъ у денщика чего-нибудь подложить себѣ подъ голову; ему подали чемоданъ, онъ завернулся въ плащъ и улегся.

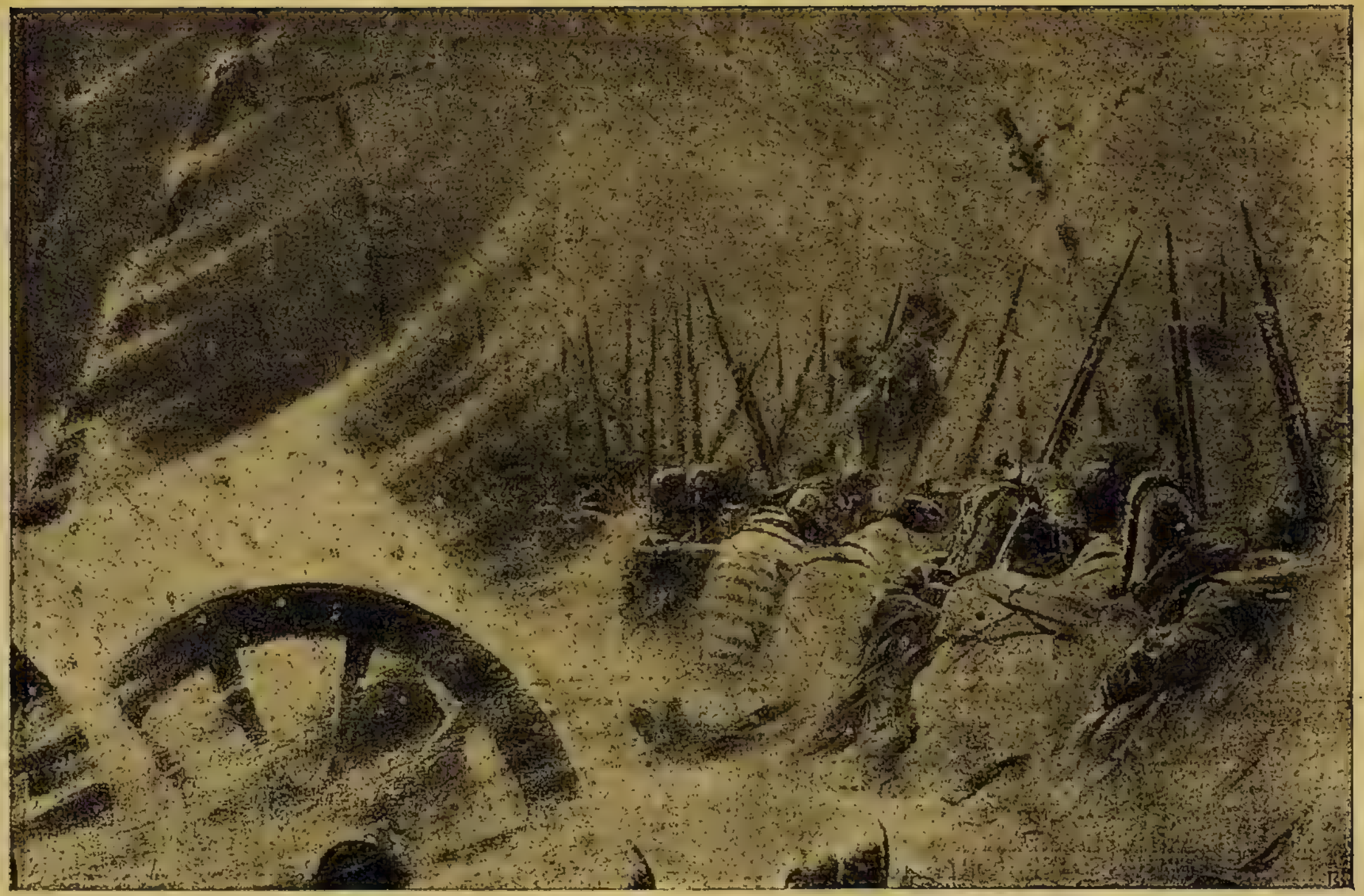
Я собирался сдѣлать то же самое, растянувшись на своей медвѣжьей шкурѣ, какъ вдругъ насъ переполошилъ какой-то странный шумъ; оказывается, сѣверный вѣтеръ забушевалъ по лѣсу, подымая снѣжную метель при 27-градусномъ морозѣ, такъ что люди не могли оставаться на мѣстахъ. Съ криками бѣгали они по равнинѣ, стараясь попасть туда, гдѣ виднѣлись огни, и этимъ облегчить свое положеніе; но ихъ крутилъ снѣжный вихрь, и они не могли двигаться или, если все-таки порывались бѣжать, то спотыкались и падали, чтобы уже больше не подыматься.

Въ составъ нашей арміи входилъ принцъ Эмилій Гессенъ-Кассельскій со своимъ войскомъ. Его маленькій корпусъ состоялъ изъ нѣсколькихъ полковъ кавалеріи и пѣхоты. Какъ и мы, онъ расположился на бивакахъ, по правую сторону дороги, съ остатками своихъ несчастныхъ солдатъ, число которыхъ сократилось до пяти или шести сотъ человѣкъ; въ числѣ ихъ находилось приблизительно до полутораста драгунъ, но уже пѣшихъ, такъ какъ ихъ лошади или пали, или были съѣдены. Эти храбрые воины, изнемогая отъ холода и не имѣя силъ оставаться на мѣстѣ въ такую метель и непогоду, рѣшили принести себя въ жертву, чтобы спасти своего молодого принца, юношу лѣтъ двадцати, не больше, поставивъ его по серединѣ, чтобы защитить отъ вѣтра и холода. Закутанные въ свои длинные бѣлые плащи, они всю ночь простояли на ногахъ, тѣсно прижимаясь другъ къ другу; на другое утро три четверти этихъ людей были мертвы и занесены снѣгомъ; та же участь постигла почти десять тысячъ изъ разныхъ корпусовъ.

(Изъ „Воспоминаній“ сержанта Бургоня).

4.

Начиная отъ Вязьмы, преимущественно же отъ Смоленска до Вильны, дорога была усѣяна непріятельскими трупами. Изъ любопытства счелъ я однажды, сколько ихъ на одной верстѣ лежало, и нашелъ отъ одного столба до другого 101 трупъ; но верста сія въ сравненіи съ другими еще не изобиловала тѣлами: на иныхъ верстахъ валялось ихъ, можетъ быть, и до трехъ сотъ. Кромѣ того, мѣста, гдѣ французы ночевали, обозначались грудами замерзшихъ людей и лошадей. Я самъ видѣлъ въ Борисовѣ шалашъ, выстроенный изъ замерзшихъ, окостенѣлыхъ тѣлъ,—шалашъ, подъ коимъ умирали сами строители. Корчмы, выстроенныя на большой дорогѣ, были набиты мертвыми и живыми людьми. Отъ разведеннаго среди нихъ огня загоралась корчма, и всѣ въ ней находившіеся по-



Ночной привалъ Великой арміи.

гибали въ пламени. Такая была общая, почти безъ исключенія, участь всѣхъ корчемъ и тѣхъ, которые въ нихъ укрывались отъ морозовъ и по большей части не въ состояніи были выйти по слабости, ранамъ и болѣзни. Когда наша полиція вступила въ исполненіе своихъ обязанностей, то трупы стали складываться въ костры и, по обложеніи ихъ дровами и навозомъ, сожигались, отчего распространялся отвратительный смрадъ, смѣшанный съ запахомъ жженаго навоза. И теперь, когда слышу запахъ жженаго навоза, то вспоминаю ужасъ 1812 года... Зима 1812 года была жестокая. Термометръ Реомюра иногда показывалъ 31 градусъ. Холода эти, можетъ быть, предохранили нашу армію отъ заразительныхъ болѣзней, производимыхъ тлѣніемъ тѣлъ. Но такъ какъ много труповъ оставалось еще подъ снѣгомъ, то весною, когда сдѣлалась оттепель, они стали гнить и произвели эпидемію, которая опустошила тѣ губерніи, черезъ которыя непріятель отступалъ. Я слышалъ, что крестьяне, замѣтивъ какое-нибудь платье получше на мертвомъ тѣлѣ, приносили тѣло въ избу и оттаивали его на печи до состоянія мягкости членовъ, послѣ чего скидывали платье и, обшаривъ карманы, иногда находили въ нихъ деньги. Случалось имъ находить деньги даже въ сжатомъ кулакѣ умершаго, при чемъ гнилое тѣло заражало всю семью, которая вымирала и передавала заразу сосѣдямъ и такъ далѣе... Ужасное зрѣлище представляли и различныя положенія, въ которыхъ умирали французы. Нѣкоторые были совсѣмъ вдвое согнуты, у другихъ лица изуродованы отъ ударовъ объ ледъ при паденіи. Снѣгъ заносилъ тѣхъ, которые лежали въ канавѣ, и случалось видѣть руку съ сжатымъ кулакомъ или почернѣвшую ногу, которая торчала изъ-подъ снѣга. Я видѣлъ одного француза, замерзшаго стоя на колѣняхъ, сложа руки въ положеніи просящаго помощи... Зрѣлища ужасныя, съ которыми мы тогда свыклись! Въ числѣ замерзшихъ встрѣчались и женщины, тоже нагія... Множество французскихъ офицеровъ и солдатъ, болѣе похожихъ на тѣни, чѣмъ на живыхъ людей, брели

въ сильнѣйшіе морозы, голые и босые, среди отшедшихъ товарищей своихъ, и къ нимъ по пути валились. На рѣдкомъ изъ нихъ были мундиры, большею частью покрывались они, чѣмъ попало. У многихъ были на головахъ ранцы, вмѣсто шапокъ, у иныхъ оставались на головахъ кирасирскія каски, съ длинными конскими хвостами; сами же кирасиры были голые и накрывались рогожей или обвивались соломой. Я видѣлъ одного изъ такихъ, который, опираясь на палку, велъ подъ руку женщину; несчастная чета еле на ногахъ держалась и просила хлѣба у прохожихъ: „Кліеба, кліеба!“ Иные скрывались въ соломѣ, въ селеніяхъ, лежащихъ въ сторонѣ отъ большой дороги. Однажды случилось мнѣ ночевать въ уцѣлѣвшей деревнѣ; слуга мой пошелъ на крестьянское гумно, дабы достать корма для лошадей и, когда онъ сталъ набирать солому, то изъ оной выскочили два голые француза, которые такъ быстро убѣжали въ лѣсъ, что ихъ не могли остановить. Французы преимущественно толпились тамъ, гдѣ лежала падаль, около которой они дрались и рвали ее на куски. Они обступали нашихъ мимо идущихъ, прося на всѣхъ европейскихъ языкахъ хлѣба, службы или плѣна. Но какое пособіе можно было оказать симъ страдальцамъ, когда мы сами почти бѣдствовали отъ нужды?.. Многіе французы почти требовали, чтобы мы ихъ брали въ плѣнъ, и говорили, что мы обязаны были призрѣть обезоруженныхъ людей; но они не имѣли права ссылаться на существующіе между воюющими обычаи, когда сами столь явно нарушали ихъ жестокостями, разореніемъ и грабежомъ, которые они въ нашемъ отечествѣ производили. Наполеонъ разстрѣлялъ многихъ нашихъ солдатъ плѣнныхъ, когда не имѣлъ, чѣмъ кормить ихъ; отставшимъ же отъ арміи солдатамъ насилія мы не дѣлали: они сами погибали отъ того, что нечѣмъ было ихъ содержать. Изъ нихъ выбирали, однако, нѣмцевъ, которыхъ привели внутрь Россіи и сформировали изъ нихъ легіоны, присоединившіеся впослѣдствіи въ Германіи къ Прусской арміи.

Посылали также казаковъ набирать плѣнныхъ, которыхъ сгоняли въ одно мѣсто и потомъ отсылали во внутреннія губерніи колоннами, состоявшими изъ двухъ и трехъ тысячъ человѣкъ; но продовольствія имъ, за неимѣніемъ онаго, не могли давать. На каждомъ ночлегѣ оставались отъ сихъ партій на снѣгу сотни умершихъ...

(Изъ „Записокъ“ Н. Муравьева. Рус. Арх. 1885 г., кн. 2).

9.

Вѣдомость о числѣ истребленныхъ человѣческихъ и скотскихъ труповъ по изгнаніи непріятеля изъ Россіи [1]).

НАЗВАНІЕ ГУБЕРНІИ.	Истреблено труповъ.	
	Человѣческихъ.	Скотскихъ.
Въ Калужской	2.230	7.355
„ Московской	58.811	31.664
„ Смоленской	172.566	128.739
„ Минской	56.351	32.357
„ Могилевской	50.185	17.050
„ Виленской	92.243	12.778
„ Бѣлостокской области	321	734
Итого	430.707	230.677

Декабрь 1812 г.

Министръ полиціи *А. Балашевъ.*

1) Гл. Арх., 11—27, № 1, 2. Заимствовано изъ изданія моск. кн-ва „Образованіе“—„Календарь Наполеона“.

10.

Встрѣча партизановъ со старой Наполеоновской гвардіей.

3-го ноября, на разсвѣтѣ, разъѣзды наши дали знать, что пѣхотныя непріятельскія колонны тянутся между Никулинымъ и Стеснами. Непріятель остановился, дабы дождаться хвоста колонны, спѣшившаго на соединеніе съ нимъ. Замѣтивъ сіе, графъ Орловъ-Денисовъ приказалъ намъ атаковать ихъ. Разстройство этой части непріятельской колонны было таково, что мы весьма скоро разбили ее, захвативъ въ плѣнъ генераловъ Альмераса и Бюрта, до двухсотъ нижнихъ чиновъ, четыре орудія и множество обоза.

А сзади подходила старая гвардія, посреди коей находился самъ Наполеонъ. Это было уже за полдень. Мы вскочили на коней и снова явились у большой дороги. Непріятель, увидя шумныя толпы наши, взялъ ружье подъ курокъ и гордо продолжалъ путь, не прибавляя шагу. Сколько ни покушались мы оторвать хотя одного рядового отъ этихъ сомкнутыхъ колоннъ, но онѣ, какъ гранитныя, пренебрегая всѣми усиліями нашими, оставались невредимы. Я никогда не забуду свободную поступь и грозную осанку сихъ, всѣми родами смерти испытанныхъ, воиновъ. Осѣненные высокими медвѣжьими шапками, въ синихъ мундирахъ, бѣлыхъ ремняхъ, съ красными султанами и эполетами, они казались маковымъ цвѣтомъ среди снѣжнаго поля. Мы жужжали вокругъ смѣнявшихся колоннъ непріятельскихъ, у коихъ отбивали отстававшіе обозы и орудія, иногда отрывали разсыпанные или растянутые по дорогѣ взводы, но колонны оставались невредимы. Видя,что всѣ наши азіатскія атаки не оказываютъ никакого дѣйствія противу сомкнутаго европейскаго строя, я рѣшился подъ вечеръ послать полкъ Чеченскаго впередъ, чтобы ломать мостики, находящіеся на пути къ Красному, заваливать дорогу и стараться затруднить, по возможности, движеніе непріятеля. Пол-

ковники, офицеры, урядники, многіе простые казаки устремлялись на непріятеля, но все было тщетно. Колонны двигались одна за другою, отгоняя насъ ружейными выстрѣлами и издѣваясь надъ нашимъ вокругъ нихъ безполезнымъ наѣздничествомъ. Въ теченіе этого дня мы еще взяли одного генерала, множество обозовъ и до 700 плѣнныхъ, но гвардія съ Наполеономъ прошла посреди толпы казаковъ нашихъ, какъ стопушечный корабль между рыбачьими лодками [1]).

(Изъ „Воспоминаній“ Д. Давыдова).

11.

Послѣ сраженія подъ Краснымъ.

5 ноября былъ первый день такъ называемаго Красненскаго сраженія. Передъ вечеромъ Кутузовъ выѣхалъ изъ Краснаго и поѣхалъ въ Доброе, куда была переведена на нынѣшній день главная квартира.

День былъ ясный, морозный. Кутузовъ съ огромной свитой недовольныхъ имъ, шушукающихся за нимъ генераловъ, верхомъ на своей жирной, бѣлой лошадкѣ ѣхалъ къ Доброму. По всей дорогѣ толпились, отогрѣваясь у костровъ, партіи взятыхъ нынѣшній день фран-

---

[1]) *Наполеонъ подъ Краснымъ.* Разсказываютъ, что въ сраженіи подъ Краснымъ въ день 5-го ноября Наполеонъ, чтобы выручить маршала Даву, самъ повелъ атаку противъ князя Голицына со старой гвардіей. Онъ поставилъ впереди молодую гвардію, а въ резервѣ старую и, стоя впереди своей старой гвардіи въ шубѣ и съ березовой палкой въ рукахъ, сказалъ: „Довольно мнѣ быть императоромъ, пора сдѣлаться генераломъ“. Обаяніе его имени было такъ велико, что и теперь, когда онъ, стоялъ во главѣ остатковъ разгромленной арміи (потери французовъ въ 3-хъ-дневномъ бою подъ Краснымъ были громадны), вѣсть о томъ, что атаку ведетъ самъ Наполеонъ, заставила Кутузова пріостановить движеніе нашихъ войскъ. Наполеонъ, конечно, воспользовался этимъ и отправилъ свои войска быстрымъ маршемъ изъ подъ Краснаго къ Оршѣ.

цузскихъ плѣнныхъ (ихъ взято было въ этотъ день 7 тысячъ). Недалеко отъ Добраго огромная толпа оборванныхъ, обвязанныхъ и укутанныхъ чѣмъ попало плѣнныхъ гудѣла говоромъ, стоя на дорогѣ подлѣ длиннаго ряда отпряженныхъ французскихъ орудій. При приближеніи главнокомандующаго говоръ замолкалъ, и всѣ глаза уставились на Кутузова, который въ своей бѣлой съ краснымъ околышемъ шапкѣ и ватной шинели, горбомъ сидѣвшей на его сутуловатыхъ плечахъ, медленно подвигался по дорогѣ. Одинъ изъ генераловъ докладывалъ Кутузову, гдѣ взяты орудія и плѣнные.

Кутузовъ казался чѣмъ-то озабоченнымъ и не слышалъ словъ генерала. Онъ недовольно щурился и внимательно и пристально вглядывался въ тѣ фигуры плѣнныхъ, которыя представляли особенно жалкій видъ. Большая часть французскихъ солдатъ были изуродованы отмороженными носами и щеками, и почти у всѣхъ были красные, распухшіе и гноившіеся глаза.

Одна кучка французовъ стояла близко у дороги, и два солдата,—лицо одного изъ нихъ было покрыто болячками,—разрывали руками кусокъ сырого мяса. Что-то было страшное и животное въ томъ бѣгломъ взглядѣ, который они бросили на проѣзжавшихъ, и въ томъ злобномъ выраженіи, съ которымъ солдатъ съ болячками взглянулъ на Кутузова, тотчасъ же отвернулся и продолжалъ свое дѣло.

Кутузовъ долго внимательно поглядѣлъ на этихъ двухъ солдатъ; еще болѣе сморщившись, онъ прищурилъ глаза и раздумчиво покачалъ головой. Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣтилъ русскаго солдата, который, смѣясь и трепля по плечу француза, что-то ласково говорилъ ему. Кутузовъ опять съ тѣмъ же выраженіемъ покачалъ головой.

— Что ты говоришь?—спросилъ онъ у генерала, продолжавшаго докладывать и обращавшаго вниманіе главнокомандующаго на французскія взятыя знамена, стоявшія передъ фронтомъ Преображенскаго полка.

— А, знамена!—сказалъ Кутузовъ, видимо съ трудомъ отрываясь отъ предмета, занимавшаго его мысли. Онъ разсѣяно оглянулся. Тысячи глазъ со всѣхъ сторонъ, ожидая его слова, смотрѣли на него.

Передъ Преображенскимъ полкомъ онъ остановился, тяжело вздохнулъ и закрылъ глаза. Кто-то изъ свиты махнулъ, чтобы державшіе знамена солдаты подошли и поставили ихъ древками знаменъ вокругъ главнокомандующаго. Кутузовъ помолчалъ нѣсколько секундъ и, видимо неохотно, подчиняясь необходимости своего положенія, поднялъ голову и началъ говорить. Толпы офицеровъ окружили его. Онъ внимательнымъ взглядомъ обвелъ кругомъ офицеровъ, узнавъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

— Благодарю всѣхъ!—сказалъ онъ, обращаясь къ солдатамъ и опять къ офицерамъ. Въ тишинѣ, воцарившейся вокругъ него, отчетливо слышны были его медленно выговариваемыя слова:—благодарю всѣхъ за трудную и вѣрную службу. Побѣда совершенная, и Россія не забудетъ васъ. Вамъ слава во вѣки!—Онъ помолчалъ, оглядываясь.

— Нагни, нагни ему голову-то,—сказалъ онъ солдату, державшему французскаго орла и нечаянно опустившему его передъ знаменемъ преображенцевъ.—Пониже, пониже, такъ-то вотъ. Ура! ребята, — быстрымъ движеніемъ подбородка обратясь къ солдатамъ, проговорилъ онъ.

— Ура-ра-ра!—заревѣли тысячи голосовъ.

Пока кричали солдаты, Кутузовъ, согнувшись на сѣдлѣ, склонилъ голову, и глазъ его засвѣтился кроткимъ, какъ будто насмѣшливымъ блескомъ.

— Вотъ что, братцы...—сказалъ онъ, когда замолкли голоса.

И вдругъ голосъ и выраженіе лица его измѣнились: пересталъ говорить главнокомандующій, а заговорилъ простой, старый человѣкъ, очевидно, что-то самое нужное желавшій сообщить теперь своимъ товарищамъ.

Въ толпѣ офицеровъ и въ рядахъ солдатъ произошло движеніе, чтобы яснѣе слышать то, что онъ скажетъ теперь.

— А вотъ что, братцы. Я знаю, трудно вамъ, да что же дѣлать! Потерпите; не долго осталось. Выпроводимъ гостей, отдохнемъ тогда. За службу вашу, васъ царь не забудетъ. Вамъ трудно, да все же вы дома; а они — видите, до чего они дошли, — сказалъ онъ, указывая на плѣнныхъ, — хуже нищихъ послѣднихъ. Пока они были сильны, мы себя не жалѣли, а теперь ихъ и пожалѣть можно. Тоже и они люди. Такъ, ребята?

Онъ смотрѣлъ вокругъ себя и въ упорныхъ, почтительно недоумѣвающихъ, устремленныхъ на него взглядахъ онъ читалъ сочувствіе своимъ словамъ; лицо его становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе отъ старческой кроткой улыбки, звѣздами морщившейся въ углахъ губъ и глазъ. Онъ помолчалъ и какъ бы въ недоумѣніи опустилъ голову.

— А и то сказать, кто же ихъ къ намъ звалъ? Подѣломъ, м...и...в.г... — вдругъ сказалъ онъ, поднявъ голову. И, взмахнувъ нагайкой, онъ галопомъ, въ первый разъ во всю компанію, поѣхалъ прочь отъ радостно хохотавшихъ и ревѣвшихъ ура, разстраивавшихъ ряды солдатъ.

Слова, сказанныя Кутузовымъ, едва ли были поняты войсками. Никто не сумѣлъ бы передать содержанія сначала торжественной и подъ конецъ простодушно-стариковской рѣчи фельдмаршала; но сердечный смыслъ этой рѣчи не только былъ понятъ, но то самое чувство величественнаго торжества въ соединеніи съ жалостью къ врагамъ и сознаніемъ своей правоты, выраженнаго этимъ, именно этимъ старпковскимъ, добродушнымъ ругательствомъ,—это самое чувство лежало въ душѣ каждаго солдата и выразилось радостнымъ, долго не умолкавшимъ крикомъ. Когда послѣ этого одинъ изъ генераловъ съ вопросомъ о томъ, не прикажетъ ли главнокомандующій пріѣхать коляскѣ, обратился къ нему, Кутузовъ, отвѣчая, неожиданно всхлипнулъ, видимо, находясь въ сильномъ волненіи.

(Изъ романа „Война и миръ“ Л. Н. Толстого).

12.

Отступленіе Нея.

7-го ноября Наполеонъ принужденъ былъ покинуть Оршу; но онъ оставилъ тамъ Евгенія [1]), Мортье и Даву и, остановившись въ двухъ миляхъ отъ этого города, сталъ разспрашивать о Неѣ, все продолжая поджидать его. То же уныніе царило во всей арміи, остатки которой находились въ Оршѣ...

Всѣ обвиняли другъ друга въ несчастіи Нея, словно была какая-нибудь возможность поджидать дольше третій корпусъ, подъ Краснымъ.

Когда истощились всѣ воспоминанія и всѣ догадки, насъ охватило уныніе, какъ вдругъ раздался лошадиный топотъ и послышался радостный крикъ:

— Маршалъ Ней спасенъ, онъ ѣдетъ къ намъ, вонъ его кавалеристы!..

4-го ноября Ней вышелъ изъ Смоленска съ двѣнадцатью орудіями, шестью тысячами пѣхоты и тремя стами кавалеріи.

Уже на слѣдующій день ихъ охватили мрачныя предчувствія: они достигли снѣжной поляны, красной отъ крови и покрытой обломками оружія и изуродованными трупами... (Это было поле сраженія подъ Краснымъ).

Ней поспѣшно повелъ солдатъ дальше отъ этихъ мрачныхъ мѣстъ, и они безпрепятственно дошли до того мѣста, гдѣ дорога уходитъ въ глубокій оврагъ, изъ котораго выбѣгаетъ опять на плоскую возвышенность...

Люди, шедшіе впереди безпорядочными толпами, вернулись, указывая на равнину, гдѣ чернѣли ряды непріятеля.

Это былъ Кутузовъ съ своей арміей. Со стороны Кутузова было восемьдесятъ тысячъ сытыхъ человѣкъ, стоявшихъ стройными, полными рядами, многочисленные эска-

1) Принцъ Евгеній—одинъ изъ маршаловъ.

дроны, огромная артиллерія, занимавшая грозную позицію, однимъ словомъ—все, и даже счастье, замѣняющее собою все. У Нея было пять тысячъ солдатъ, составлявшихъ еле тащившуюся, раздробленную колонну; его солдаты имѣли далеко не все необходимое оружіе, да и то было нечищено, поломано и нетвердо держалось въ ослабѣвшихъ рукахъ!

Первая дивизія скрылась вмѣстѣ съ дорогой на днѣ оврага, затѣмъ вновь показалась на другой сторонѣ его и, смятая первой русской линіей, снова скатилась въ оврагъ.

Нисколько не удивляясь происшедшему и не давая никому времени удивляться, маршалъ соединилъ остальныхъ, составилъ изъ нихъ резервъ и самъ замѣнилъ отступившихъ...

Всѣ послѣдовали за нимъ. Они подошли вплотную къ первой непріятельской линіи, пробили и смяли ея ряды, и, не останавливаясь, устремились ко второй; но они не успѣли еще достигнуть ея, какъ на нихъ посыпался цѣлый градъ желѣза и свинца. Въ одно мгновеніе у Нея были ранены всѣ генералы и убито большинство солдатъ; порѣдѣвшая колонна разсыпалась, она содрогнулась, отступила и увлекла за собой Нея.

Вечерній мракъ начиналъ заволакивать все окружающее. Сумерки наступали уже очень рано. Но Ней ихъ-то и дожидался. Онъ воспользовался перерывомъ для того, чтобы отдать приказъ о возвращеніи назадъ, къ Смоленску. Его подчиненные окаменѣли отъ удивленія. Услышавъ такое приказаніе, даже его адъютантъ не повѣрилъ своимъ ушамъ; онъ устремилъ на своего начальника растерянный взглядъ и молча стоялъ, не понимая ни слова. Тогда маршалъ повторилъ приказаніе. Они повиновались и безъ колебанія оборотились спиной къ родной арміи, къ Наполеону, къ Франціи и снова углубились въ Россію, принесшую имъ столько страданій...

Они слѣдили глазами за всѣми движеніями своего начальника: что же онъ предприметъ? И, каковы бы ни

были его намѣренія, куда же направится онъ, безъ проводника, въ невѣдомой странѣ? Онъ же, движимый инстинктомъ опытнаго воина, остановился на краю большого оврага, на днѣ котораго, какъ онъ и предполагалъ, протекалъ ручей. Ней приказалъ расчистить снѣгъ, покрывавшій ледъ, который также по его приказанію сломали. Тогда, увидѣвъ теченіе ручья, маршалъ воскликнулъ:

„Это притокъ Днѣпра! Вотъ нашъ проводникъ! Мы должны слѣдовать за нимъ, онъ приведетъ насъ къ рѣкѣ: мы переправимся на другой берегъ—тамъ наше спасеніе!“

Вблизи большой дороги, покинутой ими, они остановились въ какой-то незнакомой имъ деревнѣ... Тамъ Ней соединилъ войска и велѣлъ развести бивуачные огни, словно намѣреваясь остаться тамъ на продолжительное время. Казаки, ѣхавшіе слѣдомъ за нимъ, повѣрили этому и, очевидно, дали знать Кутузову о мѣстѣ, гдѣ на слѣдующій день французскій маршалъ отдастъ свое оружіе.

Въ то же время развѣдчики Нея объѣзжали окрестности. Единственнымъ человѣкомъ, котораго имъ удалось разыскать, былъ хромой крестьянинъ; ему несказанно обрадовались. Онъ объявилъ, что Днѣпръ находится на разстояніи лишь одной мили, но что въ бродъ перейти его нельзя и что онъ, вѣроятно, еще не замерзъ. „Онъ замерзнетъ!“—воскликнулъ маршалъ; когда же ему указали на наступившую оттепель, онъ прибавилъ:

— Какъ бы тамъ ни было, мы должны переправиться: это наша послѣдняя надежда!

Наконецъ, часамъ къ восьми они прошли какую-то деревню, и хромой мужикъ, шедшій впереди, остановился, указывая на рѣку... Зимняя стужа подморозила рѣку окончательно только въ этомъ мѣстѣ; но выше и ниже, поверхность ея была подвижна.

Одинъ офицеръ рѣшился пожертвовать собой. Онъ съ трудомъ достигъ противоположнаго берега. Вернувшись къ своимъ, онъ объявилъ, что людямъ и, можетъ быть, нѣ-

которымъ лошадямъ есть возможность переправиться, но что все остальное придется покинуть, при чемъ необходимо торопиться, такъ какъ вслѣдствіе оттепели ледъ начинаетъ таять...

Но Ней увидѣлъ, что лишь часть колонны находится возлѣ него. Три часа онъ рѣшилъ ждать, чтобы дать время всѣмъ снова соединиться; сдѣлавъ это распоряженіе, онъ спокойно закутался въ свой плащъ и проспалъ глубокимъ сномъ всѣ три часа ожиданія на берегу рѣки: у него былъ уравновѣшенный темпераментъ великихъ людей, изумительно сильная душа обитала въ этомъ тѣлѣ, отличавшемся крѣпкимъ здоровьемъ, безъ котораго не бываетъ героевъ.

Наконецъ, около полуночи, началась переправа. Но тѣ, кто первыми отдѣлились отъ берега, закричали остальнымъ, что ледъ опускается подъ ихъ тяжестью и что имъ приходится итти по колѣна въ водѣ; а вскорѣ съ ужаснымъ трескомъ стала ломаться и эта непадежная подпора. Всѣ остановились, охваченные ужасомъ!

Тогда Ней приказалъ переправляться по-одиночкѣ. Снова всѣ осторожно двинулись впередъ, не зная порой, среди темноты, ступаютъ ли они на льдину, или же попадаютъ въ какую-нибудь расщелину, такъ какъ встрѣчались такія мѣста, гдѣ приходилось переходить черезъ большія трещины, перепрыгивая съ одной льдины на другую, рискуя упасть между ними, и исчезнуть навѣки. Передніе заколебались, но тѣ, кто шелъ позади, крикнули имъ, чтобы они торопились.

Когда же, наконецъ, изнемогающіе и измученные они, достигли противоположной стороны и считали себя уже спасенными, передъ ними оказался такой крутой и обледенѣлый берегъ, что не было возможности взобраться на него... Разсказчики содрагались при одномъ воспоминаніи о толпахъ людей, тѣснившихся надъ этой пропастью, о непрерывномъ отзвукѣ паденій, о крикахъ утопавшихъ. Но еще ужаснѣе было вспоминать о слезахъ и отчаяніи тѣхъ раненыхъ, которые лежали въ повозкахъ и кото-

рыхъ нельзя было переправить по хрупкому льду. Они протягивали руки къ своимъ товарищамъ, умоляя не покидать ихъ.

Ихъ начальникъ сдѣлалъ попытку переправить нѣсколько повозокъ, нагруженныхъ этими несчастными; но когда повозки достигли средины рѣки, ледъ сталъ опускаться и вдругъ проломился. До стоявшихъ на берегу долетѣли сначала душу раздирающіе отчаянные крики, затѣмъ заглушенные и прерывистые стоны, за которыми наступило ужасное молчаніе—все исчезло!..

Колонна лишилась артиллеріи и обоза. У нея оставалось около трехъ тысячъ строевыхъ и столько же людей, шедшихъ безпорядочными толпами.

Соединивъ кое-какъ тѣхъ, кто смогъ переправиться, Ней двинулся въ дальнѣйшій путь, и покоренный Днѣпръ сталъ союзникомъ и проводникомъ французовъ.

Солдаты подвигались на-удачу, какъ вдругъ одинъ изъ нихъ, упавъ, замѣтилъ проторенную дорогу. Дорога эта, увы! оказалась даже слишкомъ наѣзженой. Шедшіе впереди, нагнувшись, стали ощупывать ее руками, и въ ужасѣ закричали, что они различаютъ свѣжіе слѣды пушекъ и лошадей. Итакъ, они ушли отъ одной непріятельской арміи лишь для того, чтобы попасть въ руки другой! И имъ, едва двигавшимся, снова придется сражаться! Значитъ, война была повсемѣстно! Но Ней приказалъ имъ итти впередъ и, довѣрившись грознымъ слѣдамъ, пришелъ къ Гусиному. Въ Гусиномъ они встрѣтили все то, чего были лишены съ минуты выступленія изъ Москвы: жителей, съѣстные припасы, покой, теплыя помѣщенія и около сотни казаковъ, которые проснувшись увидѣли себя плѣнными. Переговоры съ этими послѣдними, а также необходимость дать подкрѣпиться солдатамъ, задержали Нея на нѣкоторое время въ этой деревнѣ.

Около десяти часовъ вечера они набрели на двѣ новыя деревни и стали располагаться въ нихъ на отдыхъ, какъ вдругъ замѣтили, что окрестные лѣса полны движенія. Пока перекликались, переглядывались и сосредо-

точивались въ той изъ двухъ деревень, которая была ближе къ Днѣпру, изъ-за деревьевъ показались тысячи казаковъ и окружили несчастный отрядъ стѣной копій и пушекъ.

То былъ Платовъ со своими казаками, слѣдовавшими по берегу Днѣпра...

Спокойная сдержанность Нея сдерживала русскихъ. Онъ одинъ съ нѣсколькими солдатами наблюдалъ за непріятелемъ, приказавъ другимъ продолжать подкрѣпляться. Такъ наступила ночь. Тогда Ней отдалъ приказъ выступать, соблюдая тишину, предупреждая тихимъ голосомъ другъ друга и подвигаясь сомкнутыми рядами.

Но первый же шагъ ихъ далъ сигналъ непріятелю: грянули орудія и разомъ двинулись всѣ эскадроны...

Нею удалось выстроить отсталыхъ между собой и русскими...

Защитивъ свой правый флангъ оградой изъ этихъ несчастныхъ, маршалъ вернулся къ берегу Днѣпра, и прикрывъ ими же свой лѣвый флангъ, сталъ двигаться отъ лѣса къ лѣсу, отъ оврага къ оврагу, пользуясь малѣйшими изгибами и неровностями почвы. Когда ему приходилось удаляться отъ рѣки, Платовъ окружалъ его со всѣхъ сторонъ.

Такимъ то образомъ, въ теченіе двухъ дней и на протяженіи двадцати миль, шесть тысячъ казаковъ разъѣзжало вдоль обоихъ фланговъ колонны Нея, въ которой оставалось всего полторы тысячи вооруженныхъ людей...

Немного успокоенная, несчастная колонна подвигалась ощупью по темному густому лѣсу, какъ вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ впереди показался яркій свѣтъ и грянула пушка передъ самымъ лицомъ тѣхъ, которые шли въ переднихъ рядахъ. Охваченные страхомъ, они подумали, что попали въ засаду, и въ ужасѣ попадали на землю. Шедшіе позади смѣшались и тоже падали въ безпорядкѣ. Видя, что все погибло, Ней бросился къ нимъ. Онъ приказалъ дать сигналъ къ атакѣ, и какъ будто бы

это нападеніе не было для него неожиданнымъ, воскликнулъ:

— Товарищи, теперь пора, впередъ! Они въ нашихъ рукахъ!

При этихъ словахъ, пораженные солдаты, полагавшіе, что ихъ застигли врасплохъ, захотѣли, въ свою очередь, застичь врасплохъ непріятеля. Упавши на земь побѣжденными, они поднялись побѣдителями. Всѣ кинулись къ непріятелю. Но его уже не было: только по лѣсу раздавался шумъ поспѣшнаго бѣгства!...

(Изъ „Воспоминаній“ графа де-Сегюра).

13.

1. Черезъ Березину [1]).

Послѣ сраженія подъ Краснымъ, наступила оттепель. Остатки французской арміи брели по грязи, страшно затруднявшей движеніе. То, что было у Наполеона, за исключеніемъ его гвардіи, представляло изъ себя просто громадную толпу изголодавшихся, обмерзшихъ людей, одѣтыхъ въ рубища...

Войска Наполеона дошли до Бобра, когда навстрѣчу имъ начали подходить корпуса маршаловъ Удино и Виктора, оставленные на западѣ, тогда какъ остальная армія двинулась въ сердце Россіи. Съ громкими, радостными криками привѣтствовали они Великую армію, но крики эти замерли на ихъ устахъ, когда они увидѣли своихъ товарищей. До сихъ поръ они ничего не знали о несчастіяхъ, постигшихъ Великую армію. Вмѣсто стройныхъ полковъ, они увидѣли толпы привидѣній, покрытыхъ рубищами, въ женскихъ шубахъ, окутанныхъ клочками ковровъ и прожженными шинелями,—воиновъ, ноги которыхъ были обвиты всевозможнымъ тряпьемъ. Съ ужасомъ смотрѣли они на проходившихъ мимо нихъ несчастныхъ солдатъ, съ почернѣлыми и обросшими бородами лицами, безъ ору-

1) Составлено изъ различныхъ отрывковъ.

жія, безъ стыда. Тѣ шли безъ всякаго порядка, съ опущенными головами, устремивъ взглядъ въ землю, молча, какъ толпа плѣнныхъ. Болѣе всего удивляло множество полковниковъ и генераловъ, которые шли по одиночкѣ, думая только о себѣ и не зная, кого спасать—остатки ли своихъ командъ, или самихъ себя. Они шли, смѣшавшись съ соддатами, которые не обращали на нихъ никакого вниманія: всѣ связи были порваны, всѣ чины уничтожены общимъ бѣдствіемъ...

10-го ноября Наполеонъ получилъ роковую вѣсть о взятіи Борисова русскими (въ Борисовѣ онъ думалъ перейти рѣку Березину). Не теряясь, однако, онъ немедленно приказываетъ Удино взять во что бы то ни стало Борисовъ обратно, что тотъ и исполняетъ, захвативъ Чичагова врасплохъ. Удино заставилъ Чичагова отступить на правый берегъ. Эта удача воодушевила Наполеона.

Однако, другого исхода, кромѣ перехода черезъ Березину, не было. Но рѣку окружала армія Чичагова. Мостъ въ Борисовѣ былъ разрушенъ и о возстановленіи его въ виду непріятеля, нечего было и думать. Переправы усиленно сторожились. Словомъ, силой уже ничего нельзя было сдѣлать. Оставалось испробовать хитрость. Къ ней и прибѣгъ Наполеонъ.

На Березинѣ было три брода: два ниже Борисова, одинъ выше, у деревни Студянки.

300 французскихъ солдатъ и нѣсколько повозокъ было послано къ броду, ниже Борисова, съ приказомъ собирать тамъ матеріалъ, необходимый для наводки моста. Туда же, на виду у непріятеля, прошла цѣлая дивизія кирасиръ. Генералъ-аншефъ Лорансэ приказалъ, кромѣ того, привести къ нему нѣсколькихъ евреевъ и сталъ ихъ разспрашивать объ этомъ бродѣ и о дорогахъ къ Минску отъ брода. Затѣмъ, приказавъ задержать нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ качествѣ проводниковъ, остальныхъ велѣлъ вывести за аванпосты. Чтобы бить навѣрняка, онъ, отпуская ихъ, еще заставилъ ихъ поклясться, что они встрѣтятъ французовъ за переправой, у нижняго теченія Березины

Отступленіе Великой арміи.

и сообщатъ о движеніяхъ русскихъ. Теперь онъ былъ увѣренъ, что весь этотъ разговоръ будетъ переданъ Чичагову.

Въ то самое время, какъ старались такимъ образомъ привлечь вниманіе Чичагова къ броду ниже Борисова, у брода въ Студянкѣ, съ наступленіемъ сумерекъ, тайно шли подготовленія къ переправѣ. Постройкой моста руководилъ инженеръ Эбле, сумѣвшій, несмотря на всѣ ужасы отступленія, сохранить и доставить въ цѣлости изъ Смоленска къ Березинѣ всѣ необходимые понтонные инструменты.

Но окончить наводку мостовъ за ночь было невозможно. А на другомъ берегу, на высотахъ, стояли русскія войска—это была часть арміи Чичагова. Работали цѣлую ночь при свѣтѣ русскихъ огней, мерцавшихъ на высотахъ противуположнаго берега. Ждали, что непріятель вотъ-вотъ откроетъ огонь по понтонерамъ. Почти никто не надѣялся, что переправа состоится... Понтонеры работали стоя въ водѣ по самый ротъ, потому что паводокъ уничтожилъ бродъ. Вокругъ работавшихъ съ шумомъ плыли льдины, и многіе понтонеры потонули и замерзли въ ледяной водѣ въ эту ночь.

Забрезжило утро. Первые лучи дня должны были все открыть русскимъ. Уже французскіе солдаты разбирали оружіе; уже артиллеристы становились у пушекъ, уже генералы стояли на наблюдательныхъ постахъ. И все это дѣлалось въ той тишинѣ, какая воцаряется передъ великой опасностью.

Но наступилъ день, и взорамъ французовъ представился пустынный берегъ, два брошенныхъ костра и тридцать удалявшихся пушекъ. Врагъ уходилъ... Такъ значитъ, Наполеону удался его хитрый планъ!

Въ самомъ дѣлѣ, адмиралъ Чичаговъ былъ совершенно сбитъ съ толку. Вышло такъ, что, когда Наполеонъ направился съ остатками своей арміи въ Студянку, Чичаговъ повернулся къ нему спиной и пошелъ въ другую сторону,—къ мѣсту мнимой переправы французовъ.

И это былъ тотъ самый адмиралъ Чигаговъ, который разослалъ 7-го ноября изъ Минска слѣдующій приказъ о поимкѣ Наполеона:

„Наполеонова армія въ бѣгствѣ. Виновникъ бѣдствій Европы съ ней. Мы находимся на путяхъ его. Легко быть можетъ, что Всевышнему будетъ угодно прекратить гнѣвъ свой, предавъ его намъ. Почему желаю, чтобы примѣты сего человѣка были всѣмъ извѣстны. Онъ росту малаго, плотенъ, блѣденъ, шея короткая и толстая, голова большая, волосы черные. Для вящщей же надежности ловить и приводить ко мнѣ всѣхъ малорослыхъ. Я не говорю о наградѣ за сего плѣнника. Извѣстныя щедроты Монарха нашего за сіе отвѣтствуютъ. *П. Чичаговъ*“.

(По воспоминаніямъ гр. де-Сегюра).

2.

Щука и Котъ [1]).

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ:
И дѣло не пойдетъ на ладъ,
Да и примѣчено стократъ,
Что, кто за ремесло чужое браться любитъ,
Тотъ завсегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй:
Онъ лучше дѣло все погубитъ,
И радъ скорѣй
Посмѣщищемъ стать свѣта,
Чѣмъ у честныхъ и знающихъ людей
Спросить иль выслушать разумнаго совѣта.

Зубастой Щукѣ въ мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.

---

1) Неудачника Чичагова ловко высмѣялъ Крыловъ въ своей баснѣ „Щука и Котъ“. Чичаговъ былъ адмиралъ, зналъ свое морское дѣло, а взялся командовать сухопутной арміей,—вотъ и потерпѣлъ неудачу.

Не знаю: завистью ль ее лукавый мучилъ,
Иль, можетъ быть, ей рыбный столъ паскучилъ;
Но только вздумала Кота она просить,
Чтобъ взялъ ее съ собой онъ на охоту—
Мышей въ амбарѣ половить.
— „Да полно, знаешь ли ты эту, свѣтъ, работу?“ —
Сталъ Щукѣ Васька говорить:—
„Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Не даромъ говорится,
Что дѣло мастера боится“.
— „И, полно, куманекъ! Вотъ невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей.“
— „Такъ въ добрый часъ, пойдемъ!“—Пошли, засѣли.
Натѣшился, наѣлся Котъ,
И кумушку провѣдать онъ идетъ;
А Щука,—чуть жива, лежитъ, разинувъ ротъ,
И крысы хвостъ у ней отъѣли.
Тутъ видя, что кумѣ совсѣмъ не въ силу трудъ,
Кумъ замертво стащилъ ее обратно въ прудъ.
И дѣльно! Это, Щука,
Тебѣ наука:
Впередъ умнѣе быть
И за мышами не ходить.

И. Крыловъ.

3.

Переправа началась около полудня 14-го ноября, какъ только былъ наведенъ первый мостъ. Наполеонъ, самъ руководившій въ этотъ день работами и переправой, еще до окончательной наводки моста послалъ кавалерію генерала Корбина вплавь черезъ рѣку. Въ 4 часа пополудни былъ оконченъ второй мостъ—для артиллеріи и обоза. Переправа продолжалась всю ночь. Самъ Наполеонъ со своими гвардейцами и остатками корпуса Нея перешелъ на правый берегъ Березины только 15-го ноября утромъ.

Уходя, онъ поручилъ прикрывать переправу маршалу Виктору съ двумя дивизіями.

Только къ вечеру 15-го къ старому Борисову прибылъ со своимъ корпусомъ Витгенштейнъ, который вмѣстѣ съ Чичаговымъ долженъ былъ помѣшать переправѣ, окружить и захватить Наполеона съ остатками его арміи въ плѣнъ. Узнавъ, что Чичаговъ успѣлъ упустить Наполеона, Витгенштейнъ направилъ свои силы на оставшіеся на этомъ берегу французскіе корпуса. Въ то же время Платовъ съ партизаномъ Сеславинымъ заняли на томъ берегу городъ Борисовъ, а адмиралъ Чичаговъ по наведенному мосту поспѣшилъ соединиться съ Витгенштейномъ. Они условились на другой день аттаковать французскую армію.

Раннимъ утромъ, 16-го ноября, едва забрезжилъ разсвѣтъ съ обѣихъ сторонъ рѣки началось жаркое сраженіе. Генералъ Витгенштейнъ напалъ на корпусъ Виктора и тѣснилъ его къ мосту. Викторъ боролся за каждый шагъ около Студянки. Страшная канонада не умолкала ни на минуту. Наполеонъ самъ наводилъ орудія. На правомъ берегу рѣки отряды Платова и Ермолова открыли жестокій огонь противъ маршала Нея, который защищалъ береговой путь.

Наступившая ночь не прекратила боя. Стрѣльба направилась, главнымъ образомъ, на мосты, на обезумѣвшую толпу бѣглецовъ, гдѣ царили смерть и полное отчаяніе...

Съ самаго утра второго дня переправы поднялась метель, съ гудящимъ сѣвернымъ вѣтромъ; сильная вьюга залѣпляла сражавшимся глаза иеемъ и снѣгомъ. Сдѣлалось сумрачно. Только блескъ выстрѣловъ освѣщалъ окрестность. Каждое ядро поражало людей, лошадей или опрокидывало повозку. Къ довершенію ужаса и безвыходнаго положенія французовъ, вдругъ одинъ мостъ, раздробленный ядрами и отягощенный войсками и артилеріею, обрушился съ шумомъ... Въ одно мгновеніе все

что на немъ двигалось и толпилось, было поглощено волнами сердито ропщущей рѣки. Всѣ оставшіеся на лѣвомъ берегу спѣшно, сплошной массой, бросились на другой мостъ, но и тамъ уже зарядные ящики, взорванные гранатами, съ трескомъ летѣли въ воздухѣ; артиллерійскія лошади съ опрокинутыми передками и вьючныя, вырвавшіяся изъ рукъ вожатыхъ своихъ, пронзительно ржали, бѣгая по мосту взадъ и впередъ. Уцѣлѣвшіе изъ отряда Виктора, дѣлая рядъ траншей изъ мертвыхъ тѣлъ, грудами наваленныхъ на мосту, только къ утру перешли на другой берегъ. Французскіе военачальники, надрывая грудь, осиплымъ голосомъ кричали, понуждая своихъ солдатъ скорѣе перебраться черезъ мостъ, но изнуреніе и ужасъ французовъ были такъ велики, что они насилу могли двигаться.

Передъ другимъ мостомъ, по лѣвую сторону рѣки, осталось еще множество отсталыхъ, безоружныхъ, раненыхъ и нестроевыхъ французовъ. Инженеру Эбле, строителю моста приказано было зажечь мостъ, чтобы остановить преслѣдованіе русскихъ; но онъ не спѣшилъ исполнять порученія, давая возможность перебѣжать черезъ него отсталымъ.

Но вотъ показалась русская кавалерія, и на возвышенномъ берегу блеснули русскіе штыки. Тогда Эбле зажегъ мостъ. Запылалъ мостъ, загорѣлись на немъ повозки, люди и лошади, раздался вопль отчаянныхъ голосовъ. Многіе съ пронзительными криками, объятые смертельнымъ ужасомъ, стали бросаться въ рѣку,—и скоро Березина запрудилась трупами. Изъ воды торчали морды тонувшихъ лошадей, въ иномъ мѣстѣ высовывались изъ-подъ льдинъ поднятыя руки, ноги и головы людей съ обмерзлыми волосами. Это было ледяное кладбище... Долго послѣ того запрещено было брать воду изъ этой рѣки.

(По воспоминаніямъ Сегюра, разсказамъ изъ „Отеч. войны“ Любецкаго и др.).

14.

Обратно черезъ Нѣманъ.

Ковно былъ послѣдній городъ въ русской имперіи. 13-го декабря наши [1]) увидали дружественную землю. И тотчасъ, не останавливаясь, не обращая взора назадъ, большинство углубилось и разсѣялось въ лѣсахъ польской Пруссіи. Но нашлись и такіе, которые, придя къ союзнымъ берегамъ, обернулись назадъ. Тамъ, бросивъ послѣдній взглядъ на эту страну страданія, изъ которой они вырвались, увидѣвъ то самое мѣсто, откуда пять мѣсяцевъ тому назадъ ихъ безчисленные орлы побѣдоносно устремились впередъ, они стояли со слезами на глазахъ и испускали скорбные вопли.

„Такъ вотъ тотъ берегъ, который былъ покрытъ, словно щетиной, ихъ штыками! Вотъ тѣ самыя лощины, изъ которыхъ выступали при свѣтѣ жгучаго солнца три длинныя колонны драгунъ и кирасировъ, подобно тремъ рѣкамъ, сверкавшимъ сталью и мѣдью! А теперь все исчезло: люди, оружіе, орлы, лошади, само солнце и даже сама пограничная рѣка, которую они перешли, полные смѣлости и надежды! Нѣманъ былъ сплошной массой ледяныхъ глыбъ. На мѣстѣ трехъ французскихъ мостовъ, которые были привезены за 500 миль и переброшены съ такою смѣлою быстротою, единственно цѣлымъ оставался русскій мостъ. И, наконецъ, вмѣсто тѣхъ безсчисленныхъ бойцовъ, ихъ 400.000 товарищей, столько разъ торжествовавшихъ побѣду вмѣстѣ съ ними, устремившихся съ такою радостью и гордостью на русскія земли, выходили изъ этой сумрачной и ледяной пустыни только тысяча вооруженныхъ пѣхотинцевъ и кавалеристовъ, девять пушекъ и 20,000 жалкихъ созданій, покрытыхъ тряпками, съ опущенной головой, потухшимъ взоромъ, багрово-краснымъ лицомъ и длинною взъерошенною бородою! Одни изъ нихъ боролись въ мол-

---

1) Французы.

чаніи за узкій проходъ на мостъ, который, несмотря на ихъ небольшое число, оказался недостаточнымъ для ихъ поспѣшнаго бѣгства; другіе бѣжали по ледянымъ буграмъ рѣки, съ трудомъ перебираясь съ одного на другой. И это была вся „великая армія“! Да и многіе изъ этихъ бѣглецовъ были еще новыми рекрутами, которые присоединились къ ней только впослѣдствіи!“

Два короля, одинъ принцъ, восемь маршаловъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ, генералы, безпорядочно шедшіе пѣшкомъ; и, наконецъ, нѣсколько сотенъ солдатъ старой гвардіи, сохранявшихъ еще свое вооруженіе,— это было все, что осталось; они представляли теперь собою „великую армію“!

(Изъ „Воспоминаній“ гр. де-Сегюра).

15.

Легенды о Наполеонѣ.

I.

Гренадеры.

Во Францію два гренадера
Изъ русскаго плѣна брели,
И оба душой пріуныли,
Дойдя до нѣмецкой земли.
Придется имъ слышать, увидѣть
Въ позорѣ родную страну.
Ихъ храброе войско разбито,
И самъ императоръ въ плѣну.
Печальныя слушая вѣсти,
Одинъ изъ нихъ вымолвилъ: „Братъ!
Болитъ мое скорбное сердце,
И старыя раны горятъ!“
Другой отвѣчаетъ: „Товарищъ!
И мнѣ умереть бы пора;
Но дома жена, малолѣтки;
У нихъ ни кола, ни двора.
Да что мнѣ? Просить Христа-ради

Пущу и дѣтей, и жену...
Иная на сердцѣ забота:
Въ плѣну императоръ, въ плѣну!
Исполни завѣтъ мой: коль здѣсь я
Окончу солдатскіе дни,
Возьми мое тѣло, товарищъ,
Во Францію,—тамъ схорони!
Ты орденъ на ленточкѣ красной
Положишь на сердце мое,
И шпагой меня опояшешь,
И въ руки мнѣ вложишь ружье.
И смирно, и чутко я буду
Лежать, какъ на стражѣ, въ гробу...
Заслышу я конское ржанье
И пушечный громъ, и трубу:
То онъ надъ могилою ѣдетъ!
Знамена побѣдно шумятъ...
Тутъ выйдетъ къ тебѣ, императоръ,
Изъ гроба твой вѣрный солдатъ!“

Г. Гейне.

II.

Воздушный корабль.

По синимъ волнамъ океана,
Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ,
Корабль одинокій несется,
Несется на всѣхъ парусахъ.
Не гнутся высокія мачты,
На нихъ флюгера не шумятъ,
И молча въ открытые люки
Чугунныя пушки глядятъ.
Не слышно на немъ капитана,
Не видно матросовъ на немъ,
Но скалы и тайныя мели,
И бури ему нипочемъ.
Есть островъ на томъ океанѣ,—
Пустынный и мрачный гранитъ;

На островѣ томъ есть могила,
А въ ней императоръ зарытъ.

Зарытъ онъ безъ почестей бранныхъ
Врагами въ сыпучій песокъ;
Лежитъ на немъ камень тяжелый,
Чтобъ встать онъ изъ гроба не могъ.

И въ часъ его грустной кончины,
Въ полночь, какъ свершается годъ,
Къ высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаетъ.

Изъ гроба тогда императоръ,
Очнувшись, является вдругъ;
На немъ треугольная шляпа
И сѣрый походный сюртукъ.

Скрестивши могучія руки,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и къ рулю онъ садится
И быстро пускается въ путь.

Несется онъ къ Франціи милой,
Гдѣ славу оставилъ и тронъ,
Оставилъ наслѣдника-сына
И старую гвардію онъ.

И только что землю родную
Завидитъ во мракѣ ночномъ,
Опять его сердце трепещетъ,
И очи пылаютъ огнемъ.

На берегъ большими шагами
Онъ смѣло и прямо идетъ,
Соратниковъ громко онъ кличетъ
И маршаловъ грозно зоветъ.

Но спятъ усачи-гренадеры
Въ равнинѣ, гдѣ Эльба шумитъ,
Подъ снѣгомъ холодной Россіи,
Подъ знойнымъ пескомъ пирамидъ.

И маршалы зова не слышатъ:
Иные погибли въ бою,

Другіе ему измѣнили
И продали шпагу свою.

И, топнувъ о землю ногою,
Сердито онъ взадъ и впередъ
По тихому берегу ходитъ,
И снова онъ громко зоветъ:

Зоветъ онъ любезнаго сына—
Опору въ превратной судьбѣ;
Ему обѣщаетъ полміра,
А Францію только—себѣ.

Но въ цвѣтѣ надежды и силы
Угасъ его царственный сынъ,
И долго, его поджидая,
Стоитъ императоръ одинъ,—

Стоитъ онъ и тяжко вздыхаетъ,
Пока озарится востокъ,
И капаютъ горькія слезы
Изъ глазъ на холодный песокъ.

Потомъ на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и, махнувши рукою,
Въ обратный пускается путь.

М. Ю. Лермонтовъ.

III.

Наполеонъ.

Чудесный жребій совершился:
Угасъ великій человѣкъ,
Въ неволѣ мрачной закатился
Наполеона грозный вѣкъ.
Исчезъ властитель осужденный,
Могучій баловень побѣдъ,
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настаетъ.

О ты, чьей памятью кровавой
Міръ долго, долго будетъ полнъ,
Пріосѣненъ твоею славой,
Почій среди пустынныхъ волнъ!
Великолѣпная могила...
Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ ненависть почила,
И лучъ безсмертія горитъ.
Давно-ль орлы твои летали
Надъ обезславленной землей?
Давно-ли царства упадали
При громахъ силы роковой?
Послушны волѣ своенравной,
Бѣдой шумѣли знамена,
И налагалъ яремъ державный
Ты на земныя племена.
Надменный, кто тебя подвигнулъ?
Кто обуялъ твой дивный умъ?
Какъ сердца русскихъ не постигнулъ
Ты съ высоты отважныхъ думъ?
Великодушнаго пожара
Не предузнавъ, ужъ ты мечталъ,
Что мира вновь мы ждемъ, какъ дара;
Но поздно русскихъ разгадалъ...
Россія, бранная царица,
Воспомни древнія права!
Померкни, солнце Аустерлица!
Пылай, великая Москва!
Настали времена другія:
Исчезни, краткій нашъ позоръ!
Благослови Москву, Россія!
Война—по гробъ нашъ договоръ.
Оцѣпенѣлыми руками
Схвативъ желѣзный свой вѣнецъ,
Онъ бездну видитъ предъ очами,
Онъ гибнетъ, гибнетъ наконецъ.
Бѣжатъ Европы ополченья;

Окровавленные снѣга
Провозгласили ихъ паденье,
И таетъ съ ними слѣдъ врага.
  И все, какъ буря, закипѣло;
Европа свой расторгла плѣнъ;
Во слѣдъ тирану полетѣло,
Какъ громъ, проклятіе племенъ,
И длань народной Немезиды
Подъяту видитъ великанъ:
И до послѣдней всѣ обиды
Отплачены тебѣ, тиранъ!
  Искуплены его стяжанья
И зло воинственныхъ чудесъ
Тоскою душнаго изгнанья
Подъ сѣнью чуждою небесъ.
И знойный островъ заточенья
Полночный парусъ посѣтитъ,
И путникъ слово примиренья
На ономъ камнѣ начертитъ,
  Гдѣ, устремивъ на волны очи,
Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей,
И льдистый ужасъ полуночи,
И небо Франціи своей;
Гдѣ иногда, въ своей пустынѣ,
Забывъ войну, потомство, тронъ,
Одинъ, одинъ, о миломъ сынѣ
Въ уныньи горькомъ думалъ онъ.
  Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь!
Хвала!.. Онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ,
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

А. С. Пушкинъ.

Заключеніе.

Послѣ войны.

1.

...Со времени несчастія Москва стала еще милѣе для всѣхъ, кто къ ней былъ привязанъ. Говорятъ, Москва полна народу: въ нее съѣзжаются изъ всѣхъ сосѣднихъ губерній. Я одного боюсь, чтобы весной житье въ Москвѣ не сдѣлалось опаснымъ, такъ какъ во время шести-недѣльнаго пребыванія въ городѣ французы перебили множество народу. Не только городъ, но и окрестности усѣяны трупами, заражающими воздухъ. Представь, что будетъ весной, когда растаетъ снѣгъ! За пятнадцать верстъ отъ Москвы уже становится тяжело дышать; колодцы, овраги и рвы вокругъ Кремля, все наполнено мертвыми тѣлами; ихъ даже трудно отыскивать, и потому мѣры, принимаемыя противъ зла, недостаточны.

Плѣнные, разсѣянные по всей Россіи, заносятъ всюду заразу, потому что сами они почти чумные. Прислуга наша, пріѣхавшая изъ Высокаго, разсказываетъ, что по большой дорогѣ во многихъ деревняхъ есть дома, въ которые никто не смѣетъ входить. Находящіеся въ нихъ оживаютъ или умираютъ, будучи оставлены на произволъ судьбы...

Нынчѣ утромъ получили мы два письма отъ сестры изъ Минска. Она говоритъ, что у нихъ всѣ госпитали переполнены; дороги покрыты трупами, деревни полны больными, такъ что крестьяне убѣгаютъ въ лѣса и мертвыхъ оставляютъ безъ погребенія. Это можетъ имѣть ужасныя послѣдствія. Да сохранитъ насъ Богъ отъ чумы!..

(Изъ писемъ М. А. Волковой къ М. И. Ланской).

2.

Миновала тяжелая година, всколыхнувшая всѣ слои русскаго общества. Ушелъ врагъ...

„Когда неимовѣрная сія война воспріяла столь счастливое окончаніе,—писалъ въ декабрѣ, 1814 г. графъ Ко-

чубей императору Александру [1]),—когда правительство, подъ кровомъ Всевышняго, оправдало столь блистательно ожиданія подданныхъ своихъ; когда, основавъ спокойствіе внѣшнее на многія времена, возродило оно самыя утѣшительныя ожиданія и внутренняго блаженства,—то не можетъ благоразумное правительство, не подвергнувъ себя самымъ справедливымъ укоризнамъ и даже ослабленію чувствъ, глубоко въ подданныхъ громкою славою оружія впечатленныхъ, оставить безъ надлежащаго и неотлагательнаго вниманія настоящаго положенія государства во внутренности его. Не можетъ оно не обратить всѣхъ усилій и стараній своихъ къ излѣченію глубокихъ ранъ пожертвованіями на войну, а болѣе всего безпорядками, Имперіи нанесенныхъ. Не можетъ оно не удвоить стараній, дабы не только возвратить государству прежнее его благосостояніе, но, буде можно, и усугубить оное".

Упорная борьба противъ соединенныхъ силъ Европы совокупила народъ для защиты своего достоянія; онъ созналь, что однѣ мѣры правительства, безъ его содѣйствія, не въ состояніи были охранить государство отъ порабощенія вторгнувшагося завоевателя и что спасеніе отечества принадлежитъ всѣмъ тѣмъ, кто жертвовалъ жизнію и имуществомъ. Явилось сознаніе собственнаго достоинства, личная гордость и желаніе достигнуть того благосостоянія, которымъ пользовались народы, изгнанные изъ Россіи и побѣжденные русскою грудью. Понятно, что общее вниманіе должно было обратиться на внутреннее состояніе государства.

„Каждый взглянулъ на себя и занялся собою,—говорилъ С. Н. Глинка [2]).—Воскресла народность; воспрянули времена давно прошедшія и, говоря словами русской старины, настоящее сливалось съ прошедшимъ и отверзалась даль будущаго преобразованія".

---

1) См. статью акад. *Н. Ѳ. Дубровина* „Послѣ Отечественной войны". Рус. Стар. 1904 г., кн 1.

2) См. тамъ же.

„Вы видѣли,—говорилъ тотъ же С. Н. Глинка актеру С. Н. Сандунову [1]),—съ какимъ самоотверженіемъ благословляли крестьяне сыновъ своихъ на брань и съ какимъ рвеніемъ отдавали себя и все свое. Не во всемъ до этого времени я былъ согласенъ съ вами, касательно преобразованія крестьянскаго быта. Но теперь, судя по направленію народнаго духа, твердо увѣренъ, что люди русскіе способны къ нравственному образованію. Дѣло въ томъ, какое дадутъ ему направленіе и уравняютъ ли его съ нынѣшними необычными событіями“.

* * *

Вскорѣ послѣ войны было замѣтно, что огромное число крестьянъ бѣжало отъ своихъ помѣщиковъ и бродило по всей Россіи. Нуждаясь въ пропитаніи, они занялись грабежомъ и разбоями. Партіи разбойниковъ появились въ губерніяхъ Симбирской, Гродненской, Черниговской, Новгородской, Тамбовской, Нижегородской, Астраханской и другихъ. Бродяжничество, увеличивавшееся съ года на годъ, дошло до того, что всѣ мѣста, куда по закону бродяги посылались для исправленія, были настолько переполнены ими, что начальство, какъ военное, такъ и гражданское, отказывалось принимать ихъ. Вслѣдствіе этого былъ образованъ особый комитетъ для изысканія способовъ къ удобнѣйшему размѣщенію бродягъ, а въ маѣ 1820 г. было издано особое положеніе о бродягахъ... Крестьянскіе бунты были особенно часты послѣ Отечественной войны...

Вступившія въ свои квартиры войска, прошедшія всю Европу [2]), только и говорили, какъ хорошо въ чужихъ земляхъ, и спрашивали, почему не такъ у насъ. Имя

---

[1]) См. тамъ-же, Русская Старина, 1904 г., кн. 3.

[2]) Во время похода 1813 и 1814 г.г., окончившихся взятіемъ столицы Франціи, Парижа, и низложеніемъ Наполеона.

императора Александра гремѣло во всемъ просвѣщенномъ мірѣ: народы, государи, пораженные его великодушіемъ, предавали судьбу свою въ его волю. Россія гордилась имъ, но ожидала отъ него новой и лучшей судьбы.

„Она смыла позоръ Тильзитскаго мира,—записываетъ въ своихъ запискахъ одинъ изъ современниковъ, князь С. П. Трубецкой,—разорвала оковы, наложенные на нее властителемъ Европы, твердою ногою заняла первое мѣсто между сильнѣйшими государствами въ мірѣ. Эпоха самостоятельности настала; оставалось только вкусить плоды такого положенія“.

Въ такомъ ожиданіи многіе обратились къ изслѣдованію дѣйствій правительства и, разбирая недостатки существующаго порядка, мечтали о замѣнѣ его другимъ, лучшимъ.

Необходимо замѣтить, что великія событія Отечественной и послѣдующихъ войнъ, требовавшія сильнаго напряженія физическихъ и нравственныхъ силъ, съ наступленіемъ затишья вызывали какое-то безпокойное исканіе дѣятельности. „Если рыбу, — говорилъ Ѳ. Н. Глинка,—разгулявшуюся въ раздольныхъ моряхъ, засадятъ въ садокъ, и та всплескиваетъ на верхъ, чтобы вздохнуть вольнымъ Божьимъ воздухомъ:—душно ей! И душно было тогда въ Петербургѣ людямъ, только что разставшимся съ полями побѣдъ, съ трофеями, съ Парижемъ и прошедшимъ на возвратномъ пути черезъ сто тріумфальныхъ воротъ почти въ каждомъ городкѣ, на которыхъ на лицевой сторонѣ написано: „*Храброму россійскому воинству*“, а на обратной: „*Награда въ отечествѣ*“. И эти разгулявшіеся рыцари попали въ тѣсную рамку обыденности, въ застой совершенный, въ монотонію томительную.

(„Послѣ Отечественной войны“, акад. Н. Ѳ. Дубровинъ Рус. Стар. 1904 г. 1, 31).

3.

Возвратившись изъ заграничнаго похода императоръ Александръ I издалъ 1-го января 1816 г. манифестъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось:

„Что изречемъ Россіяне, любезные Наши вѣрноподданные? Какими преисполнимся чувствованіями послѣ толикихъ чудесныхъ событій? Падемъ предъ Всевышнимъ; повергнемъ предъ Нимъ сердца свои, дѣла и мысли. Мы претерпѣли болѣзненныя раны; грады и села наши, подобно другимъ странамъ, пострадали; но Богъ избралъ насъ совершить великое дѣло; Онъ праведный гнѣвъ свой на насъ превратилъ въ неизреченную милость. Мы спасли отечество, освободили Европу, низвергли чудовище, истребили ядъ его, водворили на землю миръ и тишину, отдали законному королю отъятый у него престолъ, возвратили нравственному и естественному свѣту прежнее его блаженство и бытіе; но самая великость дѣлъ сихъ показываетъ, что не мы то сдѣлали. Богъ для совершенія сего нашими руками далъ слабости нашей свою силу, простотѣ нашей свою мудрость, слѣпотѣ нашей свое всевидящее око. Что изберемъ: гордость или смиреніе? Гордость наша будетъ несправедлива, неблагодарна, преступна предъ Тѣмъ, Кто изліялъ на насъ толикія щедроты; она сравнитъ насъ съ тѣми, которыхъ мы низложили. Смиреніе наше исправитъ наши нравы, загладитъ вину нашу предъ Богомъ, принесетъ намъ честь, славу и покажетъ свѣту, что мы никому не страшны, но и никого не страшимся. Благочестіе, вѣра и вѣрность твоя, Россійское Христолюбивое воинство и народъ, ознаменовались милостію къ тебѣ Божескою...

„Мы, послѣ толикихъ происшествій и подвиго
обращая взоръ свой на всѣ состоянія вѣрноподдан
Намъ народа, недоумѣваемъ въ изъявленіи ему На
благодарности. Мы видѣли твердость его въ вѣр
дѣли вѣрность къ престолу, усердіе къ отечеству

мимость въ трудахъ, терпѣніе въ бѣдахъ, мужество въ браняхъ. Наконецъ, видимъ совершившуюся на немъ Божескую благодать; видимъ и съ Нами видитъ вся вселенная. Кто, кромѣ Бога, кто изъ владыкъ земныхъ и что можетъ ему воздать. Награда ему дѣла его, которымъ свидѣтели небо и земля. Намъ же, преисполненнымъ любовію и радостію о толикомъ народѣ, остается токмо во всегдашнихъ къ Богу моленіяхъ Нашихъ призывать на него вся благая: да славится, да процвѣтаетъ, да благоденствуетъ онъ подъ всесильнымъ Его покровомъ въ роды родовъ!“

(Изъ Манифеста Императора Александра I-го. Данъ въ СПБ-гѣ. января 1-го въ лѣто отъ Рождества Христова 1816).

Медаль въ память Отечественной войны.

Государственная публичная
БИБЛИОТЕКА
Историческая